

АРХЕОЛОГИЯ
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

АРХЕОЛОГИЯ СССР

С В О Д
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К И Х
И С Т О Ч Н И К О В

П О Д О Б Щ Е Й Р Е Д А К Ц И Е Й
А К А Д Е М И К А
Б . А . Р Ы Б А К О В А

Е 1—57

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М О С К В А

1 9 6 6

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

В. П. ДАРКЕВИЧ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЗАПАДНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
РЕМЕСЛА
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(X—XIV вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М О С К В А

1 9 6 6

Ответственный редактор

Г. К. ВАГНЕР

ВВЕДЕНИЕ

Древняя Русь X—XIII вв. вписала блестящие страницы в историю мировой культуры. Тесно и многогранно связанная с феодальными государствами Востока и Запада, она активно участвовала в создании культурного единства средневековья. Древнерусскую культуру невозможно изучать изолированно, без сопоставления с синхронными культурами Закавказья, Средней Азии, Ирана, Византии, Балкан, стран Северной, Средней и Западной Европы. Только сравнительное исследование дает ключ к пониманию процесса возникновения и развития древнерусской феодальной культуры как самостоятельного очага средневековой цивилизации, помогает выявить ее специфические черты.

Большой исторический интерес представляет изучение контактов древней Руси со странами Западной Европы.

В X—XIII вв. Русь и Западная Европа (Франция, Германия, Италия и др.) находились в многообразных торговых, политических и культурных связях. Имя «Русь» (Russie) неоднократно появляется во французских романах и поэмах XII—XIII вв.¹ Киевская земля (Lant zu Kiewen) упоминается в Песне о Нибелунгах (XIII в.)². Русская летопись знает о различных народах Западной Европы. Артели романских зодчих способствовали украшению столицы Андрея Боголюбского, а купцы и паломники из Руси посещали Германию и Францию, достигали Галисии и берегов Альбиона.

Эти двусторонние связи изучены главным образом по письменным источникам: летописям, торговым договорам, таможенным уставам, сообщениям путешественников³. Сравнительно хорошо документированы сношения Киева с Южной Германией (Регенсбург), а также торговля Риги, Смоленска и Новгорода с Германией. Все же довольно отрывочные письменные свидетельства недостаточны для исследования проблемы в целом.

Археологические данные уточняют и значитель-

но дополняют сообщения письменных источников. Денарии западноевропейского чекана составляют большинство в древнерусских монетных кладах XI в. Изучение кладов западноевропейских монет X—XI вв. позволило разрешить ряд вопросов, связанных с экономической историей средневековья⁴.

Летописные и литературные упоминания о привозной «латинской» утвари подкрепляются вещественным материалом. При раскопках древнерусских городов находят художественные изделия мастеров Кельна и Лиможа, Миндена и Гильдесгейма. Начиная с X в. проникают на Запад и произведения русских литейщиков, ювелиров и резчиков по кости⁵. Немецкий летописец Ламберт Герсфельдский (XI в.) сообщает, что Бурхард — глава германского посольства — «возвратился от короля русских с такими богатыми дарами в золоте и серебре и дорогих одеждах, что никто не запомнит такого другого случая, чтобы одновременно в германское государство было ввезено такое множество»⁶. Окованный серебром и позолоченный крест-«мошевик» из Новгорода с русской надписью конца XII в. хранится в ризнице собора Гильдесгейма. Русские бронзовые кресты-энколпионы есть в собрании Ватиканского музея⁷.

Важным источником для изучения культурных связей Западной Европы и Руси в X—XIV вв. являются произведения западного художественного ремесла, найденные в Восточной Европе⁸. Среди них имеются вещи светского и церковного обихода: водолей (акваманилы), подсвечники, алтарные кресты, чаши, потиры, ларцы, переносные алтари, дарохранительницы, оклады книг, ложечки для принятия причастия, статуэтки, подвески к конской сбруе, металлические украшения, игральные пашки, геммы и образки и т. д. Они выполнены в различной технике (литье,ковка,чеканка, тиснение, гравировка, инкрустация и золочение, выемчатая эмаль, чернь, резьба по кости и камню).

Художественные изделия, часто единственные в своем роде, обогащают наши знания о прикладном

¹ G. Lozinskij, 1929.

² А. И. Дробинский, 1948, стр. 105.

³ М. Н. Березков, 1877; Он же, 1879; В. Г. Васильевский, 1888; А. А. Спицын, 1911; Н. Л. Рубинштейн, 1925; М. Э. Шайтан, 1925; Он же, 1927; Б. А. Рыбаков, 1951а; Б. Я. Рамм, 1959; А. Л. Хорошкевич, 1963; Th. Ediger, 1911; L. K. Goetz, 1916; S. Cross, 1935; J. Brutzkus, 1943; M. Taube, 1947; B. Widera, 1954.

⁴ В. Л. Янин, 1956; В. М. Потин, 1961; N. Bauer, 1929; Он же, 1930; Он же, 1935.

⁵ Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 471—481.

⁶ Б. Я. Рамм, 1959, стр. 63—64.

⁷ Б. А. Рыбаков, 1963, прим. 23 на стр. 44.

⁸ Предметы русского импорта, хранящиеся в различных западноевропейских музеях и частных собраниях, в большинстве случаев не обнаружены.

искусстве средневекового Запада (особенно поздне-романского времени), иногда восполняя недостающие звенья. Они помогают глубже познакомиться с особенностями средневековой идеологии и быта.

За немногими исключениями импортные вещи оставались вне поля зрения археологов и искусствоведов. Находимые сравнительно редко, они тонули в массе произведений собственно русского художественного ремесла. Еще Я. И. Смирнов сетовал на недостаток внимания, «которое наши археологи уделяют находимым в России предметам средневекового искусства Запада»⁹. Слабая изученность материала приводила к ошибочному заключению, что импорт художественных изделий оставался на Руси большой редкостью¹⁰. Публикации единичных вещей, появившиеся в конце прошлого века, зачастую не шли дальше их поверхностного описания. При попытках анализа допускались многочисленные ошибки в атрибуции памятников, высказывались необоснованные, часто фантастические предположения об их попадании на Русь. Например, эмалевые накладки креста (или реликвария в виде бюста) работы известного лотарингского ювелира Годфруа де Клера (третья четверть XII в.) были истолкованы как «наплевники» Андрея Боголюбского, выполненные на Руси (?) рейнскими ювелирами¹¹. Даже такой крупный знаток средневекового искусства, как Н. П. Кондаков, принял их за части пластинчатого доспеха (?) лиможской работы второй половины XIII в. (?)¹². Оклады Евангелий из новгородского Антониева монастыря (Лимож, вторая треть XIII в.) долгое время служили иллюстрацией к легендарному житию Антония Римлянина. Слабая изученность средневекового художественного ремесла на Западе ограничивала возможности сравнительного анализа.

Первым важным вкладом в изучение вопроса явилась работа Я. И. Смирнова, который опубликовал несколько бронзовых водолеев XIII в., найденных в России, определив их как западноевропейские¹³. Точнее установить родину и время отливки акваманилов ему не удалось. В 20—30-х годах XX в.

на Западе начинается интенсивное изучение средневекового прикладного искусства, издаются обобщающие труды о тканях, выемчатых эмалях, резной кости и т. д.¹⁴ В капитальном издании О. Фальке и Э. Мейера о бронзовых изделиях средневековья получили точную атрибуцию несколько водолеев, найденных в Восточной Европе¹⁵.

Работы советских историков, характеризуемые современной методологией и привлечением большого сравнительного материала, все же не выходят за рамки частных публикаций¹⁶. Как источник для исследования историко-культурных проблем предметы западного импорта почти не используются.

Автор ставит своей задачей прежде всего научно интерпретировать и обобщить все доступные данные о произведениях западноевропейского художественного ремесла, найденных на территории СССР¹⁷. Так как связи древней Руси нельзя изучать в отрыве от истории соседних народов, в работу включен материал из Восточной Прибалтики, южнорусских степей, Среднего Поволжья, Зауралья и Кавказа. Всестороннее исследование позволяет подойти к общим проблемам о характере культурных связей Запада и Руси.

При сборе вещей использованы собрания ГИМ, Государственной Оружейной палаты, Эрмитажа, музеев Киева, Львова, Чернигова, Переяслава-Хмельницкого, Рязани, Смоленска, Новгорода, Загорска, Волковыска, Таллина, Риги, Вильнюса и др., а также отдельные публикации, рассеянные в десятках изданий. Привлечены археологические и архивные материалы ИА АН СССР.

Автор пользуется случаем, чтобы принести благодарность А. К. Амброзу, Г. К. Вагнеру, Н. Н. Ворониной, Г. Ф. Корзухиной, Э. А. Лапковской, А. Л. Монгайту, Т. И. Николаевой, Б. А. Рыбакову за постоянную помощь и поддержку в работе. Автор выражает искреннюю признательность всем сотрудникам музеев, помогавшим ему при сборе и обработке материала, а также Ю. В. Несквернову, который выполнил значительную часть фотографий.

⁹ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 1.

¹⁰ Ф. Я. Полянский, 1954, стр. 321. См. также Г. Ф. Корзухина, 1951, стр. 81.

¹¹ Г. Д. Филимонов, 1874, стр. 22.

¹² И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1899, стр. 89.

¹³ Я. И. Смирнов, 1902.

¹⁴ A. Goldschmidt, 1923; Он же, 1926.

¹⁵ O. Falke und E. Meyer, 1935.

¹⁶ Э. А. Лапковская, 1958; Н. Н. Воронин, 1956; Г. Ф. Корзухина, 1951.

¹⁷ Импортное оружие и доспех, а также изделия из стекла в свод не включены, поскольку они должны служить темой специальных исследований.

Глава I

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА

Весь вещевой материал (99 предметов) разделен на три хронологические группы: 1) IX—X вв. — 4 вещи; 2) XII—XIII вв. — 85; 3) XIV — первая половина XV в. — 10. Это деление отвечает основным этапам в истории связей древней Руси со странами Западной Европы. Оно примерно соответствует и трем периодам западноевропейского средневекового искусства: каролингскому, романскому и готическому. Из вещей, найденных в Восточной Прибалтике, в работу включены только те, что датируются временем не позднее XIII в., т. е. связанные с началом агрессии немецких феодалов против этого края.

В пределах каждой хронологической фазы вещи сгруппированы по географическому признаку (применительно к древней Руси — по княжествам). Такая структура помогает выявить направления путей сообщения, по которым предметы импорта попадали в Восточную Европу.

Описание каждой вещи дано в следующем порядке: общий порядковый номер, год, место и обстоятельства находки, место хранения и инвентарный номер, литература.

Каждая вещь исследована с точки зрения ее назначения, места изготовления (или принадлежности к определенной школе), датировки, содержания и символики изображений. Происхождение и датировка устанавливаются путем сравнения вещи с кругом аналогичных памятников, атрибутированных достаточно точно. При отсутствии прямых аналогий художественное изделие получает «паспорт» по комплексу отдельных технических и стилистических признаков, а также по результату анализа орнамента и иконографии персонажей. Определение родины вещей затруднено общностью стили и сюжетов прикладного искусства в различных областях феодальной Европы. Передаваясь из страны в страну, модели многократно копировались различными мастерскими. Иногда трудно отличить прототип от деривата, в котором смешались черты нескольких школ. Учтены также стратиграфические условия находки, позволяющие определить позднюю дату бытования вещей.

IX — X вв.

Два золотых венца, украшенных драгоценными камнями и выемчатой эмалью. Северная Италия, вторая половина IX в. (рис. 1, 1) *.

Найдены при неизвестных обстоятельствах в 1730 г. около Казани. Хранились в петербургской Кунсткамере Академии наук (?). В XVIII или XIX в. погибли или были похищены. Внешний вид загадочных «корон из Казани» известен только по гравюре, изданной Т. С. Байером в 1741 г.¹ Никаких дополнительных сведений не сохранилось.

Венцы похожи на «железную корону» Ломбардии из ризницы собора Монца (рис. 1, 2). Сходство так велико, что можно высказать предположение об изготовлении их в одной мастерской.

«Железная корона» происходит из Северной Италии (Милан?) и датируется второй половиной IX в.² Это позднекаролингский обетный венец, из тех, что в эпоху раннего средневековья жертвовали в церкви, где их подвешивали на цепочках над алтарем.

Казанские венцы первоначально были, видимо, такими же votivными дарами³. Как и корона Монца, каждый из них представляет собой круглый обруч, состоящий из шести прямоугольных золотых пластин на шарнирах (высота «железной короны» 7 см.) Каждое звено у стыков окаймлено узкими прямоугольными пластинками из золота с тремя посаженными друг над другом кабошонами драгоценных камней (в короне Монца — это рубины, сапфиры и аметисты). В центре каждой большой пластины — драгоценный камень в оправе. По сторонам его, образуя крест, располагаются четыре рельефные розетки, чеканенные из золота (на казанских обручах у них от четырех до восьми лепестков, на ломбардской короне — розетки шестилепестковые). Промежутки между цветами, как

* Предметы IX—X вв. ввиду их малочисленности не получили порядкового номера.

¹ Т. С. Байер, 1741, стр. 378—387, табл. 24, 4.

² Н. Viehn, 1957, стр. 88.

³ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1897, стр. 95—96, рис. 120.

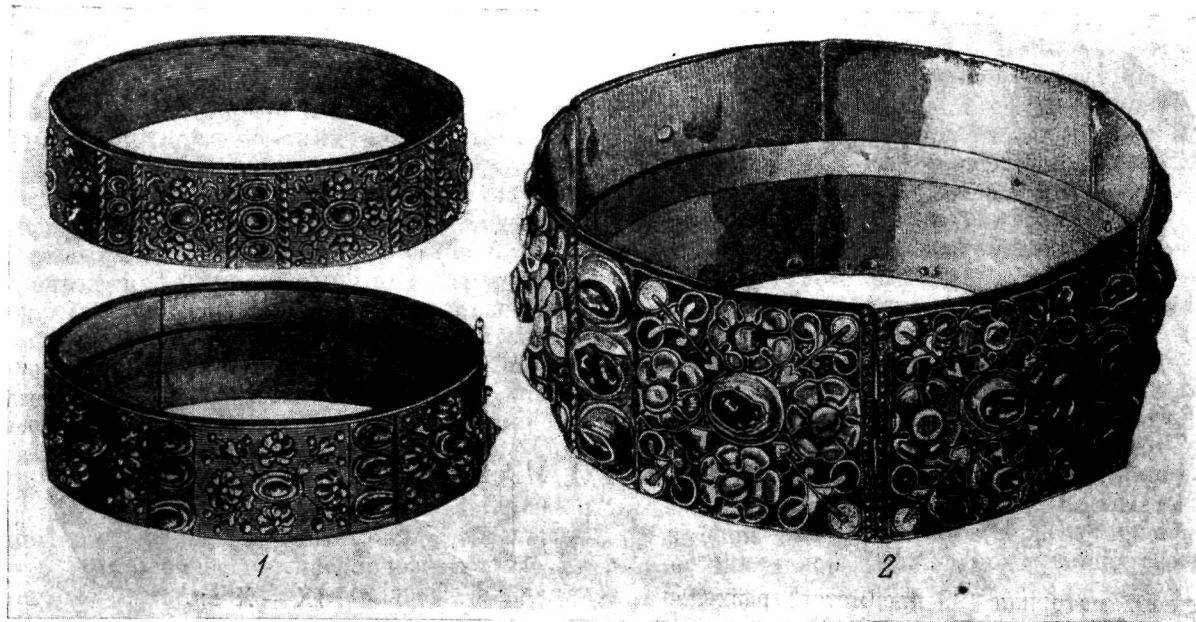

Рис. 1. Золотые венцы из Казани и «железная корона» Ломбардии (вторая половина IX в.)

1 — венцы из Казани; 2 — «железная корона» Монца

и на итальянской короне, вероятно, были украшены четырехугольными пластинками с растительным орнаментом, исполненным выемчатой эмалью (выходящий из сердцевидной фигуры стебель с тремя кружками на концах отростков). Аналогичный узор видим на короне из Италии (цвета эмали изумрудно-зеленый, красный, голубой, белый).

геммы 1,9 см. На лицевой стороне очень схематично вырезаны три фигурки бородатых мужчин, взявшихся за руки. На них широкополые шляпы с плоской тульей, к поясу подвешены мечи.

Подобные геммы, круглые или овальные, привлекали внимание ученых еще в середине прошлого века. Гемма с «рунами», найденная в 1871 г. в Зондербурге на острове Альзен (Дания), дала наименование всей группе — *Alsengemmen*. Особенно много их найдено между Рейном и нижней Эльбой, на территории древней Фризии (табл. 28, 1). К настоящему времени известно 85 *Alsengemmen*, различающихся по числу бородатых людей, выгравированных на лицевой стороне: одна гемма с четырьмя фигурками, 43 — с тремя, 27 — с двумя и 14 — с одной. В Нидерландах найдено 11 экземпляров, на территории ГДР и ФРГ — 12, в Дании — 8, в Норвегии — 1, в Швеции — 4, в России — 2. В ризницах церквей Нидерландов хранится 6 гемм, в немецких ризницах — 31. Происхождение остальных гемм из европейских музеев не известно⁴. При раскопках древнего Белгорода была найдена *Alsengemme* с изображением двух человеческих фигур⁵.

Смоленская находка принадлежит к самой многочисленной разновидности *Alsengemmen*. Ключом к расшифровке изображений послужила гемма (рис. 2, 2), найденная в 1862 г. в г. Ливерен (провинция Дренте в Голландии). Левая фигурка сидит (виден угол сиденья), к ней подходят три бородатых человека. Над головами персонажей вырезаны крест и две звезды. Сравнение этой композиции с бронзовыми дисками-амулетами VII—VIII вв. из Рима показывает, что она изображает поклонение трех волхвов — Каспара, Мельхиора и Валтасара — Марии с младенцем. Согласно О. Ф. Гандерту, па-

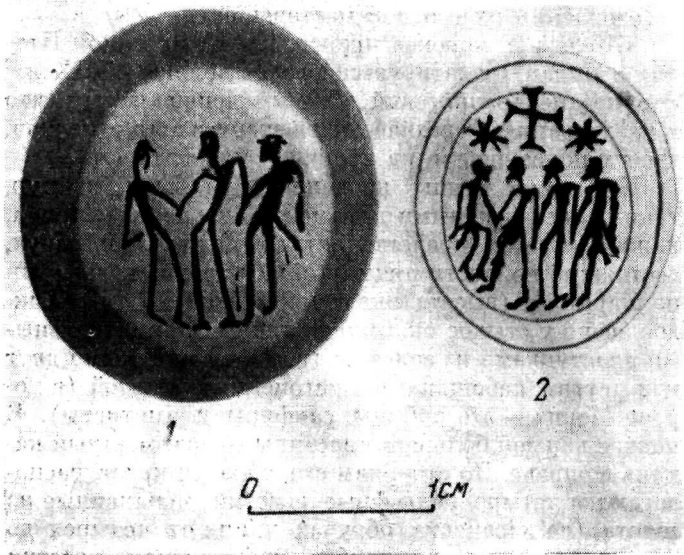

Рис. 2. *Alsengemmen* с изображением трех волхвов

1 — гемма из Смоленска; 2 — гемма из г. Ливерен

Гемма из голубого стекла с изображением трех волхвов. Фрисландия, IX—X вв. (рис. 2, 1).

Найдена в 1957 г. при раскопках на ул. Соболева в Смоленске в слое XII—начала XIV в. Диаметр

⁴ О. F. G a n d e r t, 1954, стр. 246.

⁵ T. J. A g n e, 1916, стр. 92—94, рис. 1.

мятные значки паломников к святыням Рима или Равенны распространялись вдоль Рейна до полуострова Фризии. Здесь они послужили стимулом для создания *Alsengemmen*, датирующихся IX—концом X в.⁶ Тамашнее еще слабое христианство подвергло варваризации иконографию сцены, откуда выпадает фигура Богородицы. Но часто над тремя волхвами изображали звезду, которая, взойдя на Востоке, возвестила, по Евангелию, о рождении Христа, и это знамение привело восточных магов в Вифлеем.

В средневековье волхвов, совершивших быстрое и успешное путешествие в Вифлеем, считали покровителями путешественников и паломников. О. Ф. Гандерт предполагает, что *Alsengemmen* служили амулетами-печатами странствующих купцов⁷.

ХII — ХIII вв.

ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

1. **Бронзовый литой водолей в виде дракона.** Лотарингия, вторая половина ХII в. (табл. 4, 1—3).

Найден в 1958 г. в урочище Викторовка на окраине с. Сапогов Галицкого р-на Ивано-Франковской обл. Хранится в Ивано-Франковском музее. Водолей опубликован Г. К. Вагнером, считающим его изображением собако-птицы Сэнмурва, образ которой из иранской мифологии проник в западноевропейское изобразительное искусство. Исследователь приписывает этому сюжету традиционные охранительные функции⁸.

Высота сосуда 10,5 см, вес 400 г. Он изображает фантастическое животное с маленькой собачьей головкой на вытянутой шее, птичьим туловищем и двумя звериными лапами. Сливом служит раскрытая пасть животного. Сзади водолей поддерживается спиралевидным растительным завитком. Загнутый сверху трубчатый хвост дракона образует горлышко сосуда. Ручка в виде растительного побега, ответвляясь от трубки, соединяется со спиной зверя.

Галицкую находку можно сопоставить с двумя лотарингскими драконовидными акваманилами второй половины ХII в. Один из них, инкрустированный серебром и позолоченный, хранится в Мюнхенском национальном музее (1935 г.)⁹, другой — в Баварском национальном музее (1881 г.)¹⁰. Близкое сходство последнего с галицким позволило утверждать, что оба они изготовлены в одной литейной форме¹¹. Но, во-первых, водолей Баварского музея крупнее (его высота около 15 см); во-вторых, техника отливки крупных полых сосудов по способу потерянной формы исключает повторение.

2. **Бронзовый литой водолей в виде бюста мужчины.** Северная Германия, вероятно область Гарца, ХIII в. (табл. 7, 7, 8).

Найден в с. Михалкове на Днестре (распродажа собрания А. Вольфа у Хальбинга, 1931 г.). Опубликован в каталоге О. Фальке и Э. Мейера¹².

Высота водолея 24 см. Он выполнен в виде погрудного бюста мужчины. Маленькие кисти его рук приложены к груди ладонями наружу. На одежде с вырезом у ворота выгравированы две пересекающиеся ленты, орнаментированные двойным зигзагом. Грубые черты лица, бесформенный нос и деформированные уши, обозначенные штриховкой ресницы и брови, длинный слив на лбу в форме драконьей головы приводят на память бородастую голову на позднегерманском бронзовом кувшине из приходской церкви в Обервезеле на среднем Рейне (высота 23 см). Кувшин происходит из Нижней Саксонии, возможно из области Гарца, и относится к ХIII—ХIV вв.¹³

Судя по дегенерации стиля, из мастерской, где был отлит водолей, найденный в Михалкове, вышли еще два акваманила в форме мужских голов на круглом низком основании. Один хранился в церкви Ритнергаузена, позднее — в Дворцовом музее Берлина (1935 г.), другой найден возле г. Сибиу в Трансильвании (Румыния). С бюстом из Михалкова их сближает орнамент в виде двойного зигзага, мужская прическа, характерная для ХIII в. (прямые коротко подстриженные волосы завиты на концах), ручка в форме аспиды. Вся группа сосудов является продукцией художественно второстепенной северогерманской мастерской ХIII в., локализующейся, возможно, в области Гарца¹⁴.

3. **Обломок стенки бронзовой чаши с растительным орнаментом.** Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж ХII—ХIII вв. (табл. 14, 2).

Найден на древнерусском городище у дер. Зеленче (Зельче) Тереховлянского р-на Тернопольской обл. Хранится в Львовском музее (№ 3067).

Радиальные пряди черточек, пересеченные двумя полукружиями, составляют часть орнамента из расходящихся стеблей с овальными листьями и двумя сегментовидными чашечками цветов на концах (одна частично сохранилась). Ср. орнамент на чашах из Херсонеса (табл. 13, 1) и Лунда (Швеция), отнесенных Т. Поклевским к подтипу П-6 (рубеж ХII—ХIII вв.)¹⁵.

4. **Накладка ларца с изображением рыцаря.** Резная кость. Южная Германия или Тироль, рубеж ХII—ХIII вв. (табл. 25, 5).

Найдена в 1940 г. при раскопках на древнерусском городище Плиснеск у с. Подгорцы Олесского р-на Львовской обл.¹⁶ Вещь изучена по сохранившейся фотографии¹⁷.

На прямоугольной костяной пластинке (6,4 × 2,8 × 0,3 см) вырезано изображение рыцаря в кольчужной рубашке с длинными рукавами и капюшоном, закрывающим затылок и подбородок. Рыцарь оперся на щит миндалевидной, судя по закругленному верху, формы. На голове — конический шлем с неподвижным наносником. Кисти рук затянута в кожаные перчатки. Рыцарь стоит за крепостной стеной с прямоугольной проездной башней. Над высоким

⁶ О. Ф. Гандерт, 1954, стр. 247—250, рис. 2b, 3b.

⁷ Там же, стр. 254.

⁸ Г. К. Вагнер, 1963, стр. 254—257.

⁹ О. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 231.

¹⁰ J. H. Nefner-Altenesck, 1881, табл. 82.

¹¹ Г. К. Вагнер, 1963, стр. 256.

¹² О. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 312a, b.

¹³ Там же, стр. 54, рис. 311.

¹⁴ Там же, стр. 54, № 336—337, рис. 313—314.

¹⁵ Т. Poklewski, 1961, табл. XVIIb, 53.

¹⁶ О. О. Ратич, 1957, табл. XIII, 15; Он же, 1959, табл. III, 14.

¹⁷ Фотография любезно предоставлена мне О. О. Ратичем.

проемом ворот видны два яруса щелевидных бойниц. Коническая крыша завершается шаром. К башне примыкает идущая наискось зубчатая стена с несколькими рядами бойниц. Может быть, верхний ряд вертикальных черточек обозначает машикули, а ниже показаны контрфорсы?

По стилю и тематике композиция сходна со сценами из рыцарского романа, украшающими ларец из частной коллекции во Фрайбурге (Баден). Здесь видим дракона у подножия стен замка, выезд на охоту и другие сюжеты куртуазной поэзии¹⁸. Совпадают система укреплений замка, рыцарские доспехи и даже жесты персонажей (ср. позы двух рыцарей, задумчиво поникших на щиты)¹⁹.

Тот же архитектурный стаффаж вместе с аналогичными изображениями воинов находим в сценах из романа о Тристане и Изольде на костяном ларце кельнской работы (около 1200 г.)²⁰.

По мнению А. Гольдшмидта, ларец из Фрайбурга происходит из Южной Германии, где в резьбе по кости отразилось влияние изделий рейнских мастеров, и датируется концом XIII в.²¹

Однако экипировка рыцарей относится не к концу, а к началу XIII в. Она состоит из кольчуги до колен, обрамленной по низу орнаментальными бордюром, с капюшоном и длинными узкими рукавами, мечей и длинных миндалевидных щитов. На пластинке из Плиссеска к этому добавлен конический шлем. Такой тип вооружения характерен для рыцарской конницы первых годов XIII в. В числе миниатюр латинской Псалтыри 1200 г. (Париж, Национальная библиотека) видим Голиафа, вооруженного подобным образом²². Между 1220—1230 гг. уже употребляли цилиндрические шлемы с плоским верхом, а кольчужный доспех покрывали матерчатым платьем. Длина миндалевидных щитов стала значительно меньше²³. Следовательно, всю эту группу шкатулок можно датировать рубежом XII—XIII вв.

ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

5. Рельефная фигурка распятого Христа. Медь с выемчатой эмалью, позолотой и гравировкой. Лимож, не ранее второй трети XIII в.

Найдена в 1886 г. в Успенском соборе Владимира Волынского (фотоархив ЛОИА, № 16898).

6. Романская бронзовая чаша с гравированными аллегорическими изображениями.

Найдена в 1957 г. при раскопках древнерусского города Иязславля у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл.²⁴

7. Маленький серебряный реликварий с латинскими надписями.

Найден там же²⁵.

¹⁸ A. Goldschmidt, 1926, табл. LXXVIII.

¹⁹ Там же, табл. LXXVIII, 307 b.

²⁰ R. Sh. Loomis, 1938, рис. 19—24.

²¹ A. Goldschmidt, 1926, стр. 59.

²² M. Viollet-le-Duc, 1874, рис. на стр. 84.

²³ Там же, стр. 88, 348.

²⁴ Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г., стр. 60.

²⁵ Там же.

КИЕВ

8. Бронзовый колокол. Германия, XI—XII вв. (табл. 3, 1).

Найден на Хоревой ул. на Подоле в Киеве²⁶.

Высота колокола 37,4 см, диаметр отверстия 29,7 см. От массивного уха отходят шесть круглых в сечении боковых скоб (четыре под прямым углом, две — в той же плоскости). Приземистая («ульевидная») форма характерна для германских «колоколов Теофила» XI—XII вв. С колоколом из Киева их сближают следующие черты: 1) массивное широкое и низкое центральное ухо с круглым отверстием; 2) идущий по нему сверху желобок; 3) широкий тупой край колокола, отделенный рельефным кольцом²⁷.

Один из «ульевидных» германских колоколов найден в летописном Городеске (табл. 3, 3, 4), другой, саксонского происхождения, — около Дипгольца, южнее Бремена.

9. Бронзовый литой водолей в виде барана. Нижняя Саксония (Гильдесгейм?), первая половина XIII в. (табл. 6, 1).

Входил в составклада древнерусских украшений XII—XIII вв., найденного в 1880 г. на Большой Житомирской ул. в Киеве. Клад поступил в Эрмитаж, в январе 1932 г. был передан в Харьковский музей им. Сковороды, где погиб во время Великой Отечественной войны²⁸.

Первый издатель акваманила Н. П. Кондаков ошибочно считал его восточным произведением, попавшим на Русь из Корсуна²⁹. Датировка сосуда X—XI вв. также неверна³⁰. Я. И. Смирнов по стилистическим признакам определил водолей как западноевропейскую (германскую?) вещь конца XII — начала XIII в.³¹ Анализ позы барана (далеко отставленные назад передние ноги) дал основание К. В. Тревер связать водолей с искусством Востока, в частности, с симметричной композицией из парных животных³². После сводки О. Фальке и Э. Мейера, которые включили сосуд в группу нижнесаксонских водолеев первой половины XIII в.³³, вопрос о его происхождении перестал быть дискуссионным.

Высота водолея 27,6 см. Между трехгранными в сечении рогами барана — треугольное отверстие для вливания воды, прикрывавшееся крышечкой на шарнире. Рот животного служил сливом. Его массивное туловище орнаментировано «нарезками из тонких черт, идущих большей частью попарно и образующих то длинные полосы, то острые углы»³⁴. Ручка сосуда в виде изогнутого аспида кончается пальметкой, лежащей на спине барана.

В издание О. Фальке и Э. Мейера включены три водолея в форме барана: 1) северогерманский (?) акваманил XIII в. очень грубой работы, найденный

²⁶ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, табл. XLII, 599.

²⁷ E. Grohne, 1956, стр. 35.

²⁸ Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 115.

²⁹ Н. П. Кондаков, 1896, стр. 119—120, рис. 78; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1897, стр. 31, 116, рис. 20.

³⁰ Н. П. Кондаков, 1891, стр. 278.

³¹ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 29—30.

³² К. В. Тревер, 1925, стр. 311—317, табл. XV.

³³ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 554.

³⁴ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 29.

з Гильдестейме; у животного цилиндрическое туловище с коротким хвостом, большие глаза в ободке³⁵; 2) северогерманский (?) водолей XIII в. из Национального музея Копенгагена; по технике отливки (сосуд тонкостенный), размерам (высота 24,9 см, длина 27 см), пропорциям лишенной гравировки фигуры и положению ног барана он идентичен киевскому; 3) нижнесаксонский акваманил в виде барана середины XIII в. из собрания г. Веесп (Северная Голландия)³⁶; голова барана, как и у киевского, хорошо вылеплена, с сильно закрученными нарезными рогами. Морда, глаза и лоб окаймлены частыми короткими штрихами. Подобное обозначение шерсти видим на раннеготических акваманилах Гильдестейма XIII в. в виде животных (олений и др.)³⁷.

Водолей отлит не позже 1240 г., когда, по всей вероятности, во время татаро-монгольского нашествия, и был зарыт клад.

10. Фрагмент бронзового литого водоля в виде козла. Нижняя Саксония (Гильдестейм?), первая половина XIII в. (табл. 6, 2).

Найден в Киеве³⁸. Хранится в Киевском историческом музее (№ 33401).

Сильно деформированный оплавленный фрагмент водоля высотой 18,5 см представляет собой голову и верхнюю часть туловища козла. Борода козла обломана. Утрачен один рог с прилегающим к нему ухом. Большие выпуклые глаза обведены ободком. Из рта выступает короткая трубка слива. Шерсть на шее и груди обозначена прямыми волнистыми штрихами.

Аналогичные водолей нам не известны. Лепкой головы и обозначением шерсти вокруг морды, глаз и рта частыми короткими врезами он напоминает гильдестеймские акваманилы первой половины XIII в. в виде баранов, олений и других животных³⁹. На нижнесаксонском водолее середины XIII в. из собрания г. Веесп завитки рогов барана также выделены двойными волнистыми линиями.

11. Бронзовая чаша с изображениями ангелов. Область Мааса — нижнего Рейна (?), начало XIII в. — 1240 г. (табл. 13, 3).

Найдена весной 1892 г. в Киеве при раскопках на территории усадьбы Я. В. Кривцова по Трехсвятительской ул. Чаша, обнаруженная на глубине 2,5 м от поверхности земли, лежала возле кладки из плит и шифера на растворе розовой цемьянки⁴⁰. Хранится в ГИМ (№ 43607).

Диаметр чаши 26,2 см, высота 4 см. Внутри жесткими глубокими штрихами выгравированы схематичные погрудные фигуры пяти ангелов, расположенные крестообразно (одна в центре — на дне, четыре по сторонам — на стенках). Оперение крыльев и складки одежд разработаны прямыми вертикальными линиями. Между ангелами помещен реликтовый геометрический орнамент из радиальных прядей черточек.

По классификации Т. Поклевского, чаша принадлежит к типу III (первая половина XIII в.). Она

³⁵ O. Falke und E. Meuser, 1935, рис. 498.

³⁶ Там же, рис. 511.

³⁷ Там же, рис. 512—513.

³⁸ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. X, 256.

³⁹ O. Falke und E. Meuser, 1935, рис. 511—512.

⁴⁰ И. А. Хойновский, 1893, стр. 19, табл. VI, 20; Т. Poklewski, 1961, табл. XIA, 37.

попала в землю не позже 1240 г., когда Киев был разрушен татарами.

Аналогичные экземпляры найдены в Кухмойне (Южная Финляндия) и Лейпциге⁴¹.

12. Серебряная чаша с латинской надписью. Южная Италия (?), XII в. (табл. 17, 1, 2).

Входила в состав киевского клада 1876 г., найденного в усадьбе Ю. Чайковского на Рейтарской ул. (по другим сведениям, на Большой Житомирской ул.) при земляных работах. В 1883 г. вместе с другими вещами клада была куплена А. В. Звенигородским, позднее попала в музей Штиглица (до 1895 г.). После Октябрьской революции передана в Эрмитаж, где хранится и поныне⁴².

В 1915 г. в Отделении русской и славянской археологии Русского археологического общества об этом произведении «романской эпохи» сделал доклад Я. И. Смирнов. Отсутствие аналогий не позволило ему прийти к определенному выводу о родине и датировке чаши. Необычайной судьбе этой вещи посвящено обстоятельное исследование Г. Ф. Корзухина⁴³.

Чаша представляет собой серебряный неглубокий гладкий сосуд в форме полусферы (диаметр 19,5 см, высота 9,3 см) на невысокой широкой ребристой ножке. Как чаша, так и ее подставка украшены гравировкой. По наружному краю между двумя линиями помещена латинская надпись: +QUI REFICIS. VENTREM. PAUPERIS. ESTO. MEMOR (+), т. е. «подкрепляющий чрево, помни о бедняке». Внутри на дне чаши выгравирована большая плетеная заставка в виде круга, пересеченного шестиконечной звездой (табл. 17, 6).

На нижней части каждой из 12 граней ножки помещен стилизованный многолепестковый арабский цветок с острыми листьями. Все украшенные части чаши и ножки, надпись и пояс на месте соединения чаши с ножкой позолочены⁴⁴.

На две чаши с внешней стороны, между стенками ребристой ножки, вырезано русское граффити XII в.: КЪНАЖА СПАСОВА.

По заключению Э. А. Лапковской, которое приводит Г. Ф. Корзухина, общий характер чаши и отдельные детали ее орнамента («арабский цветок» — излюбленный мотив западноевропейской тюрретики XII в.) позволяют отнести сосуд к XII в. Эту дату подтверждает и палеографический анализ латинской надписи, выполненный Е. Ч. Скржинской⁴⁵. Э. А. Лапковская полагает, что чаша южноитальянского происхождения, о чем свидетельствует рисунок плетения на дне: ленты плетенки, образующие звезду, ломаются под острыми углами. Подобные «арабские» употреблялись в орнаментике Южной Италии и Сицилии, где были очень сильны влияния искусства ислама.

Ч. Оман сопоставил чашу из Киева с «чашей св. Сигизмунда» из ризницы аббатства Сен-Морис д'Агон на юге Франции⁴⁶. Этот серебряный, частично

⁴¹ Т. Poklewski, 1961, табл. XIIb, 44; XIIIb, 46.

⁴² Г. Ф. Корзухина, 1954, стр. 117.

⁴³ Г. Ф. Корзухина, 1951, стр. 64—81, рис. 1—3.

⁴⁴ Там же, стр. 67—68.

⁴⁵ Там же, стр. 71—72.

⁴⁶ Ch. O man, 1959, стр. 350—353, рис. 58—59.

позолоченный сосуд в форме сдавленной полусферы поддерживается стройной ножкой, также разделенной 12 каннелюрами. Чаша снабжена крышкой такого же профиля. В центре дна чаши и на внутренней стороне крышки выгравированы заполненные лентами медальоны; стиль их чрезвычайно близок плетенке киевской чаши. Вслед за Г. Ф. Корзухиной Оман отнес обе чаши, которые он считает светскими сосудами для питья, к сицилийско-норманнскому художественному кругу, где искусство Запада сочеталось с искусством мусульманского мира.

13. Серебряная чаша с гравировкой и позолотой. Аахен или Кельн, конец XII — первая треть XIII в. (табл. 17, 3).

Входила в состав киевского клада 1876 г. (см. стр. 11). Ею были прикрыты (?) вещи, уложенные в большую чашу с латинской надписью. Хранится в Отделе Востока Эрмитажа (№ 3—799). Издана в статье Г. Ф. Корзухиной, воздержавшейся от определения⁴⁷.

Чаша сделана из низкопробного серебра, диаметр 15,5 см, высота с ножкой 10,8 см. Ее полусферическое тулово поддерживает полая круглая в сечении ножка, сильно расширяющаяся книзу. На нижнем крае ножки выгравированы заштрихованные позолоченные треугольники. Наружный край сосуда украшен позолоченным фризом из свернутых листьев-полупальметок, выгравированных на густо заполненном мелкими треугольными вдавлениями фоне (табл. 17, 5). Выше, над узким валиком, идет бордюр из треугольников. Между туловом и ножкой помещен рельефный накладной поясик из заштрихованных и позолоченных треугольников. Внутри, в центре дна, выгравирован позолоченный медальон (диаметр 4,5 см), орнаментированный радиально расходящимися стеблями (табл. 17, 7).

Чаша является нижней частью дароносицы для хранения евхаристических даров (Ciborium). Сосуд вместе с полусферической крышкой имел форму сферы, сдавленной у полюсов. Сохранилось лишь несколько дарохранительниц XII—XIII вв. этого типа, главным образом во Франции. Такова серебряная с позолотой дароносица XIII в. (высота с крышкой 30 см, диаметр 18 см) из ризницы собора Санса. Она гравирована узором в виде гирлянд из растений⁴⁸. Другая серебряная дароносица (высота 29 см) с гравировкой и позолотой конца XII в. из ризницы аббатства Сен-Морис д'Агон декорирована фризами из арок с шишечками на концах⁴⁹. В той же ризнице хранилась вторая серебряная позолоченная дароносица XIII в., называемая «чашей Карла» (общая высота 30,2 см). На чаше и крышке помещено по пять медальонов с рельефными изображениями эпизодов библейской истории. Промежутки между ними занимают рельефные фигуры ангелов⁵⁰. По наружному краю чаши идет фриз из гравированных листьев на точечном фоне, аналогичный бордюру чаши из Киева.

Подобные дароносицы появились не ранее пос-

ледней трети XII в. Клад с чашей был, по-видимому, зарыт во время татарского разгрома Киева в 1240 г. Следовательно, чашу могли изготовить в конце XII или в первой трети XIII в.

Длинные узкие бронзовые пластинки с орнаментом из свернутых листьев-полупальметок, выгравированных на точечном фоне, применялись в оформлении аахенских ювелирных изделий конца XII — начала XIII в., например «реликвария св. Марии» (1215—1237 гг.) работы Николая Верденского и «реликвария Карла Великого» (1165—1215 гг.) из собора в Аахене⁵¹. Аналогичные накладки находим в системе убранства «раки трех царей-волхвов» из Кельнского собора (около 1200 г.) работы Николая Верденского⁵². Тот же растительный узор выгравирован на ободке медной позолоченной пластины подсвечника, изготовленного аахенскими ювелирами во времена Фридриха I Барбароссы (1152—1190 гг.)⁵³.

14. Накладка ларца с изображением всадника. Медь с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой. Лимож, 20—30-е годы XIII в. (табл. 22, 3).

Найдена при раскопках на территории усадьбы М. М. Петровского в Киеве (1907—1908 гг.), в «жилище знатного лица» на участке 13. Известна только по фотографии⁵⁴.

Пластинка прямоугольная, одна сторона обломана. Высота 7 см. Фигура всадника сохранена в металле, гравирована и, видимо, была позолочена. Голова рельефная, накладная. На воине легкая рубаха до колен, с оплечьем и плотно прилегающими рукавами. Правой рукой он заносит меч, левой — держит поводья. Рисунок схематичен, пропорции лошади искажены. На заполненном эмалью фоне рассыпаны диски, ограниченные металлическими розетками, заполнявших фон на лиможских изделиях XIII в.⁵⁵ Ср. медальон лиможской работы второй четверти XIII в. с изображением сокольного (Париж, музей Клюни)⁵⁶.

Оставленные в металле гравированные фигуры на едином эмалевом фоне в произведениях Лиможа появляются около 1220 г.⁵⁷ Пластинка найдена в комплексе домонгольского периода, и, следовательно, ее нельзя датировать временем позднее 1240 г.

15. Бронзовая ажурная пластинка с изображением фантастических животных. Южная Саксония, вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 11, 4).

Найдена в Киеве. В. Е. Гезе, издавший пластинку, ограничился ее кратким описанием⁵⁸.

Диаметр пластинки (часть ее отломана) 8 см. Она литая, гравированная, позолоченная. В фигурную рамку вписан клубок фантастических чудовищ. В центре композиции — сирена в кокошнике и с ожерельем. На ее груди изображена усатая львиная морда в короне с тремя зубцами. На спине женщи-

⁵¹ E. Redslob, 1922, табл. 12 и 14.

⁵² O. Falke, 1911, табл. X и сл.

⁵³ E. C. Grimm, 1957, табл. 5.

⁵⁴ Г. Ф. Корзухина, 1956, стр. 326, рис. 6, 4.

⁵⁵ P. Thoby, 1953, стр. 59.

⁵⁶ M. M. S. Gauthier, 1950, табл. 24.

⁵⁷ M. Rostworowski, 1953, стр. 10.

⁵⁸ В. Е. Гезе, 1901, стр. 197, рис. 41.

⁴⁷ Г. Ф. Корзухина, 1951, стр. 72—73, рис. 4, 5.

⁴⁸ A. Didron, 1859, стр. 167, рис. 132.

⁴⁹ E. Aubert, 1872, t. 1, стр. 175—176; t. 2, табл. XXXV.

⁵⁰ Там же, t. 1, стр. 172—173; t. 2, табл. XXXIV.

ны-птицы примостился маленький крылатый дракон с двумя короткими лапами и закрученным в узел змеиным хвостом. Левую ногу сирены грызет крылатый барс.

Это нагромождение терзающих друг друга хищер — особенность романской тератологии, где всевозможные чудовища, воплощающие злое начало, окружают, опутывают и подавляют человека. Каждый из зверей находит параллели в романском bestiarii. Похожих драконов вырезали во второй половине XII в. на костяных шашках в мастерской при монастыре св. Мартина в Турнэ. Как на киевской бляшке, вдоль их туловищ идут рельефные ленты с кружками⁵⁹. Такие же ленты украшают тела драконов на ажурных основаниях лотарингских и северогерманских бронзовых подсвечников второй половины XII — начала XIII в., на костяной детали опяхала XII в.⁶⁰, на каменной резной капители 1170 г. из Йоркширского музея⁶¹. Аналогичные сирены с ожерельями из мелких бусинок высечены на двух капителях галереи церкви Сан Доминго де Силос в Бургосе (Испания) между 1073—1076 гг.⁶² На одной из них между сиренами помещены парные птицы и львиная маска, на другой — птицы, которых кусают за ноги львы.

Пластинку из Киева можно включить в довольно многочисленную (несколько десятков экземпляров) группу бронзовых ажурных подвесок с позолотой (диаметр от 4 до 8 см). Они считаются украшением конского убора. В Венгрии были найдены трензеля XIII в. из позолоченной бронзы. С обеих сторон к ним подвешено по шести подобных прорезных дисков с изображениями птиц⁶³. На первом месте по числу находок этих бляшек стоит Южная Саксония, область Гарца. 13 экземпляров найдено в Венгрии⁶⁴, некоторые — в Бюртемберге. Орнаментация подвесок поражает изобилием фантастической фауны, сложными переплетениями людей и монстров — сросшихся львов, драконов, кентавров, сирен, иногда с человеческими или звериными масками на туловищах. Этот сказочный в своей изменчивости мир едва ли можно свести к назидательным толкованиям «Физиолога».

Фигурный ободок с легкими растительными выступами сближает бляшку из Киева с несколькими экземплярами подвесок⁶⁵. Сирен с таким же оперением из коротких частых штрихов видим на бронзовой подвеске, найденной в Регенштейне (Гарц)⁶⁶.

16. Статуэтка льва. Резная кость. Кельн, конец XII — начало XIII в. (табл. 24, 9, 10).

Случайная находка в усадьбе Десятинной церкви⁶⁷, отнесенная Н. Макаренко к произведениям романского круга⁶⁸. Хранится в Киевском музее западного и восточного искусства (№ 219 — Бр. К.).

Статуэтка льва, сидящего на задних лапах и

приподнявшегося на передних, выточена вместе с подставкой из цельного куска моржовой кости и детализирована резцом. Длина статуэтки 9,8 см, высота спереди 6,3 см, ширина 2,6 см.

У льва крупная хорошо моделированная голова. Хищник оскалил пасть с четырьмя острыми клыками. Ее обрамляют короткие черточки усов. Под сильно развитыми надбровными дугами на месте зрачков — глубокие круглые углубления, которые первоначально были инкрустированы камнями или цветным стеклом. На лбом возвышаются четыре маленьких цилиндрических шпешка (один из них отломан), напоминающие спереди зубчатую корону. На груди проделано маленькое отверстие, выходящее в пасть. У зверя стройное мускулистое тело, широкое в груди и суживающееся сзади. Пышная грива выполнена в виде парных завитков, образующих три-четыре ряда. На боках обозначены ребра. На бедрах условно переданы мышцы. Лапы с бахромой мощные, массивные. Острые когти почти убраны в подушечки лап, разделенные суставами.

Несмотря на некоторые черты условности (обозначение мышц, стилизованная грива), пластическое изображение царственного хищника удивительно жизненно. Можно предположить, что резчик наблюдал живого льва в одном из бродячих зверинцев, которые сопровождали крупные европейские ярмарки. Косвенным подтверждением этому служит альбом Виллара де Оннекура — знаменитого французского архитектора середины XIII в. В своих дорожных зарисовках он отмечал все, что встречал на пути. После посещения зверинца в его альбоме появился реалистический рисунок льва на цепи⁶⁹. Анатомичность и динамизм трактовки — признаки зарождающейся готики, когда вновь пробуждается интерес к природе, — указывают на Кельн как место изготовления статуэтки. Близкие изображения львов находим на кельнских шашках конца XII — начала XIII в.⁷⁰, на шахматной фигурке XII в. из Рейнской области (?)⁷¹. Назначение статуэтки неясно. Не исключено, что она вместе с тремя другими такими же фигурками поддерживала реликварий. Например, ларец кельнской работы (1200—1250 гг.) стоит на четырех медных львах⁷². Большой кельнский купольный реликварий покоится на четырех металлических грифонах⁷³. Сохранились подобные статуэтки грифонов из кости (конец XII в., Кельн?)⁷⁴.

Попав на Русь, статуэтка льва была дополнительно орнаментирована. На внутренней стороне подставки тонкими линиями вырезан рисунок птицы очень вытянутых пропорций. Ее крылья и хвост переходят в сложную геометрическую плетенку (табл. 26, 3). Стиль рисунка характерен для киевских украшений второй половины XII — первой половины XIII в. Ср. орнаментацию серебряной оправы черенка ножа из клада 1885 г., найденного в усадьбе Есикорского⁷⁵, серебряных с чернью нару-

⁵⁹ A. Goldschmidt, 1923, табл. LV, 213.

⁶⁰ O. M. Dalton, 1909, табл. XXXIV, 72.

⁶¹ A. Gardner, 1951, рис. 158.

⁶² A. Kingsley Porter, 1928, табл. 41a, b.

⁶³ T. Gerevich, 1938, табл. CCXXVIII.

⁶⁴ E. Hickel, 1963, стр. 565, 568.

⁶⁵ F. Bock, 1867, рис. IVc.

⁶⁶ R. Wesenberg, 1955, рис. 8.

⁶⁷ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, табл. XXXVI, 1221.

⁶⁸ М. Макаренко, 1931, стр. 93, рис. 37.

⁶⁹ A. Dargel, 1958, табл. XLVI.

⁷⁰ A. Goldschmidt, 1923, табл. LVIII, 273; Он же, 1926, табл. LXXIII, 278.

⁷¹ A. Goldschmidt, 1923, табл. XIX, 58a, b.

⁷² Там же, табл. XXVI, 76a.

⁷³ Там же, табл. XI—XIII.

⁷⁴ Там же, табл. I, 146, 147.

⁷⁵ Н. П. Кондаков, 1896, рис. 81.

чей из киевского клада 1893 г.⁷⁶ и из клада 1903 г., обнаруженного на территории Михайловского монастыря⁷⁷.

КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

17. Бронзовый подсвечник, украшенный головками животных. Северная Германия или Скандинавия, вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 10, 1—3).

Найден на городище Княжья Гора Каневского р-на Черкасской обл.⁷⁸ Хранится в Киевском историческом музее (№ 33404).

Высота подсвечника 10 см. Железное острие для насаживания свечи укреплено в центре плоской прямоугольной пластинки. Выступы на пластинке заходят в щелевидные вырезы вертикального бортика диаметром 10 см. Снаружи бортик украшен вертикальными линиями из мелких косых насечек. К бортику приклепаны четыре бронзовые литые головки животных на длинных собранных в складки шеях (одна утрачена). У зверей, похожих на собаку, широкие пасти и настороженные округлые уши.

Четыре отдельно отлитые уплощенные ножки подсвечника заканчиваются стилизованными звериными мордами.

Форма и устройство подсвечника своеобразны. Обилие романских тератологических мотивов (особенно характерны для западных подсвечников драконовидные ножки) убеждает в его западноевропейском происхождении. Обобщенная трактовка звериных морд (в частности, на ножках) позволяет предположить, что подсвечник изготовлен в Северной Германии в XII—XIII вв. Похожих драконов видим на германских (или скандинавских?) бронзовых подсвечниках XII—XIII вв.⁷⁹ Драконы с такими же мордами помещены на основании скандинавского подсвечника второй половины XII в. из Национального музея Копенгагена⁸⁰.

18. Бронзовый литой подсвечник с растительным орнаментом. Франция (?), вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 8, 4).

Найден на городище Княжья Гора⁸¹. Хранится в Киевском историческом музее (№ 33402).

Высота подсвечника 24,5 см, расстояние между ножками 16 см. Широкое трехгранное основание поддерживается тремя простыми ножками. На каждой грани, имеющей сложную форму «черепахи», на точечном фоне выгравирован лировидный стебель (табл. 8, 5). Цилиндрический ствол снабжен тремя кольцевидными перехватами. Чашка с острием для насаживания свечи выполнена в форме распустившегося трехлепесткового цветка. Каждый лепесток заканчивается шариком. При реставрации части подсвечника были скреплены болтами, а железный стержень для свечи заменен бронзовым.

Профилировка ножек (вырождающийся мотив головы дракона) и форма чашки для воска указы-

вают на западное происхождение подсвечника. Сравнительно простая форма и отсутствие в орнаменте плетенки и драконовидных монстров исключают лотарингскую или нижнесаксонскую работу. Возможно, родиной подсвечника является Франция. На французском подсвечнике в виде конного рыцаря (середина XII в.) из Дворцового музея Берлина (1935 г.)⁸² грани племени всадника обозначены такими же рубчиками, какие украшают ножки подсвечника с Княжьей Горы, а кольца кольчуги выбиты пунсоном. Чашка для воска также имеет форму распустившегося цветка. Основания лиможских подсвечников XIII в. часто украшены симметричными растительными побегами на эмалевом фоне.

19. Круглая бронзовая бляшка с изображением сирены. Верхняя Саксония, вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 11, 2).

Найдена на городище Княжья Гора⁸³.

Диаметр пластинки 4 см. Она литая, ажурная, гравирована легкими штрихами. В волнистый ободок вписана птица с человеческой головой.

Стиль и сюжет орнамента позволяют включить бляшку в число романских прорезных дисков с тератологическим узором, которые, по-видимому, украшали конскую сбрую. Несколько десятков бляшек этой серии второй половины XII — первой половины XIII в. происходят из Верхней Саксонии, где они, вероятно, и были изготовлены (см. выше, стр. 12—13). Сирена — один из излюбленных сюжетов их декора. Похожие сирены изображены на ажурной подвеске из музея Штутгарта⁸⁴. Как на экземпляре с Княжьей Горы, головы животных иногда отлиты в высоком рельефе⁸⁵. Сходство с саксонскими образцами обнаруживается в форме ободка, трактовке коротких лап, передаче оперения частыми короткими штрихами, в орнаменте из мелких кружков, который отделяет плечевую часть крыла⁸⁶.

20. Бронзовый колокол. Германия (Саксония?), XI—XII вв. (табл. 3, 3, 4).

Найден в 1957 г. при раскопках на Малом городище в с. Городске Коростышевского р-на Житомирской обл. (легописный Городеск). «Колокол найден в яме, по-видимому, представлявшей углубленную в землю часть хозяйственной церковной постройки, расположенной в южной части городища»⁸⁷. Хранится в ИА АН УССР.

«Колокол имеет приземистую форму, весит 19,4 кг. Высота его 30 см, а вместе с ухом — 43 см, диаметр колокольного отверстия по наружному краю — 34,5 см. Язык у колокола отсутствовал. В верхней части, на высоте 27 см от его основания, располагалась по всей окружности, в виде узкой ленты, латинская надпись, составленная из букв капитального письма, высотой 2,8 см каждая: GODEFRIDUS. ISTUT. VAS. TITULAVIT. Надпись следует читать «Готфридом этот сосуд назван». Судя по этому имени, колокол был отлит в Герма-

⁷⁶ Г. Ф. Корзухина, 1954, табл. XXXV, 1.

⁷⁷ Там же, табл. XLII, 4.

⁷⁸ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. IX, 242.

⁷⁹ O. Falke und E. Meuer, 1935, рис. 37, 39, 140.

⁸⁰ Там же, № 189, рис. 155.

⁸¹ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. IX, 243.

⁸² O. Falke und E. Meuer, 1935, стр. 31, рис. 193.

⁸³ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. XVIII, 224a.

⁸⁴ H. Kohlhaussen, 1955, рис. 60.

⁸⁵ E. Nickel, 1963, табл. XLVII, 1, 7.

⁸⁶ Там же, табл. XLVII, 8; R. Wesenberg, 1955, рис. 8.

⁸⁷ Р. И. Выезжев, 1960, стр. 104.

нии»⁸⁸. «Ульевидная» форма позволяет датировать его XI—XII вв.

Идентичный колокол саксонской работы с двусторонней круговой надписью в верхней части найден возле г. Дипгольца, южнее Бремена⁸⁹.

21. Бронзовая фигурка святого — обломок ложечки для принятия причастия. Франция (?), XII—XIII вв. (табл. 11,6).

Найдена в 1957 г. при раскопках на Малом городище в с. Городске. Хранится в ИА АН УССР. Фигурка опубликована Р. И. Выезжевым, который предположительно считает ее французским изделием XII—XIII вв.⁹⁰

Длина литой фигурки, оформлявшей ручку ложечки, 3,9 см (голова отломана). Это святой в длинной одежде с широкими рукавами. В сложенных на груди руках он держит крест.

22. Ножка бронзового литого водолея. Нижняя. Саксония (?), первая половина XIII в. (табл. 4,8).

Найдена в с. Грицанцы Каневского р-на Черкасской обл. Хранилась в музее Киевского университета (1902 г.). Сейчас находится в Киевском историческом музее (№ $\frac{6-45-7}{25}$).

Сильно сплюснутая полая ножка изображает ногу животного (высота 8 см) и оканчивается копытом. Она могла принадлежать акваманилу в виде конного рыцаря, кентавра, коня, оленя или барана. Слабо моделированные ноги животного с нечетко выделенными копытами отличают гильдесгеймские водолеи первой половины XIII в.⁹¹

23. Фрагменты бронзового литого водолея.

Найдены при раскопках древнего Белгорода (арх. каталог Киевского исторического музея, т. II, кн. IV, № 25552).

24. Круглая бронзовая крышка (?) с изображением крылатого дракона. Лотарингия или Рейнская область, вторая половина XII в. (табл. 11,7).

Найдена на городище Девица в с. Сахновка Черкасской обл.⁹²

Диаметр крышки 11,3 см. На лицевой стороне в кольце шнурового орнамента выгравирован крылатый дракон. У него маленькая голова с острыми ушами, длинная изогнутая шея, две короткие когтистые лапы и процветший хвост.

Развитие мотива драконовидных существ этого типа в плетенке связано с лотарингскими ювелирными изделиями второй половины XII в., на которых они выступают в составе пластического или эмалевого орнамента. Ряд начинается «реликварием св. Гериберта» (около 1160 г.) работы Годфруа де Клера⁹³. На тисненых серебряных накладках двускатной крыши ларца драконы заполняют пространство между медальонами. К образам этих химерических животных не раз обращался знаменитый лотарингский ювелир Николай Верденский, главным образом в течение десятилетнего пребывания в

Кельне, начиная с 1181 г.⁹⁴ Они украшают бронзовый литой гребень крыши «реликвария св. Анно» (архиепископа Кельна), изготовленного около 1183 г.⁹⁵, тисненые золотые фризы «реликвария трех царей-волхвов»⁹⁶ и медные с эмалью пластинки «реликвария св. Альбина» 1186 г.⁹⁷ Из лотарингского очага искусства, представленного произведениями Николая Верденского, вышли и первые драконовидные подсвечники из бронзы. Их расцвет падает на последнюю четверть XII в.⁹⁸

Окаймляющий дракона шнуровой орнамент из S-видных завитков характерен для бронзовых чаш, которые в XII — первой половине XIII в. изготавливались в маасско-рейнских мастерских (табл. 12—14).

25. Бронзовая позолоченная накладка ларца с изображением крылатого дракона. Лотарингия или Рейнская область, вторая половина XII в. (табл. 11,7).

Найдена в Приднепровье, обстоятельства и точное место находки неизвестны⁹⁹.

Диаметр пластинки 5,4 см. По краю идут маленькие круглые отверстия от гвоздей. Рельефная фигура дракона выполнена тиснением и проработана гравировкой. У чудовища маленькая узкая голова, удлиненное чешуйчатое тело, «крокодилий» лапы и змеиный хвост, который переходит в изогнутый стебель с цветами-пальметками. Крылья сложены. Такой же монстр выгравирован на бронзовой крышке (табл. 11,7), найденной на городище Девица (см. выше, стр. 15). Связь зооморфных мотивов и выходящих побегов с цветами-пальметками и листьями в форме полупальметок характерна для романской орнаментики XII в., в частности для искусства Лотарингии и Рейна.

На германском подсвечнике XIII в. в форме дракона (музей в Брюсселе) туловище чудовища покрыто такой же чешуей¹⁰⁰.

26. Серебряная чаша с гравировкой и позолотой. Возможно, Кельн, первая треть XIII в. (табл. 17,4).

Найдена в очень богатом курганном погребении воина, раскопанном в 1894 г. у дер. Королевино под Таганчей в Поросье (Каневский р-н Черкасской обл.)¹⁰¹. Считают, что здесь по кочевническому обряду — с конем и оружием — захоронен предводитель бродников¹⁰². Атрибутом его власти служила булава. Покойник был ориентирован головой на запад. Чаша стояла справа от черепа.

В составе коллекции И. А. Хойновского она поступила в Народный музей в Варшаве, откуда попала в Варшавский войсковой музей, где хранилась до второй мировой войны. Пользуясь отдаленными параллелями (византийские миниатюры IX—X вв.), В. Сарновская ошибочно определила чашу как греческое произведение X—XI вв.¹⁰³

⁹⁴ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 28.

⁹⁵ Там же, рис. 164а.

⁹⁶ Там же, рис. 164b, с.

⁹⁷ Там же, рис. 164d—h.

⁹⁸ Там же, стр. 28.

⁹⁹ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. XVIII, 224.

¹⁰⁰ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 185.

¹⁰¹ И. А. Хойновский, 1896, стр. 118—123, табл. X; W. Sarnowska, 1948—1949, стр. 266—267, табл. IIIa.

¹⁰² С. А. Плетьева, 1958, стр. 185—186.

¹⁰³ W. Sarnowska, 1948—1949, стр. 266—267.

⁸⁸ Р. И. Выезжев, 1960, стр. 106.

⁸⁹ E. Gohne, 1956, табл. II.

⁹⁰ Р. И. Выезжев, 1960, стр. 107, рис. 5.

⁹¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 261, 262, 273, 275, 511, 512.

⁹² Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. XIV, 250.

⁹³ O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 85—87.

Диаметр верхнего края сосуда 16,6 см, наибольший диаметр 19,1 см, общая высота 12,2 см, глубина чаши 7,5 см, высота ножки 4,7 см. Чаша выкована из листового серебра. Полая конусовидная ножка выполнена отдельно и потом припаяна. Наружный край чаши украшен позолоченной каймой, на которой выгравирована тройная плетенка. Ленты плетенки изломаны под прямыми углами. Такой же позолоченный бордюр украшает нижний край ножки (эта часть повреждена).

В месте соединения полусферического тулова чаши с ножкой помещен позолоченный гофрированный обруч. «Внутри подставки видна марка мастера, состоящая из буквы В»¹⁰⁴.

Чаша служила нижней частью (крышка утрачена) дароносицы (sibogium) рубежа XII—XIII или скорее первой трети XIII в. По-видимому, она вышла из ювелирной мастерской Кельна. Аналогичная по форме, размерам, технике изготовления и способу нанесения орнамента чаша найдена в кладе из усадьбы Ю. Чайковского в Киеве (табл. 17,3). Она происходит из Кельна или Аахена и относится к концу XII — первой трети XIII в. (см. выше, стр. 12). Идентичный узор в виде тройной плетенки выгравирован на кольцевых серебряных накладках в основании двух реликвариев в виде руки из церкви св. Герона (Кельн, около 1220 г.)¹⁰⁵. Двойная плетенка украшает нижнюю часть найденной в Чернигове золотой крышки, близкой по форме лотарингской дарохранительницы конца третьей четверти XII в. (табл. 18,4).

27. Шашка с изображением кентавра. Резная кость. Кельн, вторая половина XII в. (табл. 25,2). Найдена в б. Киевской губ.¹⁰⁶

Диаметр шашки 3,4 см. На лицевой стороне на слегка углубленном фоне в плоском рельефе вырезан кентавр. Человеческий торс, отделенный от звериного туловища пояском из кружков, повернут назад. В левой руке монстр держит булаву, правой охватывает стебель растения, завершающийся пальметкой. Хвост с кисточкой в виде полупальметки закинут на спину. Ободок декорирован «жемчужным» орнаментом, характерным для окаймления шашек кельнской работы. Аналогичные фигуры кентавров украшают две кельнские шашки второй половины XII в.¹⁰⁷ Ср. также две шашки (Кельн, вторая половина XII в.) с изображением Геракла, стреляющего из лука в двух кентавров¹⁰⁸.

28. Шашка с изображением воина. Резная кость. Кельн (?), вторая половина XII в. (табл. 25,1). Найдена в южной части б. Киевской губ.¹⁰⁹ Хранится в Киевском историческом музее.

Диаметр шашки 4,3 см. В центре — позднее круглое отверстие диаметром 0,7 см. Вверху, под ободком, проделано маленькое сквозное отверстие. Видимо, при вторичном использовании шашку носили как подвеску. На лицевой стороне на углубленном фоне помещено профильное изображение

пешего воина в платье до колен, опоясанного мечом. В правой руке он несет копьё. Левая часть тела прикрыта большим миндалевидным щитом. Ср. изображение воинов с мечами и такими же щитами на кельнской шашке второй половины XII в.¹¹⁰ и на германской шашке XII в.¹¹¹

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

29. Бронзовый литой подсвечник. Франция (?), XII — первая треть XIII в. (табл. 10,5).

Найден в 1953 г. при раскопках храма-усыпальницы XI в. в околном городе древнего Переяславля. Сильно деформированные и оплавленные обломки подсвечника были обнаружены в алтаре храма¹¹². Его части собраны не совсем точно. Чашка для воска, видимо, должна находиться выше — между стволом и завершением.

Высота подсвечника 83 см. Основание в виде шестилепесткового цветка (диаметр 33 см) покоится на трех граненых ножках в форме четырехпалых звериных лап, припаянных снизу. Расстояние между ножками 38 см. Грани основания окаймлены рельефными лентами с геометрическим узором из рядов скобочек и треугольников, заполненных точечными углублениями (табл. 10,7). Между ножками на стыке граней — маленькие шаровидные выступы с «пуговками» на конце. Трубчатый ствол подсвечника перехвачен полым внутри кубом. Обе части ствола, разделенные шестью продольными рубчатými тягами, расширяются посередине (нижняя удлиненная часть сильно повреждена). Каждая из четырех боковых граней перехвата (со стороной 4,5 см) украшена гротескными масками в рельефе (табл. 10,6). Опущенные уголки рта придают личинам скорбное выражение. Плоскодонная чашка для воска с невысоким вертикальным бортиком имеет форму квадрифолия с острыми выступами между четырьмя округлыми лопастями. Дно украшено циркульным орнаментом из двух концентрических заштрихованных колец (табл. 10,8). Завершение подсвечника похоже на миниатюрную капитель. Ее грани украшены четырьмя рельефными звериными масками в кругах (табл. 10,4). От ребер корзины капители отходят парные листья, покрытые рядами точек. Сверху припаяна квадратная пластинка (со стороной 11 см), орнаментированная двумя концентрическими заштрихованными кольцами. В центре — углубление от стержня для свечи.

По форме и размерам монументальный подсвечник из Переяславля уникален. Ножки в виде звериных лап, чудовищные маски, какие часто встречаем, например, на лотарингских подсвечниках второй половины XII в., говорят о его западноевропейской родине. Подобные подсвечники ставились не на алтаре, а на полу церкви. Скупость тератологической орнаментации, возможно, свидетельствует о французском происхождении подсвечника. По фор-

¹⁰⁴ И. А. Хойновский, 1896, стр. 122.

¹⁰⁵ O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 67.

¹⁰⁶ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. XXXIV, с.

¹⁰⁷ A. Goldschmidt, 1923, табл. LX, 221, 222.

¹⁰⁸ Там же, табл. LIII, 170, 181.

¹⁰⁹ А. А. Бобринский, 1914, рис. 30.

¹¹⁰ A. Goldschmidt, 1923, табл. LIII, 173.

¹¹¹ A. Goldschmidt, 1926, табл. LXXIV, 295.

¹¹² М. К. Каргер, 1954, стр. 17, рис. 8а — в. В 1963 г. в посаде Переяславля найден романский бронзовый водолей в виде льва (по данным Р. А. Юры).

ме основания, сильному наклону ножек с перехватом посредине, форме увенчивающей детали, абрису чашки для воска и рельефным рубчатым полоскам он напоминает некоторые лиможские изделия: подсвечники, основания крестов, реликварии¹¹³.

30. Бронзовая литая фигурка молодого мужчины («носитель свечи»). Северная Германия (?), вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 9, 4).

Найдена в прошлом веке у г. Хорола Полтавской обл. Хранилась в музее Киевского университета¹¹⁴.

Высота статуэтки около 12 см. Она изображает безбородого мужчину в рост. В отведенной правой руке он держал какой-то предмет (отломан). Тип лица и прическа (зачесанные назад прямые волосы ровно подстрижены у шеи) отвечают нормам романской пластики. Костюм западноевропейский, характерный для XII — первой половины XIII в.: подпоясанная рубаха до колен с оплечьем и широкой нагрудной вставкой, гравированной пересекающимися линиями; заплата стянута наручами; от пояса спереди и сзади свешиваются короткие ремни; низ рубахи украшен кружками с точкой в центре (инкрустация?). В такую рубаху одет, например, Самсон, раздирающий льва, на двух бронзовых подсвечниках. Один из них лотарингский или северогерманский второй половины XII в.¹¹⁵, другой — нижнесаксонский первой половины XIII в.¹¹⁶

По-видимому, статуэтка была прикреплена к утраченной плоской подставке подсвечника, как на нижнесаксонском подсвечнике XIII в. в форме женской фигуры¹¹⁷. В правой руке мужчины был острый стержень для насаживания свечи с круглой чашкой для воска. Несколько подсвечников XII—XIII вв. в виде стоящих во весь рост или коленопреклоненных человеческих фигур происходят из северогерманских мастерских. Слабость пластической моделировки, сквантажность позы и нарушенные пропорции фигуры, орнаментализм в разработке одежды позволяют предположительно отнести наш подсвечник к северогерманским (нижнесаксонским) изделиям. Чертами того же стиля отмечены рельефы магдебургских врат (середина XII в.) Софийского собора в Новгороде.

31. Костяной стержень с изображением головы льва, пожирающего человека. Южная Германия (?), XII в. (табл. 24, 1—3).

Найден в 1959 г. при пахоте на древнерусском селении домонгольского времени у с. Кошаны (урочище Исаево) Остерского р-на Черниговской обл. Хранится в Остерском музее¹¹⁸.

На одном конце продолговатого костяного стержня (длина 9,5 см, ширина 1,2 см, толщина 0,6 см) резчик изобразил голову льва. Рельефно выделены челюсти, складки кожи, слегка выпуклый лоб, глаза и нос с точками ноздрей. В раскрытой пасти лев держит человеческую голову.

Образ трагической гибели человека в пасти хищника имеет множество параллелей в романском искусстве XI—XII вв. Он коренится в символике Библии и писаний христианских богословов (Августин, Гионрий из Отэна), где рыкающий лев, ищущий, кого бы поглотить, олицетворяет силы ада, дьявола, смерть.

В романской пластике изображения львов, держащих человека то в пасти, то в лапах, встречаются на тимпанах стен соборов, в декорации порталов, на капителях, в качестве скульптур, оформляющих различные части здания.

Аналогичные сюжеты встречаются и в резьбе по кости. Особенно интересна вырезанная из моржовой кости львиная голова XII в. из Айхштетта. В раскрытой пасти ее сидит на корточках мужчина, в грудь которого впились две змеи. Вероятно, она служила украшением одной из косых перекладин епископского кресла¹¹⁹. Несмотря на большие размеры (длина 8—9 см), тщательную детализацию (особенно в разработке гривы, шерсти возле пасти, глаз, в которых, по-видимому, сидели жемчужины) и усложненную символику, эта голова живо напоминает остерскую находку. Они сближаются формой (хотя львиная голова из Айхштетта более округла), а также сходным абрисом челюстей и трактовкой передней части львиной морды.

ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

32. Бронзовый литой водолей в виде льва. Северная Германия или Голландия, первая половина XIII в. (табл. 5, 1—3).

Найден в Чернигове¹²⁰. Хранится в Киевском историческом музее (арх. каталог, № 33400).

Высота сосуда 19,5 см, длина 19 см. Короткие тонкие лапы (три из них сейчас отломаны) поддерживали массивное цилиндрическое туловище льва. Между ушами зверя — прямоугольное отверстие для вливания воды. Оно закрывалось крышечкой на шарнире. Слив в виде короткой трубочки выходит из пасти животного. Зрачки отмечены глубокими круглыми углублениями — гнездами для инкрустации. Передняя часть туловища льва украшена рельефными волнистыми лентами — условная передача гривы. Закинутый к спине хвост заканчивается пальметкой.

О. Фальке отнес черниговский экземпляр к числу северогерманских акваманилов XIII в., тесно связанных с гильдесгеймской группой водолеев-львов¹²¹. По-видимому, из той же мастерской вышли два других водолея в виде львов. Один, найденный в Леевардене (Голландия), декорирован такими же выпуклыми лентами на груди зверя. У другого акваманила, хранящегося в частном собрании в Бремене, глаза льва инкрустированы горным хрусталем, а шея украшена тремя рельефными цветами. У всех трех экземпляров рукоятку образует простая плоская лента¹²².

¹¹³ E. Rupin, 1890, табл. XXVIII, 376, 551, 578, 579.

¹¹⁴ В. А. Прохоров, 1881, стр. 52 (рис.); А. А. Сплицын, 1914а, стр. 130, рис. 13.

¹¹⁵ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 253, рис. 217.

¹¹⁶ Там же, № 261, рис. 225.

¹¹⁷ Там же, рис. 205.

¹¹⁸ В. П. Даркевич, 1962.

¹¹⁹ A. Goldschmidt, 1926, стр. 59 и табл. LXXVII, 306a — d.

¹²⁰ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1902, табл. X, 255; O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 334; А. И. Некрасов, 1937, рис. 60; Б. А. Рыбаков, 1949, рис. 25.

¹²¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 59.

¹²² Там же, рис. 335—336.

— 33. **Бронзовый литой водолей в виде кентавра.** Нижняя Саксония (Гильдесгейм?), первая половина XIII в. (табл. 5, 8—10).

Найден в Чернигове¹²³. Хранится в Киевском историческом музее (№ В—2013).

Высота сосуда 24 см, длина 20,5 см. Обе передние и задняя левая нога кентавра отломаны (в первой публикации они есть). На месте краника на груди животного — круглое отверстие диаметром 2,5 см. Исчезла и крышечка на макушке кентавра, закрывавшая круглое отверстие для вливания воды. У кентавра выпуклые глаза в ободке, приплюснутый нос, маленькие округлые уши и рельефная прическа. В коротких тонких ручках монстр держит во рту трубку слива.

Округлое слабо моделированное туловище четвероногого отделено от человеческого бюста кольцевым уступом. На уступе выгравирован двойной зигзаг, как на круглых низких основаниях двух нижнесаксонских водолеев XIII в., в виде мужской головы¹²⁴. На северогерманском акваманиле XIII в. в виде льва таким же зигзагом украшен «воротник» животного¹²⁵.

Бюст кентавра походит на верхнюю часть акваманила в виде фантастического животного, скомбинированного из человека и птицы (Музей декоративного искусства в Париже)¹²⁶. Его высота 24 см, длина 25 см. Из груди чудовища вырастает звериная голова — краник сосуда. Этот водолей первой половины XIII в. изготовлен в Нижней Саксонии. О нижнесаксонском происхождении черниговской находки свидетельствуют слабая разработка туловища кентавра, почти лишенная гравировки, неуклюжие нерасчлененные лапы, простая круглая в сечении (а не драконовидная) ручка. Подобные ручки встречаются у некоторых северогерманских водолеев XIII в. в виде львов, баранов, оленей, лошадей¹²⁷. Возможно, акваманил из Чернигова был отлит в гильдесгеймской мастерской. Разделяющая корпус животного орнаментированная грань характерна для гильдесгеймских акваманилов XIII в. в виде кентавров¹²⁸.

34. **Золотая крышка дарохранительницы с изображениями подвигов Геракла.** Нижняя Лотарингия, конец третьей четверти XII в. (табл. 18).

Найдена летом 1957 г. в Чернигове при земляных работах на углу улиц им. Щорса и Комсомольской. Хранится в Киевском историческом музее. Раскопки, проведенные Черниговским музеем в 1958 г. на месте находки, обнаружили следы богатой княжеской усадьбы, существовавшей в XI—XIII вв. в западной части черниговского «передгородья», по направлению древней дороги на Любеч. По-видимому, драгоценность была зарыта в землю при гибели усадьбы во время нашествия татар на Чернигов в 1239 г.

Крышка изготовлена из чистого золота пробы 999,9; вес 368 г. У нее полусферическое тулово с низким цилиндрическим основанием и прямой трубчатой

ручкой в виде отростка наверху (табл. 18,3). Стенки крышки двойные, скрепленные в основании четырьмя золотыми заклепочками. Диаметр крышки в основании 12,4 см, общая высота 10 см; толщина внутренней стенки у основания 0,75 мм, внешней — 1 мм¹²⁹.

Романские сосуды с подобными крышками, близкими по величине, употреблялись в церковной утвари с XII в. Это особая разновидность дарохранительниц (*sibogium*), состоящих из чаши на поддоне и полусферической крышки такого же профиля, которая завершается трубчатым стержнем с «яблоком» на конце (на нашем экземпляре утрачено). Иногда «яблоко» снабжалось маленькой цепочкой для подвешивания дароносицы под сводом надалтарной сени — кивория. При помощи особого приспособления ее можно было поднимать и опускать. Все известные нам серебряные дароносицы этого типа второй половины XII—XIII в. изготовлены во Франции или в пограничных с ней областях Германии (Вестфалия).

Орнамент на лицевой стороне крышки выполнен в высоком рельефе, техникой выпуклой чеканки с последующей гравировкой. По тулову широкой полосой идет сочный растительный узор в виде плавно изгибающегося волнистого стебля с листьями в форме полупальметки и сдвоенной полупальметки. От этого замкнутого стебля ритмически влево и вправо отходят шесть спиральных завитков с такими же листьями.

В одном из спиральных ответвлений изображен стоящий в воинственной позе обнаженный мужчина могучего сложения в широкой набедренной повязке (табл. 18,1). У него безусое лицо с полными губами и выступающим округлым подбородком. На голове повязка, ниспадающая на плечи и свободно обвитая вокруг шеи. В правой вытянутой руке он держит сферическую булаву, левая — упирается в бедро. Мужчина обращен к бегущему на него оленю с ветвистыми рогами (в следующем завитке слева направо) (табл. 18,2). Олень в свою очередь оглядывается на преследующего его разъяренного льва (табл. 18,6)¹³⁰.

Эти показанные во взаимодействии фигуры чередуются с тремя цветами в виде пальметок, которыми оканчиваются остальные спиральные ответвления. Пальметки повторяют одну и ту же схему. Они пятичленные, с цветком в виде трехлепестковой пальметки на оси, двумя парами листьев по сторонам и одним сверху (табл. 18,5,7). Пальметки различаются строением листьев и цветов.

Промежутки между рельефным орнаментом густо заполнены точечными углублениями. По цилиндрическому основанию на точечном фоне выгравирована двойная геометрическая плетенка (табл. 18,4). Основание трубчатого завершения охватывает гофрированный обруч.

¹²⁹ В. П. Даркевич, И. И. Едомаха, 1964.

¹³⁰ По технике обработки золотого листа, пластичности узора и принципу его построения (конные рыцари, реальные и фантастические животные, вписанные в медальоны) черниговскую крышку можно сравнить с тисненным по золоту фризом «реликвария трех царей-волхвов» работы Николая Верденского (около 1200 г.). См.: O. F a l k e, 1911, табл. XXV, верх.

¹²³ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, табл. XXXIX, 594; Б. А. Рыбаков, 1949, рис. 25.

¹²⁴ O. F a l k e und E. M e u e r, 1935, рис. 313—314.

¹²⁵ Там же, рис. 384.

¹²⁶ Там же, рис. 234.

¹²⁷ Там же, рис. 334—336, 498, 501—502.

¹²⁸ Там же, рис. 273, 275.

Главный мотив орнаментации черниговской крышки — волнистый растительный побег с человеческими и зооморфными фигурами в спиральных ответвлениях — наследие античной культуры в средневековом романском искусстве.

В конце XI—XII в. центром процветания этого орнамента была Северная Италия (архитектурная резьба, особенно декорация портала). Отсюда выходящий стебель с фауной в растительных завитках распространяется в XII в. к северу от Альп (Франция, Германия). В период готики этот орнамент уступает место другим декоративным мотивам¹³¹.

Особое развитие мотив волнистого стебля с ритмическими ответвлениями получает в искусстве областей, лежащих на Маасе и Мозеле (Лотарингия). Здесь такой узор появляется в рукописях ранее, чем во французской архитектурной резьбе, где он распространяется только после 1150 г.¹³²

Этот орнамент широко применялся в произведениях знаменитого маасского ювелира Годфруа де Клера (третья четверть XII в.) и мастеров его круга (тисненые на металле или эмалевые пластины реликвариев и переносных алтарей). Волнистый стебель с фигурами людей, животных и птиц в спиральных завитках украшает жезл из бивня нарвала, изготовленный во второй половине XII в. в бельгийской мастерской¹³³. Подобный узор находим и в оформлении портала Самсона в соборе св. Гертруды в Нивеле¹³⁴. Но наиболее развитый орнамент этого типа представлен на бордюре бронзовых врат из Гнезно — произведения маасской школы литейщиков (Льежская епархия в границах Лотарингии). Наиболее вероятная дата изготовления врат — конец третьей четверти XII в. (1170—1175 гг.)¹³⁵.

Мотивы бордюра гнезненских дверей, несомненно, связаны с орнаментом черниговской крышки. Родство обоих памятников отчетливо выражено в тождестве общей орнаментальной системы (волнистый стебель с фигурами людей и животных в спиральных ответвлениях), в сходстве фигур животных (льва и оленя¹³⁶, который на обрамлении врат спасается от волка, как на крышке — от льва), цветов-пальметок¹³⁷, листьев в форме полупальметки и двоянной полупальметки¹³⁸, деталей одежды и атрибутов персонажей (головная повязка мужчины¹³⁹, булава¹⁴⁰), а также в превосходной моделировке полных движения фигур, в некоторой сюжетной и идейной близости. Очевидно, дароносица — выдающийся образец романской торевтики — была изготовлена в Нижней Лотарингии (Маасская область). По аналогии с вратами из Гнезно ее можно датировать концом третьей четверти XII в.

¹³¹ L. Kalinowski, 1959, стр. 80—84.

¹³² M. Mogelowski, 1956, стр. 96.

¹³³ Там же, рис. 27.

¹³⁴ L. Kalinowski, 1959, стр. 83.

¹³⁵ M. Mogelowski, 1956, стр. 195—200.

¹³⁶ L. Kalinowski, 1959, рис. 67, 92.

¹³⁷ Там же, рис. 113.

¹³⁸ Там же, рис. 55, 58, 60, 62 и др.

¹³⁹ Аналогичный головной убор видим у трубача в рог обнаженного мужчины на бордюре левой створки дверей (там же, рис. 53).

¹⁴⁰ Такой же сферической булавой вооружен кентавр на бордюре правой створки (там же, рис. 120).

В искусстве Рейнской и Маасской областей в XII в. вновь оживают сюжеты мифологии древней Эллады. Особую популярность получает цикл подвигов Геракла, который в средневековье считался прообразом Христа — «победителя князя тьмы»¹⁴¹. На бордюре гнезненских дверей Геракл встречается дважды: в битве с лернейской гидрой и стимфалийскими птицами, что символизировало мистическую победу св. Войцеха над сатаной, т. е. над прусскими язычниками¹⁴². Подробный перечень подвигов Геракла находим в резьбе пашек из слоновой кости, изготовлявшихся во второй половине XII в. в монастырских мастерских Кельна и Турне¹⁴³.

По-видимому, и на черниговской крышке дароносицы представлены эпизоды истории Геракла. Обнаженный мужчина с булавой, выступающий против оленя, заставляет вспомнить четвертый подвиг — пленение золоторогой керинейской лани. В античном искусстве эту лань часто изображали рогагой, что перешло в средневековую иконографию. Погоня Геракла за керинейской ланью вместе с другими подвигами вырезана на костяной пашке второй половины XII в., вышедшей из мастерской при монастыре св. Мартина в Турне¹⁴⁴.

Как доказал Э. Кемпинский, сражение Геракла с керинейской ланью представлено на подножии большого бронзового подсвечника льежской работы конца XII в. (на обратной стороне этого подсвечника видим поединки двух воинов в доспехах с палицами и щитами, т. е. схватку Геракла с Герионом). Геракл, принявший здесь облик рыцаря, замахивается палицей на лань с большими ветвистыми рогами. В левой руке героя круглый щит. Над этой сценой изображен Христос с Евангелием — символом спасения и вечной жизни¹⁴⁵. Тем самым композиция приобретает символическую значимость. Следы на подсвечнике и крышке из Чернигова поясняет мраморный рельеф XIII в. в соборе св. Марка в Венеции, который подражает хранящемуся там же римскому рельефу III в. н. э. с изображением Геракла, несущего эрманфского кабана¹⁴⁶. На романском рельефе Геракл несет на плечах оленя (керинейскую лань), а ногами попирает дракона (лернейскую гидру). Так как образ оленя в христианской символике олицетворял душу, ищущую спасения, а дракон — демонические силы, то фигура Геракла может быть истолкована как аллегория Христа-Спасителя. Геракл, добывающий живую лань, — это образ человека, достигающего спасения в борьбе со злом, т. е. образ вечной жизни¹⁴⁷.

Если на льежском подсвечнике злое начало представлено Герионом, на рельефе из собора св. Марка — драконом, то на черниговской крышке его воплощает нападающий на оленя яростный лев (символ сатаны — губителя христианской души). Вероятно, это — немейский лев, которого сокрушил Геракл (первый подвиг). Единборство Геракла с

¹⁴¹ Z. Kępiński, 1959, стр. 246—247.

¹⁴² Там же, стр. 243—244, 287, 289, рис. 59, 81, 141, 145.

¹⁴³ Там же, стр. 246.

¹⁴⁴ Там же, рис. 138.

¹⁴⁵ Там же, рис. 25, 30, 35, 41.

¹⁴⁶ Там же, рис. 28—29.

¹⁴⁷ Там же, стр. 245—248.

немейским львом видим на костяной пашке второй половины XII в. (мастерская при монастыре св. Мартина в Турне)¹⁴⁸. Геракл, несущий за хвост убитого немейского льва, изваян Бенедетто Антелами в обрамлении портала собора Борго Сан Доннино (начало XIII в.)¹⁴⁹.

Таким образом, на крышке объединено два подвига Геракла, связанных общей дуалистической идеей о борьбе добродетели с силами ада и греха, столь характерной для западного христианства в XI—XII вв.

35. Бронзовый литой водолей в виде птицы с головой бородатого мужчины. Северогерманская (?) копия лотарингского оригинала, вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 4, 5—7).

Найден в 1945 г. в северной части детинца во Вщиже. По мнению Б. А. Рыбакова, это русское изделие XII—XIII вв.¹⁵⁰ Хранится в ГИМ (№ 82508).

Высота сосуда 20 см, длина 16 см. Он поврежден: концы обеих ножек (лап птицы), ручка и круглая крышечка на шарнире, прикрывавшая отверстие для вливания воды, отломаны. Корпус изобилует вмятинами и рваными отверстиями.

Мужская голова с выпуклыми глазами в ободке, плоским носом, открытым ртом-сливом, прямыми разделенными пробором волосами и короткой бородой сидит на птичьей туловище. Это мужская разновидность сирены — гарпия. На шее, груди и хвосте сирены выгравированы ленты, заполненные циркульными кружками¹⁵¹. Такие же полосы отделяют плечевые части крыльев.

Аналогичный орнамент украшает тела драконов на основании лотарингского бронзового подсвечника середины XII в.¹⁵² В романском бестиарии гарпия персонифицировала душу умершего, т. е. символизировала смерть. Особенно часто встречаем ее в архитектурной резьбе XII в. во Франции и Маасско-Рейнском междуречье (Лотарингия): на архивольте портала трансепта собора св. Петра в Ольне (Бельгия), на капителях коллегиального собора в Лоше (Франция), колонне Королевского портала Шартрского собора¹⁵³. Гарпии вырезаны на костяных пашках второй половины XII в., выпедших из мастерской при монастыре св. Мартина в Турне¹⁵⁴, изображены на миниатюрах льежских рукописей¹⁵⁵. На гневенских вратах работы лотарингских литейщиков птица с мужской головой помещена напротив сцены с изображением останков св. Войцеха, убитого в языческой стране пруссов¹⁵⁶. Древнерусскому искусству злоедей образ гарпии остался чуждым.

По форме птичьего туловища на выставленных вперед лапах и с кренделевидным хвостом-ручкой вщижский водолей примыкает к верхнелотаринг-

ским драконовидным акваманилам второй половины XII в.¹⁵⁷ Корпус водолея-дракона из Музея Виктории и Альберта в Лондоне также поддерживается спиралевидным растительным завитком. На лотарингском подсвечнике XII в. трирской школы¹⁵⁸ голова кентавра очень похожа на голову монстра из Вщижа. Близкая разработка оперения крыльев применялась на лотарингских драконовидных подсвечниках второй половины XII в.¹⁵⁹

Упрощенная форма вщижского водолея, отсутствие литых рельефных деталей (легким рельефом выделен только контур крыла), наконец, схематизм гравировки убеждают в том, что это не собственно лотарингское произведение, а скорее всего его северогерманская (возможно, нижнесаксонская) версия.

Так, из Лотарингии (трирская школа) происходит бронзовый подсвечник второй половины XII в. в виде птицы с бюстом бородатого мужчины¹⁶⁰. По типу приподнятого лица, оперению крыльев чудовища он близок вщижскому водолею. Похожий подсвечник второй половины XII в. из Национального музея Будапешта был сделан в Германии по одному из лотарингских образцов¹⁶¹.

Под лотарингским влиянием в Нижней Саксонии изготовлялись и драконовидные акваманилы (XIII в.). От сосудов западной группы они отличаются обобщенностью форм и простотой гравировки. Нижнесаксонский водолей XIII в. из музея в Кемптене (Рейнгессен) по размерам (высота 22 см), пропорциям, форме трубчатой ручки и разработке плечевой части крыльев сближается с акваманилом из Вщижа¹⁶².

36. Медный подсвечник с выемчатой эмалью и гравировкой. Лимож, первая треть XIII в. (табл. 22, 4, 5).

Найден в 1844 г. при разборке завала церкви на вщижском городище в ее алтарной части. Был отослан в Московское археологическое общество, откуда передан в Московский исторический музей¹⁶³. Хранится в ГИМ (№ 6564).

Подсвечник состоит из трехгранного основания, ствола с «яблоком» посредине и чашки с острым стержнем для насаживания свечи. Высота 23 см. Ножки основания в виде стилизованных звериных лап украшены гравированными пересекающимися линиями, зигзагами и пальметками (вверху). Каждая из треугольных граней основания покрыта растительным узором на фоне темно-голубой эмали. В центре — полихромная пальметка (цвета: голубой, красный, зеленый, желтый), по сторонам — два спирально загнутых стебля (оставлены в металле) с листьями тех же цветов. Цилиндрический ствол, гравированный чешуйчатым узором, перехвачен сферическим «яблоком». Оно украшено со-

¹⁴⁸ Z. Kerínski, 1959, рис. 65.

¹⁴⁹ Там же, рис. 160.

¹⁵⁰ Б. А. Рыбаков, 1951, стр. 37, рис. 17; Он же, 1953, стр. 119, вклейка между стр. 112 и 113.

¹⁵¹ Такие ленты украшают грудь птиц с мужской головой на капители XII в. собора св. Петра в Женеве (Z. Kerínski, 1959, рис. 107).

¹⁵² O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 84b.

¹⁵³ Z. Kerínski, 1959, рис. 102—106.

¹⁵⁴ Там же, рис. 115.

¹⁵⁵ Там же, рис. 116, 117.

¹⁵⁶ Там же, стр. 288.

¹⁵⁷ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 229—231.

¹⁵⁸ Там же, рис. 195.

¹⁵⁹ Аналогичная разработка оперения встречается на гильдесгеймских подсвечниках первой половины XIII в. в виде дракона (там же, рис. 180, 181).

¹⁶⁰ Там же, рис. 196.

¹⁶¹ Там же, рис. 197.

¹⁶² Там же, рис. 236.

¹⁶³ И. Евсеев, стр. 26—27; А. А. Мартынов и И. М. Снегирев, 1850, табл. 14; Б. А. Рыбаков, 1953, цветная вклейка между стр. 104 и 105.

храненными в металле волнистыми стеблями с листьями-полулалметками на фоне темно-голубой эмали. Наружная сторона воронковидной чашки для воска украшена треугольниками, заполненными темно-голубой эмалью. Ср. лиможский подсвечник музея Клюни¹⁶⁴. Экземпляру из Вщижа близка подставка для креста, который датируется двумя последними десятилетиями XII — первой четвертью XIII в.¹⁶⁵ Вщижский подсвечник изготовлен до 1238 г. (?), когда церковь погибла при нашествии войск Батыя.

37. Бронзовый литой подсвечник с ажурным основанием. Вестфалия (г. Минден), конец XII в. (табл. 8, 2).

Найден с лиможским подсвечником в 1844 г. при разборке завала церкви на вщижском городище, в алтарной части храма. Был отослан в Московское археологическое общество, откуда передан в Московский исторический музей¹⁶⁶. Хранится в ГИМ (№ 6563).

Высота подсвечника 27,5 см, расстояние между ножками 21,3 см. Каждое из ребер трехгранного прорезного основания, стоящего на трех ножках, образовано туловищем крылатого дракона (табл. 8, 3). Его приплюснутая голова и две звериные лапы приходится на ножку подсвечника. По спине чудовищ сползают похожие на ящериц маленькие бескрылые драконы. Шерсть и оперение крыльев обозначены частыми короткими бороздками. На гранях основания изображено по цветку. Цилиндрический ствол подсвечника перехвачен двумя сферическими «яблоками». От него отпочковываются три выступа в виде листьев. Воронковидная чашка для воска (диаметр 10 см) с острием для свечи поддерживается тремя сильно стилизованными аспидами (табл. 8, 1).

На первый взгляд, вщижский экземпляр можно включить в обширную группу лотарингских алтарных подсвечников второй половины XII в. с плетеным прорезным основанием. По форме чашки и высокому стволу с двумя перехватами он напоминает лотарингский подсвечник второй половины XII в. из Епархиального музея Мюнстера в Вестфалии¹⁶⁷. «Ступенчатые» композиции из драконов украшают основания многих лотарингских подсвечников второй половины XII в.¹⁶⁸ Однако маленькие постаменты на ножках подсвечника, схематизм в изображении драконов на основании, предельно упрощенная форма аспидов под растробом чашки, однообразие гравировки глубокими черточками являются отличительными особенностями подсвечников, изготовлявшихся около 1200 г. в Миндене на Везере. В этом городе Вестфалии находилась наиболее плодovitая мастерская по выработке бронзовой утвари. Вестфальские подсвечники этой серии с их угловатым стилем, плоскостной и безжизненной передачей драконьих голов следовали изящным лотарингским образцам¹⁶⁹. Вщиж-

скому экземпляру соответствуют алтарные подсвечники из Епархиального музея и из собора Мюнстера¹⁷⁰.

38. Фрагмент бронзовой чаши со стилизованным растительным орнаментом. Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII вв. (табл. 14, 3).

Найден в 1949 г. при раскопках на вщижском городище (раскоп XVII в центре детинца, квадрат А/1, глубина 30 см).

Край чаши покрыт гравированным узором из сегментов, разделенных поперечными полосками, представляющим геометризованный орнамент из радиальных стеблей с широкими сегментовидными чашечками цветов на концах, господствующий на чашах этой группы. В узор вплетены латинские надписи — названия пороков. Сохранилось только слово DO-LUS (лукавство), от других остались отдельные буквы. По верхнему краю идет прерывающийся поясок шнурового орнамента.

Согласно типологии Т. Поклевского, чаша включается в подтип II-б (рубеж XII—XIII вв.).

Деградиация форм растительного орнамента, возможно, определяет время изготовления сосуда — первая треть XIII в. Он обнаружен в верхнем горизонте культурного слоя детинца, погибшего при нашествии войск Батыя в 1238 г. (?). Аналогичные экземпляры найдены около Роттердама (Голландия), в Вешхласе (уезд Велюнь, Силезия), Лунде (Швеция), Кальви (Эстония)¹⁷¹, Херсонесе (табл. 13, 1), Старой Рязани (табл. 14, 4).

МУРОМО-РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

39. Половина бронзовой чаши с гравированными изображениями человеческих фигур, персонифицирующих добродетели. Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII вв. (табл. 14, 4).

Найдена в 1887 г. на северном городище Старая Рязань¹⁷². Хранится в Рязанском музее.

Диаметр чаши 30 см, высота 5 см. В центральном медальоне, который, судя по описанию А. В. Селиванова, в момент находки сосуда был цел, помещена фигура сидящей женщины с книгой в левой руке. По сторонам головы шла надпись SPES (Надежда). Сейчас сохранилась только нижняя часть фигуры, задрапированной в длинную просторную одежду, падающую с колен прямыми складками. Виден треугольный конец плаща. Вокруг центрального медальона в четырехлепестковой композиции группируются аллегорические погрудные фигуры женщин в коронах. От одной уцелела часть плеча и последняя буква легенды S (видимо, FIDES — Вера). Следующие две фигуры поясняют надписи CARI-TAS (Любовь) и PACIE-(NTIA) (Терпение). Фон заполнен стилизованным растительным орнаментом, который обрамляет надписи, четырехкратно повторяющиеся в группах по три: ODI-UM (ненависть), PE-CCA (peccatum — прегрешение), DOL-US (лукавство). По краю сосуда идет

¹⁶⁴ E. Rupin, 1890, рис. 577.

¹⁶⁵ P. Thoby, 1953, табл. XII, 20.

¹⁶⁶ И. Евсеев; А. А. Мартынов и И. М. Снегирев, 1850, табл. 15; А. И. Некрасов, 1937, стр. 102, рис. 61.

¹⁶⁷ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 70.

¹⁶⁸ Там же, рис. 23—24, 71—74.

¹⁶⁹ Там же, стр. 20.

¹⁷⁰ Там же, рис. 115, 116.

¹⁷¹ T. Poklewski, 1961, табл. XIXb, 97; XXIVa, 117; XVIb, 53; Ха, 26b.

¹⁷² А. В. Селиванов, 1891, стр. 210—211.

прерывающийся поясок шнуrowого орнамента. Следуя схеме Т. Поклевского, чашу нужно включить в подтип II-6 (рубеж XII—XIII вв.). Идентичный экземпляр найден в Лунде (Швеция)¹⁷³.

39А. Бронзовая литая фигурка ангела. Северная Германия, первая половина XIII в. (табл. 9, 3).

Найдена на городище Старая Рязань. В 20-х годах была в музее Спасска. Ныне утрачена¹⁷⁴. Сохранилась фотография вещи (без масштаба).

Высота фигурки, выполненной в романском стиле, около 15 см. Большие латунные крылья ангела, довольно искусственно связанные с туловищем, приклепаны позднее, видимо, после утраты древних. Ангел с поднятыми руками одет в подпоясанную тунику до колен с открытым воротом и длинными узкими рукавами. Голени ног также задрапированы в ткань, собранную скобковидными складками. Тип лица с большими навыкате глазами и крупным носом характерен для романской пластики.

По всей вероятности, фигурка ангела — фрагмент бронзового подсвечника. Ангел стоял на подставке, а в воздетых руках держал чашку со стержнем для насаживания свечи. Подсвечник такой формы (высота 21 см) был в римской коллекции Г. Строганова. Стержень с чашкой для воска покоился на распростертых крыльях ангела¹⁷⁵. Происхождение этого экземпляра не установлено. На нижнесаксонском подсвечнике XIII в. архангел (стилистически близкий рязанской фигурке) стоит на победившем драконе¹⁷⁶.

Схематизм стили, обобщенность контуров, прямолинейность складок одежды, не выявляющей анатомии тела, грубость в передаче деталей (черт лица, кистей рук) позволяют отнести фигурку к северогерманским (нижнесаксонским?) произведениям XIII в. Разработка крыльев ангела, возможно подражающих первоначальному, близка гравированному оперению на некоторых драконовидных подсвечниках Гильдесгейма первой половины XIII в.¹⁷⁷ Бороздки складок облачения, а также брови частично заполнены мелкими поперечными штрихами. Такой же способ орнаментации применен на северогерманском подсвечнике XIII в. в виде Самсона верхом на льве¹⁷⁸.

40. Накладка с изображением жнеца. Медь с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой. Лотарингия, середина XII в. (табл. 21, 2).

Случайная находка близ с. Ильицына, около большой дороги из Зарайска на Рязань. Передана в Московский исторический музей (№ 38482).

¹⁷³ Т. Poklewski, 1961, табл. XVIb, 53.

¹⁷⁴ За сообщение об этой находке благодарю А. Л. Монгайта.

¹⁷⁵ O. Falke und E. Meuser, 1935, рис. 15.

¹⁷⁶ Там же, рис. 204. На гранях основания бронзовых подсвечников Лотарингии и Нижней Саксонии второй половины XII в. часто помещены фигуры сидящих ангелов. Парные ангелы в рост, выступающие в роли кариатид, изображались и на бронзовых подножиях крестов XII в. (там же, рис. 147, 148, 151). Четыре коленопреклоненных ангела поддерживают бюст короля Фридриха I на бронзовом нижнелотарингском реликварии, изготовленном между 1166—1171 гг. (там же, рис. 310a, b).

¹⁷⁷ Там же, рис. 180, 181.

¹⁷⁸ Там же, рис. 227a, b.

В отчете музея описана как иконка (?) рейнской эмали XII—XIII вв. с изображением жнеца из евангельской притчи о сеятеле¹⁷⁹.

Пластинка слегка выпуклая, прямоугольная, с рубчатými краями. Размеры 7,8 × 5,3 × 0,3 см. На ней изображен молодой мужчина, стоящий на узкой полоске вспаханной земли (цвета эмали: синий, зеленый, желтый), около островерхого деревца. Он как бы произносит назидательную проповедь. Лево́й рукой мужчина придерживает у плеча перевязанный веревкой сно́п и развѣтывает длинную ленту свитка (надпись не сохранилась). Он одет в длинную просторную рубаху без ворота с узкими рукавами (от темно-зеленого цвета к белому). Подол украшен каймой (по краям желтая, внутри лазурная) с точечным узором, из-под которой виден край нижней одежды (голубая с белым). Обувь зеленая.

Фон залит темно-голубой эмалью. Композицию окаймляет светло-голубая рамка. Основные цвета эмали темно-голубой и зеленый. Голова и кисти рук жнеца, сно́п и свиток оставлены в металле, гравированы и позолочены. Позолотой были покрыты и металлические перегородки. Гравированный рисунок заполнен темно-голубой эмалью.

Лотарингское происхождение пластинки очевидно. Во-первых, одежда жнеца декорирована эмалью, тогда как в изделиях Кельна и Гильдесгейма фигуры обычно целиком оставлены в металле, а темной эмалью заполнены гравированные контуры. Во-вторых, в одной и той же ячейке тона образуют плавные переходы от темных к светлым, что придает изображениям рельефность. В-третьих, фигура жнеца трактована в свободной живописной манере, ничем не напоминающей схематичные, застывшие изображения святых в эмалях рейнской группы.

Ближайшее сходство с исследуемой пластинкой обнаруживают эмалевые накладки со сценами страстей господних и мученичества святых, облицовывающие верхнюю грань и боковые стенки портативного алтаря (около 1150 г.) из аббатства Ставело¹⁸⁰. Если в большинстве маасских произведений фон композиций сохранялся в позолоченном металле, то здесь анонимный «мастер портативного алтаря» из Ставело, выступив как новатор, заполнил его эмалью. Только лица с гравированными чертами, инкрустированными эмалью, оставлены в металле. Одежды эмалевые или сохраненные в меди и гравированные¹⁸¹. Основные цвета эмали те же: зеленый, голубой и бирюзовый. Тот же тип лиц с широко раскрытыми глазами. Близки силуэты исполненных экспрессивного движения узкоплечих фигур. Совпадают детали: расположение складок одежд, украшенных понизу орнаментальным бордюром, волнистая полоска земли под ногами персонажей.

В Новом Завете метафоры сеяния — жатвы широко распространены: «Вышел сеятель сеять семя свое; и когда он сеял, иное упало при дороге,

¹⁷⁹ Отчет Императорского Российского исторического музея..., стр. 85, рис. 2.

¹⁸⁰ O. Falke und H. Frauberger, 1904, стр. 131, табл. 78.

¹⁸¹ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 175—176.

и было потоптано, и птицы небесные поклевали его... А иное упало между тернием, и выросло терние, и заглушило его. А иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный» (От Луки, 8, 5, 7, 8). Сеятель этой евангельской аллегории — Христос, роняющий семена веры.

Символический сеятель или жнец библейской притчи — сюжет довольно редкий в романском искусстве¹⁸². Рязанская пластинка, по-видимому, служила накладкой уникального переносного алтаря или ларца-реликвария, находясь в числе других с композициями на темы евангельских притч, толкующих о Христе. Возможно, она помещалась на одном из концов креста, подобного тем, которые выходили из мастерской Годфруа де Клера (см. ниже, стр. 27).

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

41. «Большой» сион московского Успенского собора. Москва, 1486 г. Пластины с фигурами апостолов. Кельн, 60-е годы XII в. (табл. 15—16).

Сионами, или иерусалимами, в древней Руси назывались большие драгоценные ковчеги в виде модели церкви. Их ставили в алтаре на престоле и выносили во время торжественных церковных служб и крестных ходов¹⁸³. На Руси сионы вошли в употребление, возможно, с середины XII в. Первые летописные упоминания о них относятся к 1175 г.¹⁸⁴

Надпись на дверце «большого» сиона гласит, что он сделан в 1486 г. по повелению Ивана III для Успенского собора в Московском Кремле. Ныне он хранится в Оружейной палате.

Высота сиона до верхушки креста 94 см. Он изготовлен из позолоченного серебра с чернью в форме круглой в плане центрической церкви — ротонды. Высота нижнего яруса 40 см, диаметр 44 см. Архивольты 12 полуциркульных закомар опираются на полуколонки с романскими базами и капителями. В промежутках между колонками стоят чеканные рельефные фигуры 12 апостолов (высота каждой 26,5 см). Крыша этой части здания состоит из 12 радиально расходящихся бочек. Церковь завершается постаментом — четырехгранной усеченной пирамидой, которая увенчана цилиндрическим барабаном с чешуйчатой луковичной главой, несущей крест. Барабан окружают четыре граненые декоративные главки. В трехлопастных арках граней пирамиды — чеканные фигуры пророков (Даниила, Валаама, Моисея и Иоанна Предтечи) и фантастических животных в растительном плетении. Арки крыты бочками, повторяющими их волнистый контур. Покрытие опирается на наклонные полуколонки.

Первые исследователи «большого» сиона считали его произведением итальянских мастеров XV в., которые работали в Москве¹⁸⁵. В действительности

¹⁸² Витраж XIII в. Кентерберийского собора (L. Réau, 1957, стр. 341).

¹⁸³ А. С. Уваров, 1910, стр. 298.

¹⁸⁴ ПСРЛ, II, 1908, стр. 581—582.

¹⁸⁵ А. С. Уваров, 1910, стр. 298—299; Н. В. Покровский, 1911.

памятник оказался гораздо сложнее. П. Б. Юргенсон впервые установил, что сион смонтирован из разнородных частей¹⁸⁶. Фигуры апостолов ранне-романского стиля он вывел из саксонско-вестфальского круга искусства первой половины XII в. Исследователь полагал, что сион в первоначальном виде был изготовлен на Руси ремесленниками Фридриха Барбароссы, призванными во Владимир Андреем Боголюбским. При этом центрическую конструкцию здания он объяснил влиянием форм древнерусской архитектуры X—XII вв. Интересная работа П. Б. Юргенсона нуждается, однако, в значительных коррективах.

Устройство низа сиона характерно не столько для древнерусской церковной архитектуры, сколько для реликвариев кельнской работы второй половины XII в. Таков облицованный эмалевыми пластинками реликварий в виде 12-гранной башни с пирамидальной крышей (высота 31 см, диаметр 30 см). Он выполнен Фридрикусом, ювелиром мастерской при церкви св. Пантелеона в Кельне, около 1160 г.¹⁸⁷ Под арками, между эмалевыми колонками, помещены фигуры пророков в рост. Два других реликвария работы Фридрикуса с накладками выемчатой эмали (1165, 1170 гг.) воспроизводят крестообразный в плане византийский купольный храм. В нишах нижней части зданий помещены вырезанные из моржовой кости сцены из жизни Христа и фигуры пророков, в аркатуре барабана — фигуры 12 апостолов¹⁸⁸.

Цилиндрическое здание с пирамидальным верхом, иногда башню в несколько этажей, воспроизводят кельнские реликварии XII в., декорированные накладками резной кости. Аркатурно-колончатый фриз с фигурами Христа и апостолов в рост — обязательный элемент их орнаментации. Пирамидальную крышку иногда украшают поясные фигуры пророков¹⁸⁹.

Стиль изображений апостолов идентичен стилю фигур святых на перечисленных кельнских реликварииях (табл. 16, 6, 7). Фигуры апостолов строго фронтальны и неподвижны. Линейным абрисом вытянутых тел они напоминают колонны позднероманских порталов. Тяжелые одеяния в монотонно текущих складках драпируют слабо расчлененные туловища. Укороченные ноги кончатся неестественно крохотными ступнями. Массивные выпуклые головы с параболическим профилем довольно искусственно связаны с плоскими телами (табл. 16, 3, 5). Выпученные глаза пристально смотрят вдаль. Волнистые пряди волос; бороды и усов разработаны гравировкой¹⁹⁰. Чеканные фигуры того же стиля видим в сценах мученичества на медных с позолотой пластинках двускатной крыши «реликвария св. Марина» (около 1180 г.) школы Фридрикуса¹⁹¹. На оплечье одного из персонажей выгравиро-

¹⁸⁶ P. B. Jurgenson, 1928—1929, стр. 232—238.

¹⁸⁷ O. Falke und H. Frauberger, 1904, стр. 32, табл. 35.

¹⁸⁸ Там же, стр. 33, табл. 36—40.

¹⁸⁹ A. Goldschmidt, 1923, табл. XXIV, 67—70.

¹⁹⁰ Cp. A. Goldschmidt, 1923, табл. XXI—XXVIII.

¹⁹¹ O. Falke und H. Frauberger, 1904, стр. 40, табл. 48.

ваны овалы, как на оплечьях апостольских облачений.

Плоские пластинки фона, из которого выступают фигуры апостолов, синхронны им. Во-первых, волнистые стебли с ритмическими спиральными отклонениями, несущими трехлепестковые пальметки (в различных вариантах они повторяются на большинстве пластин), были популярны в романской орнаментике второй половины XII в., особенно в творчестве кельнских ювелиров. Этот мотив необычайно расцветает в выемчатых эмалях кельнского мастера Фридерикуса и его учеников¹⁹². На реликвариях Фридерикуса волнистые стебли с полихромными цветами-пальметками заполняют фон фигур святых в аркатурно-колончатом поясе¹⁹³. Орнамент из идущих по вертикали трехчленных пальметок, соединенных парными симметричными стеблями, также употреблялся в работах этого ювелира. Во-вторых, раннюю дату пластин фона подтверждает гравировка между стеблями, состоящая из довольно широких волнистых линий. Штриховка XV в. выполнена неглубокими и тонкими прямыми или зубчатыми линиями. В XV в. латинские надписи над нимбами апостолов были стерты (в этих местах пластины тоньше) и заменены русскими. Между буквами частая штриховка уже иная — из легких прямых черточек. Часть пластин уходит под тонкие полуколонки. Вероятно, первоначально диаметр ковчега был несколько больше. Только пластина с фигурой апостола Петра (XII в.), которая служит дверцей сиона, видимо, изготовлена в XV в., хотя и на ней повторен мотив волнистого побега.

Кроме пластин с фигурами апостолов, все остальные части нижнего яруса — украшенные чернью нимбы, валики архивольтов и полуколонки, бочки покрытия и поддон с ручками — изготовлены в XV в. Этой дате отвечает техника черни и гравировки из частых зубчатых линий, слишком измельченный орнамент из растительных усиков и чешуек. Аналогичные узоры находим на «малом» сионе 1486 г. Очевидно, этот орнамент в какой-то степени воспроизводит оформление колонок и архивольтов разобранной романской раки. Диагональные ленты, ряды ромбиков, волнистые стебли по схеме близки узорам на эмалевых колонках кельнских реликвариев¹⁹⁴. Схематизированная форма баз и растительных капителей также подражает романскому образцу XII в.¹⁹⁵

Таким образом, конструктивно низ сиона сохранился без существенных изменений. Романский реликварий, переделанный в 1486 г., обнаруживает прямые связи с кельнской мастерской Фридерикуса. По аналогии с другими произведениями этой группы его можно датировать 60-ми годами XII в.

Верхняя часть сиона с традиционным пятиглавием относится к 1486 г. Но еще П. Б. Юргенсон отметил сходство позднероманского орнамента в

трехлопастных арках, где пророки и фантастические животные выступают из спирального растительного плетения (табл. 16, 1, 2), с узорами на маасских и рейнских ювелирных изделиях¹⁹⁶. Трехлопастная арка на колонках с 60-х годов XII в. становится обычным мотивом на фронтонах и скатах крыш ковчегов Кельна и Маастрихта, в том числе на ларцах Фридерикуса¹⁹⁷. Орнамент внутри арок, где плавно изгибающиеся сочные стебли образуют как бы медальоны, куда вписаны фигуры людей и монстров, также в основном локализуется в маасско-рейнском кругу искусства. Чертами этого пластичного и экспрессивного стиля отмечен бронзовый литой гребень крыши «реликвария св. Анно» (около 1183 г.) из Кельна¹⁹⁸, тисненые серебряные накладки крыши «реликвария св. Гериберта» (около 1160 г.) и тисненные из золота фризы «реликвария трех царей-волхвов» работы Николая Верденского¹⁹⁹. Совпадают построение орнамента, трактовка мясистых стеблей с листьями-полулпальметками и цветами в виде трехлепестковых пальметок, мотивы «шишек пинии». Следовательно, и постамент сиона скопирован с предшествующего памятника, хотя по технике (сочетание литья с тиснением) фигуры пророков с русскими надписями на нимбах тождественны святым «малого» сиона 1486 г.²⁰⁰ Крылатые и бескрылые четвероногие, фланкирующие пророков, видимо, заменили драконов, которые символизировали побеждаемые церковью силы зла. Они сохранили характерные для маасско-рейнской «драконологии» второй половины XII в. маленькие узкие головы с острыми ушами, длинные изогнутые шеи, крылья.

Наконец, S-видные драконы в окнах барабана сиона (табл. 16, 4) очень близки драконам ажурного гребня крыши «реликвария св. Марина» работы Фридерикуса (1180 г.). Весь гребень сплетен из этих химер, изогнутых в виде буквы S²⁰¹.

Эти наблюдения позволяют реконструировать и верх кельнского реликвария, который имел башенную композицию из постепенно уменьшающихся кверху объемов. Над цилиндрическим основанием возвышался усеченно-пирамидальный «шатер». Его четыре грани были, возможно, образованы трехлопастными арками с изображениями пророков, подпирающих драконов. Фигуры пророков иногда помещались в завершениях кельнских реликвариев — над апостолами нижнего яруса (см. выше, стр. 23). «Шатер» завершался маленькой цилиндрической башенкой, вероятно, под конической крышей. В окна башенки были вписаны «арабески» из драконов. Аналогична конструкция кельнского реликвария XII в. из музея Дармштадта. Он выполнен в виде башни с тремя цилиндрическими этажами, уменьшающимися кверху²⁰². Высота со-

¹⁹⁶ P. B. Jurgenson, 1928—1929, стр. 236—237.

¹⁹⁷ O. Falke und H. Frauberger, 1904, рис. 16, 37, 38, табл. 43, 45, 50, 54, 56, 81.

¹⁹⁸ Там же, табл. 51.

¹⁹⁹ Там же, табл. 85—87; O. Falke, 1911, табл. XXV.

²⁰⁰ P. B. Jurgenson, 1928—1929, стр. 234.

²⁰¹ O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 48.

²⁰² A. Goldschmidt, 1923, стр. 24, табл. XXIV, 67.

¹⁹² O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 41, 44.

¹⁹³ Там же, табл. 35, 40.

¹⁹⁴ Там же, табл. 35—37, 40, 42—44.

¹⁹⁵ Там же, рис. 16, табл. 59.

оружения 47,5 см, нижний диаметр 26 см. Первый и второй этажи имеют усеченно-коническое покрытие. Постройку венчает коническая крыша. Стенки ковчега облицованы накладками резной кости. В аркатурно-колончатом фризе нижнего яруса помещены фигуры Христа, Богоматери и апостолов, средний ярус отведен пророкам.

Самый большой из известных «башенных» реликвариев, вероятно при Андрее Боголюбском, с берегов Рейна был доставлен во Владимир (надо думать, в разобранном виде). Его можно связать с одним из четырех больших «златых» (т. е. позолоченных) иерусалимов, которыми, по летописному известию 1175 г., князь Андрей украсил Успенский собор во Владимире (три сиона) и церковь Рождества Богородицы в Боголюбове (один сион)²⁰³. Судя по многочисленным романским рудиментам в сионе 1486 г., при Андрее Боголюбском он сохранял облик кельнского «башенного» реликвария, возможно, с незначительной модификацией.

42. Две парные наклейки с композициями Распятие и Воскресение Христа. Медь с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой. Лотарингия, школа Годфруа де Клера, третья четверть XII в. (табл. 21).

Обе эмалевые наклейки, известные в литературе как наплевники Андрея Боголюбского, были отнесены Г. Д. Филимоновым к произведениям прирейнских мастеров XII в., работавших на Руси²⁰⁴. Они представляют собой массивные медные пластины сложной пятиугольной формы. При их соединении образуется полусфера со срезанной верхушкой и двумя вырезами внизу. Высота пластин 11,5 см, хорда дуги нижнего края (при развертке) 17 см. На выпуклой лицевой стороне пластин в технике выемчатой эмали исполнены фигурные композиции. Фон позолоченный. Лица и открытые части тела персонажей оставлены в металле, гравированы и позолочены, а углубленные контуры рисунка заполнены темной эмалью. Поверхность пластин гладко отполирована.

Пластина с композицией Распятие (табл. 21, 3—5). Найдена Г. Д. Филимоновым в начале 70-х годов прошлого века в одном из монастырей б. Владимирской губ. Хранилась в Румянцевском музее, позднее попала в собрание М. П. Боткина (1911 г.). В настоящее время находится в собрании Р. Гирша в Базеле²⁰⁵.

В центре, на Голгофе — холме из темно-голубых с белым, а по краям фиолетовых и зеленых с белым камней — водружен пятиконечный крест (у краев синий с постепенным переходом в белый). На нем распят Христос, бородатый, с длинными разметанными по плечам волосами. Голова в зеленом нимбе с голубым крестом поникла на правое плечо. Набедренная повязка белого цвета с зелеными складками, тонированными желтым. Крест

²⁰³ ПСРЛ, II, 1908, стр. 581—582.

²⁰⁴ Г. Д. Филимонов, 1874, стр. 21—26, вклейка между стр. 24—25; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1899, стр. 89, рис. 112; Труды VIII АС в Москве, 1890, т. IV, табл. XLVIII; De Waue, 1903, стр. 4—8, вклейка между стр. 6—7; Собрание М. П. Боткина, табл. 94.

²⁰⁵ Р. Е. Schramm, 1955, стр. 547.

заканчивается голубой дощечкой с титлом I. N. R. I., выполненным позолоченными буквами. Под ногами Иисуса зеленая с позолоченными краями доска (suppedaneum). На ней красные пятнышки крови. К кресту с обеих сторон подходят два бородатых длинноволосых воина. Справа копьеносец прободает копьем ребро Христа (сотник Логин, символизировавший обращенных язычников)²⁰⁶. На нем короткий коричневый хитон и голубой с белыми отливами плащ, скрепленный на груди круглой фибулой. Другой римский солдат, который как символ неверных иудеев помещен слева от Иисуса, на стороне синагоги²⁰⁷, подает ему на древке смоченную оцтом (уксусом) губку. Он одет в хитон цвета морской волны, подпоясанный зеленым поясом. Орудия страстей господних — копье, древко губки и сосуд — темно-красные (цвет мученичества). У подножия креста три воина (видны до пояса), выкидывая пальцы, разыгрывают одежду Христа. Они в золотистых кольчугах, голубых и зеленых плащах и шлемах тех же цветов с загнутой вперед верхушкой. Между воинами разостлана фиолетовая с беловатым отливом туника, образующая неделимый жребий. Около нее брошен свернутый в комок зеленый с желтым хитон. По традиции, справа от Спасителя (за копьеносцем) изображена скорбящая Богородица. Возле нее вертикальная темно-голубая надпись S. MARIA. Нимб фиолетовый с белым внутри. На Марии зеленая с желтым туника и плащ цвета морской волны. Симметрично ей, по левую сторону креста, стоит Иоанн Богослов в образе красивого молодого человека. Нимб желтый с белой внешней каймой. Иоанн задрапирован в зеленую с желтым тунику и голубой плащ. В левой руке он держит белый развернутый свиток с позолоченной надписью IONS. Вверху, по сторонам поперечного бруса креста, поясные фигуры двух ангелов, парящих в голубых облаках.

Пластина с композицией Воскресение (табл. 21, 1). В прошлом веке хранилась в Успенском соборе во Владимире, сначала при мощах Андрея Боголюбского, а потом в ризнице. В настоящее время хранится в Лувре²⁰⁸.

В центре композиции помещен Христос, выходящий из гроба, у которого отброшена крышка. По сторонам вертикальная надпись REXUREXTIO ONI (Господь воскрес). В левой руке Христос держит крест красного цвета на длинном древке со знаменем — символ победы над смертью. Верхняя риза на нем голубая с коричневыми отливами, нижняя — белая. Саркофаг невысокий, пестрой окраски (смесь красных, зеленых и голубых пятен) с зеленым крестовидным украшением на боковой стенке (выполнено перегородчатой эмалью). По сторонам гроба стоят два стройных ангела с длинными зелеными снаружи и фиолетовыми изнутри крыльями, в белых, оттененных голубым одеждах. Они держат короткие жезлы с красным навершием в виде трилистника. У подножия гробницы упали в ужасе три стража, ослепленные лицезрением бо-

²⁰⁶ L. Réau, 1957, стр. 497.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Р. Е. Schramm, 1955, стр. 547.

жества. Двое из них пытаются прикрыться круглыми зелеными щитами с коническими умбонами. Их доспехи составляют шлемы, золотистые кольчуги и сапоги (красные и зеленые). У пояса подвешены мечи в красных ножнах.

Вместо общераспространенного символического образа Воскресения — явления ангела святым женам у гроба Спасителя — здесь мы видим буквальное изображение этого события: Христос выходит из саркофага. Подобная трактовка сюжета, которая не исходила из текста Евангелия, но отвечала потребностям народной веры, встречается только в западноевропейском искусстве. С XI в. там появляется образ Христа, ставящего ногу на край саркофага²⁰⁹. Этот вариант Воскресения, редкий для XII в., предпочитали мастера Франции и Италии²¹⁰. Рассматриваемую композицию можно считать одним из первых образцов подобной передачи сюжета в западноевропейской иконографии.

Как свидетельствует весь комплекс признаков, владимирские пластины относятся к числу произведений, вышедших из мастерской знаменитого лотарингского ювелира Годфруа де Клера из Гюи (третья четверть XII в.).

Обычно лотарингские (маасские) эмалиеры сохраняли фон в позолоченном металле, тогда как ювелиры, работавшие к востоку от Рейна, заполняли его эмалью²¹¹. Они широко применяли вертикальные и горизонтальные пояснительные надписи-легенды²¹².

Маасские эмали отличает исключительное богатство палитры. Основные цвета, противопоставляемые в смелых контрастах, — голубой, зеленый, белый, дополняемые красным, желтым и фиолетовым. Каждый из них дан в нескольких вариантах: разнообразна гамма желтых (от сернистого к лимонному), голубых (цвета морской волны, ультрамарин, бирюза, лазурь), красных и т. д. Характерна для лотарингских эмалей техника «мозаичной» окраски под гранит (саркофаг в композиции Воскресения)²¹³. Одну и ту же выемку заполняли эмалью разных цветов, образующих постепенные переходы, что создавало игру светотени и делало фигуры рельефными. При этом определенные тона, применяемые в освещенных частях, становились обязательной принадлежностью некоторых других: так, желтый использовали для подсветки зеленого, белый — для голубого²¹⁴.

Годфруа де Клер был мастером полихромного тонирования эмалей и, может быть, изобретателем этой техники²¹⁵. Созданные им композиции носят характер повествования, отличаются конкрет-

ностью в изображении библейских событий. Они сложны по построению и включают большое число действующих лиц²¹⁶. Фигуры, повернутые в три четверти к центру композиции, обычно покрывают украшаемую поверхность снизу доверху, располагаясь в несколько ярусов. Например, в сцене распятия их насчитывается 10. Движения персонажей свободны и естественны, одежды легко облегают их стройные тела. Во всех подробностях разворачивается драматический рассказ о смерти и триумфе Христа. В этих живописных группах как бы застыли эпизоды пышных религиозных мистерий, которые разыгрывались на тесных площадях средневековых городов²¹⁷.

* * *

Форма владимирских пластин очень специфична²¹⁸. Единственной параллелью являются четыре выпуклые полукруглые пластины с выемчатой эмалью на известном подножии креста из музея в Сен-Омере. Эта работа, приписываемая Годфруа де Клери, датируется разными исследователями в пределах 1145—1175 гг. По О. Фальке, она выполнена около 1160 г.²¹⁹ Судя по форме и размерам (высота сен-омерской подставки креста не более 30 см), владимирские накладки относились к полусферическому подножию креста, которое могли поддерживать четыре бронзовые фигуры евангелистов (как на экземпляре из Сен-Омера).

Это назначение подтверждается темами изображений. В церковном искусстве Лотарингии был особенно развит символический параллелизм в передаче эпизодов Ветхого и Нового Заветов²²⁰. Так, на эмалевых пластинках сен-омерского подножия креста представлены ветхозаветные прообразы крестной жертвы: Моисей, воздвигающий медного змия или изводящий воду из скалы; Аарон, пишущий

²¹⁶ На принадлежность владимирских накладок к школе Годфруа из Гюи указывают и некоторые мелкие детали. Выполненный перегородчатой эмалью бордюр из белых и желтых ступенчатых треугольников на светло-зеленом фоне применялся и на эмалевых накладках крестов работы этого мастера (см. ниже, стр. 27). Связь исследуемых памятников с эмалевыми медальонами триптиха из Ставело, на которых изображены эпизоды «обретения истинного креста» (работа Годфруа де Клери, 1150—1160 гг.), выявляется как в общности технических приемов и композиционных принципов, так и в сходстве поз, одежд, вооружения персонажей (O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 117).

²¹⁷ Ср. витраж собора в Пуатье (XII в.) с композицией Распятия (L. Réau, 1957, рис. на суперобложке).

²¹⁸ Высказано предположение, что накладки происходят от реликвария в виде бюста, плечи которого они украшали (C. Dreufus, 1935—1936, стр. 176). Автор указанной работы ошибочно относит эмали из Владимира к школе знаменитого маасского ювелира Николая Верденского (последняя четверть XII в.).

²¹⁹ O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 116.

²²⁰ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 162. Доктрину параллелизма двух Заветов, известную христианскому искусству VI—VII вв., мастера Запада в X—XI вв. почти игнорировали. При активном участии аббата Сугерия она вновь возродилась в искусстве Сен-Дени и прежде, чем распространиться по всей Европе, достигла Лотарингии. Предполагают, что Годфруа де Клер в числе других лотарингских ювелиров (aurifabros Lotharingos) работал под руководством Сугерия по украшению аббатства Сен-Дени в 40-х годах XII в. (E. Mâle, 1924, стр. 151 и сл.).

²⁰⁹ Возможно, эта композиция возникла под влиянием темы воскресения мертвых, выходящих из могил по призыву труб страшного суда (L. Réau, 1957, стр. 544).

²¹⁰ Там же, стр. 544—545. В произведениях германских мастеров Христос обычно перешагивает через саркофаг, например, в композиции Воскресения на реликварии 1183 г. из церкви св. Пантелеона в Кельне (O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 53).

²¹¹ M. Rostworowski, 1953, стр. 6.

²¹² J. Helbig, 1906, стр. 44.

²¹³ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 164.

²¹⁴ E. Molinier, 1891, стр. 103.

²¹⁵ M. Rostworowski, 1953, стр. 5.

Т-образный знак (TAU); Халев и Иисус Навин, несущие на жерди гроздь винограда ханаанского; Иаков, благословляющий детей Иосифа; серептская вдова, несущая два куска дерева, соединенных крестообразно, и др.²²¹ Те же сюжеты повторяются на прямоугольных эмалевых пластинках, расположенных на концах двух крестов работы Годфруа де Клера. Крест Британского музея датируется серединой XII в.²²² Крест, хранящийся в Кенсингтонском музее, сделан около 1165 г.²²³

Владимирские пластины с композициями Распятие и Воскресение могли украшать основание подобного креста с ветхозаветными параллелями этих событий. Памятник был создан в третьей четверти XII в. (время деятельности Годфруа из Гюи), по видимому, между 1150 и 1160 гг.

Некоторые иконографические детали не позволяют отнести эмали из Владимира ни к XIII, ни, тем более, к XIV в. С XIV в. воскресшего Христа изображали не выходящим из погребения, а парящим над ним²²⁴. С того же времени Богоматерь и Иоанна Богослова в композиции Распятие помещают рядом друг с другом — по одну сторону креста²²⁵. Ступни Иисуса, судя по их положению, прибиты не одним гвоздем (деталь, которая появляется со второй половины XIII в.), а двумя²²⁶. Доспех стражей у гробницы Христа в христианской иконографии всегда отвечал господствующей моде. Конические племени употреблялись во Франции до начала правления Филиппа II Августа (1180 г.), а затем их сменили цилиндрические. Тогда же место круглых щитов окончательно заняли миндалевидные. Кольчужные рубашки до колен носили в XII в. Со времени битвы при Бувине (1214 г.) кольчужный доспех закрывает рыцаря целиком — с головы до ног²²⁷.

43. Дарохранильница в виде голубя. Медь с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой. Лимож, последняя треть XIII в. (табл. 22, I).

Найдена в конце прошлого века при разборе церковной утвари в «палатке» при суздальском соборе. находка была сдана в Московский исторический музей (упомянута в Кратком путеводителе 1914 г.), а затем продана за рубеж. Дарохранильница описана К. Н. Тихонравовым и опубликована Н. Н. Ворониным по сохранившейся фотографии²²⁸.

Голубь медный, литой, полый внутри. Судя по аналогичным экземплярам, первоначальная высота была 20—25 см. Подвижные крылья, прижатые к туловищу, украшены эмалью зеленого и красного цветов. Остальные части тела покрыты гравированным оперением и позолочены. Глаза инкрустированы бусинками черного стекла. Декорированный эмалью хвост и лапки птицы обломаны. В спине с левой стороны небольшое позолоченное внутри

углубление для святых даров, прикрытое крышкой на шарнире. По сторонам крышки две петли для подвешивания дароносицы на цепочках под киворием.

Похожие евхаристические голуби второй половины XIII в. — символы Святого Духа — хранятся во многих европейских музеях и частных коллекциях. Особенно много их во Франции²²⁹. По М. Готье, идентичный экземпляр из музея Кюни относится к последней трети XIII в.²³⁰

44. Женская статуэтка ларца-реликвария. Резная кость. Франция, вторая половина XII — первая треть XIII в. (табл. 25, II).

Найдена в Ростове Ярославском южнее кремлевских стен, возле церкви Григория. Хранится в Ростовском музее (№ 22630). Н. Н. Воронин, опубликовавший статуэтку, определил ее происхождение и назначение²³¹.

Статуэтка (высота 8,5 см) изображает стоящую в фас молодую женщину в зубчатой короне. На лице, обрамленном прямыми подстриженными волосами, застыла легкая улыбка. Женщина задрапирована в длинную до пят одежду с короткими и очень широкими рукавами (блио), мода на которую установилась после 1140 г. и сохранялась в течение XIII в.²³² У блио нет пояса, который был не обязателен для костюма девушек²³³. Под просторными рукавами блио видны прижатые к груди руки в узких рукавах нижней рубахи. По сравнению с удлиненным туловищем они слишком малы. Обратная сторона фигурки не обработана.

Эта статуэтка — образец раннеготического стиля, где еще сохраняются многие романские черты (барельефность изображения, иератическая застылость позы, слишком крупная голова). Чертами того же стиля отмечены статуи-колонны Королевского портала собора в Шартре, выполненные в середине XII в.²³⁴

44А. Фрагменты неорнаментированной бронзовой чаши. Поморье, Самбия, конец XI—XIII в.

Найдены в 1961 г. при раскопках летописного Белоозера, у истоков Шексны.

Раздавленный на мелкие куски сосуд был выкован из тонкого бронзового листа. Бортик шириной до 1 см отогнут наружу. находка сделана в слоях конца XI—XIV в., что соответствует хронологическим границам бытования чаш этого типа (XI—XIII вв.).

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

45. Бронзовый литой водолей в виде конного рыцаря. Северная Германия (вероятно, Нижняя Саксония), первая половина XIII в. (табл. 6, 3—6).

Обнаружен среди древней утвари Коложской церкви XII в. в Гродно. Хранился в Виленском му-

²²¹ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 163.

²²² O. Falke und H. Frauberger, 1904, стр. 70, рис. 22. На аналогичном кресте из Шарлоттенбурга представлена история «обретения истинного креста» императрицей Еленой (там же, табл. 74).

²²³ Там же, табл. 75.

²²⁴ L. Réau, 1957, стр. 544.

²²⁵ Там же, стр. 498.

²²⁶ Там же, стр. 480.

²²⁷ V. Gau, 1887, стр. 57—59.

²²⁸ Н. Н. Воронин, 1956, стр. 25—26, рис. 12.

²²⁹ E. Rupin, 1890, стр. 234.

²³⁰ M. M. S. Gauthier, 1950, табл. 62.

²³¹ Н. Н. Воронин, 1956, стр. 28—29, рис. 15.

²³² C. Enlart, 1916, стр. 31.

²³³ V. Gau, 1887, стр. 161.

²³⁴ M. Aubert, 1957, табл. 13 и сл.

зее древностей²³⁵, сейчас находится в музее университета Вильнюса.

В. Антонец априорно отнес водолей из Гродно к произведениям французского ремесла XII—XIII вв.²³⁶; согласно О. Фальке, он изготовлен в XIII в. в Германии или Скандинавии²³⁷; Н. Н. Воронин датировал сосуд XII в.²³⁸

Наибольшая высота водолея 24 см, длина 19 см, ширина 7,5 см. Он выполнен в виде рыцаря, сидящего верхом на коренастом коне с массивной короткой шеей, широкой грудью и сильными ногами. На голове коня капюшон с отверстиями для ушей, который употребляли, чтобы защитить животное от стрел и ударов меча. Широкая узда с круглыми выступами удила, поводья, нагрудная шлея и чепрак с зубчатыми вырезами украшены двойными зигзагами. Это излюбленный мотив гравировки на северогерманских водолеях XIII в. От короткого тесного седла на длинных ремнях свешиваются полукруглые стремяна. Между ушами коня есть треугольное отверстие для вливания воды, прикрывавшееся крышечкой на шарнире (отломана). Вода вытекала изо рта животного²³⁹.

Всадник безбород и безус. Верхняя часть головы отломана. Под выступающим подбородком проходит ремень (от шлема?). Как на многих водолеях XIII в., всадник одет в длинную подпоясанную рубаху без рукавов, с треугольным вырезом у ворота. Низ рубахи разрезан надвое. Военскую рубаху из прочной шелковой ткани надевали в XIII в. поверх кольчужного доспеха для предохранения его от дождя и солнечных лучей. До 1250 г. она не закрывала рук, оставляла открытой шею и спускалась ниже колен²⁴⁰, как у всадника гродненского водолея. Во второй половине XIII в. носили короткие рубахи до колен²⁴¹. Согнутой правой рукой рыцарь поднимал меч (утрачен), левой — держит поводья. Слишком тонкие руки поддерживаются двумя подпорками, соединенными с шеей коня. У левого плеча всадника — конический выступ, на котором висел щит. Плоская ручка сосуда выполнена в форме аспиды.

Трактовка морды коня, состав конского снаряжения, подвески-лунницы на нагрудной шлее, длинные плоские полы рубахи всадника, украшенные косыми насечками, наконец, отверстие для воды на лбу коня сближают гродненский сосуд с акваманилом в виде «сокольного» из частной коллекции в Нью-Йорке²⁴². По мнению О. Фальке, последний отлит в XIV в. в Северной Германии. С большим основанием его можно включить в серию гильдесгеймских акваманилов XIII в. в виде конных рыцарей. Принадлежность к ней определяется динамическим силуэтом лошади со слегка подогнутыми передними ногами, как на водолеях XIII в. из Национального

музея Копенгагена²⁴³, обилием гравировки на длиннополой одежде всадника, клетчатым узором на чепраке²⁴⁴.

Водолей из Гродно гораздо примитивнее нью-йоркского. Фигура коня неуклюжа, статична, на ногах не выделены копыта. Гравировка схематична. Видимо, родина этого водолея — Северная Германия (Нижняя Саксония). Подобные слабо моделированные грузные туловища почти без гравировки, вертикальные ноги, большие навывкате глаза, обрамленные черточками ресниц, ручки в виде аспиды без крыльев и лап отличают нижнесаксонские акваманилы в виде львов первой половины XIII в.²⁴⁵

45А. **Бронзовая чаша без орнамента.** Поморье, Самбия, XII в. (табл. 13, 5).

Найдена в 1958 г. при раскопках в окольном городе древнего Новгородка (Новогрудок Гродненской обл.)²⁴⁶. Хранится в ЛОИА.

Диаметр чаши 32,5 см, высота 7 см. Сосуд найден в горизонте XII — середины XIII в.

46. **Навершие в виде головы льва, проглатывающего человека.** Резная кость. Южная Германия, вторая половина XII в. (табл. 24, 4—7).

Найдено при раскопках 1954 г. на древнерусском городище Шведская Гора в Волковыске Гродненской обл.²⁴⁷ Хранится в Волковыском военно-историческом музее им. П. И. Багратиона (№ 2626).

Навершие вырезано из моржовой кости в виде скульптурной головы льва. Длина изделия 4,8 см, высота 3,8 см, ширина 2,5 см. Сквозь голову льва проходит круглое отверстие. Еще в древности навершие было расколото, но затем отбитую часть вновь присоединили медными заклепками.

Резчик придал льву свирепый, устрашающий вид. У него сильно выдающийся крючковатый нос с широко раздувающимися ноздрями. Глаза с округлыми гнездами на месте зрачков первоначально были инкрустированы жемчугом или драгоценными камнями. Грива трактована группами завитков. В раскрытой пасти, на языке, лев держит человека, которого готовится проглотить. Это пожилой мужчина с длинными опущенными книзу усами и ровно подстриженной заштрихованной бородой. Расчесанные надвое волосы падают на плечи шестью длинными витыми прядями. Мужчина одет в богато вышитую рубаху до колен. Оплечье и вошва, идущая от ворота до пояса, орнаментированы волнистыми растительными побегами. Узкие рукава украшают налокотники и наручи. Подол окаймляет полоса ткани с жемчужным орнаментом, распространенным в западноевропейской резной кости XII в. Оплечье, наручи, налокотники и кайма подола изображены в виде широкой средней и крайних узких полосок. На ногах мужчины мягкая остроносовая обувь. Этот нарядный костюм был характерен для западноевропейской аристократии в XI—XII вв.

С обратной стороны львиной головы изображен сидящий на троне феодальный правитель. Он без-

²³⁵ Ф. Покровский, 1892, табл. XXI.

²³⁶ W. Antoniewicz, 1926.

²³⁷ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 305, рис. 272а, б.

²³⁸ Н. Н. Воронин, 1954, стр. 99—101, рис. 51.

²³⁹ Похожий конь изображен в композиции Вход Христа в Иерусалим на магдебургских вратах Софийского собора в Новгороде (табл. 1, 5).

²⁴⁰ M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 286.

²⁴¹ Там же.

²⁴² O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 47, рис. 271.

²⁴³ Там же, рис. 259.

²⁴⁴ Там же, рис. 262—264.

²⁴⁵ Там же, рис. 356—362.

²⁴⁶ Ф. Д. Гуревич, 1962, стр. 245—246, рис. 4, 5.

²⁴⁷ В. Р. Тарасенко, 1957, стр. 278; В. П. Даркевич, 1963.

бород и бауус, но одет так же, как персонаж в пасти льва. По-видимому, в обоих случаях изображено одно лицо, но в разные периоды жизни. Левая рука персонажа спокойно лежит на коленях, кисть правой обращена в сторону подходящего к трону подданного. Почтительным жестом тот протягивает обе руки навстречу своему сеньору (табл. 24, б).

В христианской иконографии лев служит примером двойственного символизма: он может представлять и Христа, и сатану. Идея льва-антхриста родилась из рассказов Ветхого Завета о борьбе со львом Самсона и Давида. Челюсти льва, которые они разрывают, сравниваются там с пастью ада. Эта идея вдохновлена также призывом псалма 21: «Спасите меня от пасти льва» (*Salve me de ore Leonis*). В звериной орнаментике Запада лев-антропофаг идентифицируется с дьяволом²⁴⁸. Ад — огромная пасть животного, пожирающего обреченных²⁴⁹.

Воспроизведения этой идеи особенно многочисленны в XI—XII вв. Человек, терзаемый львом, распростерт под ним или наполовину проглочен, и тогда из пасти видны тело, торс или ноги грешника; иногда изображена только человеческая голова в пасти или между лапами хищника.

Связана ли сцена на тыльной стороне волковысского навершия с сюжетом терзания? Выше уже отмечалось сходство обоих человеческих персонажей. Но если на троне сидит еще молодой мужчина, то лев пожирает уже старца. По всей вероятности, обе сцены связаны традиционной морализирующей идеей о тщете всего земного. Как бы человек ни был могуч и знатен, но если при жизни он не соблюдал христианских заповедей, то после смерти ему неизбежно уготована пасть ада.

Само навершие из Волковыска первоначально являлось частью богато убранного сиденья, и этот сюжет был как бы грозным напоминанием его обладателю. На тыльной стороне он видел олицетворение своего земного могущества, лицевая сторона с львиной мордой была обращена к подходившим к владычному сиденью. Сиденье этого типа (*faldistorium*) — наиболее древнее из тронов и почетных сидений духовной и светской аристократии²⁵⁰. Скрепящиеся перекладины легкого складного стула сверху украшали головками различных животных: львов, пантер, драконов, борзых, а снизу — звериными лапами.

Навершие из Волковыска находит ближайшие параллели среди вырезанных из моржовой кости головок львов, насаживавшихся на каждую из четырех перекладин *faldistorium* (львиная головка XII в., найденная у Айхштетта, см. выше, стр. 17)²⁵¹. Выражение львиной морды, а также трактовка глаз, первоначально инкрустированных, ушей, гривы,

обозначение шерсти вокруг пасти сближают эту находку с нашей. Другим примером является единственный сохранившийся *faldistorium* романского времени (1242 г.) из монастыря Ноннберг в Зальцбурге²⁵². Верхние концы каждой из четырех штанг оформлены в виде стилизованных львиных голов²⁵³. Из разинутых пастей, как из окон, выглядывают одиночные или парные поясные фигурки людей.

Высокохудожественный *faldistorium*, частью которого служило навершие из Волковыска, вероятно, был изготовлен в Южной Германии, откуда происходят все известные нам древности подобного рода. Его можно датировать второй половиной XII — началом XIII в. Этой датировке не противоречат и стратиграфические показатели (навершие найдено в слое второй половины XII — первой половины XIII в.).

47. Обломок ложечки для принятия причастия в виде фигурки святого с рогом. Резная кость. Франция (?), XII в. (табл. 25, 9, 10).

Найден в 1959 г. при раскопках на мисском Замчище в слое XII в. Хранится в Ин-те истории АН БССР²⁵⁴.

Статуарная фигурка мужчины, видимо, оформляла конец ручки костяной ложечки для принятия причастия. Высота фрагмента (головка отломана) 5 см. Персонаж одет в короткое стянутое в талии поясом платье западноевропейского образца, напоминающее камзол. В правой руке он держит большой рог, в левой — какой-то непонятный предмет. Исполнение грубое, схематичное. Аналогичные фигурки нам неизвестны.

48. Золотое обручальное (?) кольцо с латинской надписью. XIII—XIV вв.

Найдено в 1961 г. при раскопках окольного города летописного Новгорода (Новогрудок Гродненской обл.). Находится в ЛОИА²⁵⁵.

Тонкий плоский ободок кольца (диаметр 1,7 см) разделен на отдельные секции. В усеченно-коническую оправу вставлен кабошон граната. Снаружи по секциям идет частично стертая латинская надпись, видимо, слова молитвы.

Кольца этой простой формы датируются XIII—XIV вв. В Британском музее имеется несколько аналогичных экземпляров²⁵⁶.

НОВГОРОД

49. «Корсу́нские» врата новгородского Софийского собора. Магдебург, середина XII в. (табл. 1—2). Врата находятся на главном западном фасаде Софийского собора в Новгороде.

Единственное пока капитальное исследование врат принадлежит Ф. Аделунгу²⁵⁷. Он детально описал памятник, произвел тщательный анализ ико-

²⁴⁸ L. Réa u, 1955, стр. 110.

²⁴⁹ W. Deo n n a, 1950, стр. 488—490.

Лев олицетворял разрушительную силу и был эмблемой небесного огня уже на Древнем Востоке. Вавилонский бог солнечного жара и преисподней Нергал носил скипетр с головой льва. Позднее, в классических цивилизациях, лев стал универсальным символом смерти. Эту же роль он продолжал играть и у христиан (там же, стр. 486—487).

²⁵⁰ Le siège en France du Moyen Age à nos jours, стр. 19.

²⁵¹ A. Goldschmidt, 1926, табл. LXXVII, 306a — d.

²⁵² A. Goldschmidt, 1923, табл. XL—XLII, 123, стр. 34—35.

²⁵³ Там же, табл. XL, b, d, f, стр. 35.

²⁵⁴ Э. М. Загорульский, 1963, рис. на стр. 81. Фотографию находки любезно предоставил мне Ю. М. Драгун.

²⁵⁵ Ф. Д. Гуревич, 1963, стр. 53.

²⁵⁶ O. M. Dalton, 1912, табл. XV, 864, 865; XVI, 1004.

²⁵⁷ Ф. Аделунг, 1834.

нографии рельефов, языка и палеографии надписей. Исследователь пришел к выводу, что врата, неправильно названные «корсунскими», изготовлены в Магдебурге (Саксония) в XIII в. Выдающийся для своего времени труд Ф. Аделунга значительно устарел. В дальнейшем разрабатывались и уточнялись частные вопросы происхождения, датировки, истории, смысла отдельных композиций замечательного памятника²⁵⁸. Лучшее воспроизведение врат и их деталей помещено в альбоме А. Гольдшмидта²⁵⁹. Общеизвестно исполнение врат магдебургскими мастерами Риквином и Вайсмутом. Споры вызывает личность заказчика. Предполагают, что это был или магдебургский архиепископ Вихман (1152—1192 гг.), или епископ польского города Плоцка Александр (1129—1156 гг.). Оба священнослужителя изображены в клеймах дверей (табл. 1, 4). Совпадение времени их епископата (1152—1156 гг.) определяет дату изготовления врат²⁶⁰. Гипотеза, основанная на старинном предании о привозе врат новгородцами в 1187 г. из разоренной ими шведской столицы Сигтуны, считается наиболее вероятной. Доставленные в разобранном виде в Новгород, они были вновь смонтированы русскими мастерами.

Ввиду того, что такой сложный и во многом неясный памятник, каким являются «корсунские» врата, требует всестороннего монографического исследования, мы ограничимся лишь кратким описанием.

Высота врат 3,6 м, ширина 2,4 м. Они состоят из двух деревянных створок, на которых набиты бронзовые листы с горельефными сценами из Нового Завета. Приклепанные к листам фигуры отлиты из бронзы и гравированы. Каждая створка врат разбита на 12 квадратных полей (со стороной 40 см) и одно прямоугольное шириной 80 см (вверху). Всего 26 полей. Смежные клейма каждой створки отделены продолговатыми пластинами с удлиненными одиночными фигурами различных персонажей. Кроме того, все поля обрамлены бордюром, составленным из отдельных полукруглых пластин в оправе. Валики украшены сложными растительными разводами в рельефе. Головки гвоздей, прикрепляющих пластины бордюра, имеют форму четырехлепестковых цветов. Обе рукоятки врат выходят из пастей львиных масок, в которых видны головы пожираемых грешников (табл. 1, 2).

Повествовательные композиции в клеймах поясняются надписями двух типов. Надписи середины XII в. выполнены правильными латинскими буквами. Более небрежные русские надписи — перевод латинских — вырезаны в XIV в., после установки врат в Новгороде.

Отдельные пластины дверей несут следы починки. При сборке врат в Новгороде часть клейм утратила первоначальное расположение, нарушив последовательность сцен. К рельефам XIII—XIV вв. относятся автопортрет Авраама (табл. 1, 1), фигура дья-

кона и кентавр-лучник²⁶¹. Существует мнение, что часть пластин заимствована от других романских дверей²⁶².

Иконографический цикл охватывает важнейшие события жизни Христа: на левой створке — от рождения до крещения, на правой — от входа в Иерусалим до вознесения (табл. 1, 5; 2, 1—5). Рядом с евангельскими композициями помещены портреты заказчиков (епископов Вихмана и Александра) и мастеров (Риквина, Вайсмута, Авраама). Часть аллегорических фигур символизирует победу христианских добродетелей над силами зла.

Стиль рельефов характеризует саксонскую пластику середины XII в. Он отличен от стиля произведений гильдесгеймских литейщиков предыдущего столетия (школы епископа Бернварда). Композиции гильдесгеймских врат (между 1108—1115 гг.) еще сохраняют античную мягкость моделировки энергично движущихся фигур, плавные текучие линии их драпировок²⁶³. Персонажи новгородских врат тяготеют к фронтальности. Они инертны, замкнуты в своих контурах. Характерно параллельное положение не только голени ног, но и ступней. Тяжелые ткани одежды спускаются вертикальными складками, не выявляя форм тела. Платяя перетянуты прямыми поясами. Вторую горизонталь образует нижний край одежды. Жесткость пластической формы сочетается с обильной линейной гравировкой. Ею произвольно обозначены складки одежд, орнаментально оживлена их поверхность. Однообразные лица с грушевидным контуром отличаются низким лбом, удлиненными выпуклыми глазами, массивным носом и маленькими высоко расположенными ушами. Прямые разделенные надвое волосы зачесаны назад.

50. Бронзовый колокол. Германия (?), первая половина XIII в. (табл. 3, 2).

Происходит из Антониева монастыря. Хранится в Новгородском музее (№ 7548).

Высота колокола 44 см, диаметр отверстия 22 см, вес 20 кг. Он имеет удлиненные пропорции (высота вдвое превышает нижний диаметр). Язык отломан. Тожественные колокола в форме «сахарной головы» появляются на Западе около 1200 г. и применяются в течение XIII в.²⁶⁴

51. Ларец-реликварий с чеканными изображениями святых. Рейнская область, конец XII — начало XIII в. (табл. 20).

В описях ризницы Софийского собора в Новгороде упоминается с XVII в.²⁶⁵ Ныне хранится в Новгородском музее (№ 829).

На XV археологическом съезде в Новгороде издатель ларца Н. В. Покровский сделал о нем доклад²⁶⁶. Он сопоставил систему убранства ларца с изображениями на раннехристианских саркофагах. Ему возражал А. А. Дмитриевский, по мнению которого ларец был изготовлен на Западе. Где именно и когда, осталось неясным. На западные детали в

²⁵⁸ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1889, стр. 111—123; J. Ahrenberg, 1907; O. Альмгрен, 1912; А. И. Анисимов, 1928; В. А. Богусевич, 1939; И. П. Шаскольский, 1949.

²⁵⁹ A. Goldschmidt, 1932.

²⁶⁰ O. Альмгрен, 1912, стр. 24.

²⁶¹ А. И. Анисимов, 1928, стр. 181 и сл.

²⁶² И. П. Шаскольский, 1949, стр. 130.

²⁶³ A. Goldschmidt, 1932, стр. 24—25.

²⁶⁴ K. Hübner, 1957, стр. 202, рис. 5.

²⁶⁵ Н. В. Покровский, 1914, стр. 87.

²⁶⁶ Там же, стр. 87—91, табл. XII, 1—5.

оформлении ковчежца обратил внимание и Г. Г. Павлуцкий²⁶⁷.

Ларец деревянный четырехугольный с плоской крышкой на петлях. Размеры 19 × 11 × 6,5 см. Шесть граней обиты тонкими пластинками позолоченной меди. На боковых гранях — чеканные рельефные фигуры безымянных святых в рост (Христос и Богоматерь с апостолами?). Некоторые держат книги. Фигуры стоят под полукруглыми романскими арочками, которые опираются на полуколонки с базами и капителями. На длинных гранях выбито по шесть фигур, на коротких — по три. Выполнение обобщенное, схематичное, без проработки гравировкой. Святые плохо различаются. Возле нескольких фигур выбиты латинские буквы SO (?). Грани ларца окаймлены частыми металлическими шариками. Крышка украшена пятью полусферическими кабошонами горного хрусталя в высоких зубчатых оправах. Более крупный помещен в центре, остальные — в углах. На место двух выпавших камней вставлено два новых (между 1646 и 1751 гг.).

«Внутренние поверхности ковчега — деревянные новые, обложенные новою парчею; но остатки древнейшего дерева видны под медью на наружной поверхности дна»²⁶⁸.

Подобные ларцы для хранения реликвий, обитые тонкими пластинками позолоченной меди или серебра, с рельефными фигурами святых (в рост или по пояс) под арками на колонках, с пятью кабошонами горного хрусталя на плоской крышке изготовлялись в Рейнской области в XII — начале XIII в. Один из них, трирской работы XII в., хранится в ризнице церкви в Херфорде²⁶⁹. Обнази из металлических шариков украшают северогерманские ларцы XII в. с выемчатой эмалью. На крышке одного из них — вставки горного хрусталя, а на длинных боковых гранях — эмалевые изображения апостолов²⁷⁰. По схематизму трактовки фигур ларцу из Новгорода близок рейнский реликварий начала XIII в. с Христом, Мадонной (?) и апостолами в аркатурно-колончатом фризе²⁷¹.

52—54. Шесть досок книжных окладов с композициями Распятие и Христос во славе. Медь с выемчатой эмалью, гравировкой и позолотой, основа деревянная. Лимож, вторая треть XIII в. (табл. 23).

До 1921 г. находились в Антониевом монастыре. Сейчас четыре из них хранятся в Новгородском музее, две — пропали. Впервые исследовал эти так называемые иконы Антония Римлянина Г. Д. Филимонов, определивший их как лиможские книжные оклады XIII в.²⁷²

Медные прямоугольные пластинки, покрытые изображениями в выемчатой эмали, смонтированы на дубовой доске (31 × 19 см). Для большой цент-

ральной пластины в доске сделано углубление со скошенными краями. Скошенные грани, отделяющие центральную часть от рамки, которая облицована отдельными эмалевыми накладками, покрыты лентами позолоченной меди с гравированным узором в виде косой сетки.

Трем доскам со сценой распятия соответствуют экземпляры с композицией Христос во славе. Эти два сюжета в очень близких вариантах почти всегда украшают лиможские переплеты Евангелий (religie émaillée). Распятие обычно изображали на верхней крышке, на нижней помещали Христа-триумфатора²⁷³. Таким образом, три пары досок, различающиеся трактовкой центральных фигур (оставленных в металле и гравированных или же рельефных), заполнением фона (дисками или розетками) и орнаментом на рамке, являлись окладами трех литургических книг (видимо, Евангелий). Следует отметить, что случаи сохранения парных лиможских переплетов чрезвычайно редки.

Яркие цвета эмали, контрастирующие с позолотой частей, оставленных в металле, составляют классическую гамму Лиможа: темно- и светло-голубой, темно- и светло-зеленый, кирпично-красный, желтый, белый. Они образуют следующие комбинации: 1) красный как отправная точка — темно-голубой — светло-голубой — белый (радуга, нимбы, розетки фона); 2) красный — темно-зеленый — светло-зеленый — желтый (розетки фона). Фон темно-голубой лазурный, реже светло-голубой.

Доски с композицией Распятие

1. № 2189 (табл. 23, 3). На центральной пластине изображен Христос, простертый на кресте. Зеленый цвет креста обозначает, что это не мертвое дерево, но древо жизни²⁷⁴. Он воздвигнут на Голгофе — многоцветном полукруглом холме из острых камней. Голова Христа окружена крестчатим нимбом. Над ней желтая дощечка с титлом IHS-XPS. Под подножной доской (suppedaneum), усеянной красными крапинками крови, — погрудное изображение Адама, восстающего из могилы. По сторонам креста, на полукруглых пригорках с полихромными пальметками внутри, предостоят Богоматерь (справа) и Иоанн Богослов с книгой (слева). Вверху, над поперечной ветвью креста, — поясные фигуры двух адорирующих ангелов с книгами в руках. Темно-голубой фон декорирован полихромными дисками и двумя горизонтальными эмалевыми лентами. На бордюре рамки бюсты ангелов (на десяти пластинках) чередуются с восьмилепестковыми полихромными розетками.

Все фигуры персонажей оставлены в металле, гравированы и позолочены. Рельефные головы, повернутые в три четверти, приклепаны отдельно.

2. № 2191 (табл. 23, 1). На центральной пластине та же композиция с некоторыми отличиями в деталях. Вверху, над титлом, из облаков выступает десница Бога-Отца в голубом нимбе с красным кре-

²⁶⁷ Известия XV АС в Новгороде, стр. 167—168.

²⁶⁸ Н. В. Покровский, 1914, стр. 87.

²⁶⁹ O. Falke und H. Graubeger, 1904, рис. 4.

²⁷⁰ Там же, рис. 41—42.

²⁷¹ F. Witte, 1913, стр. 109, табл. 55, 1, 2.

²⁷² Г. Д. Филимонов, 1874, стр. 26—30, вклейка между стр. 28—29; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1899, стр. 159—160, рис. 198; De Waue, 1903, стр. 10 и сл., вклейка между стр. 12—13.

²⁷³ E. Rupin, 1890, стр. 314.

²⁷⁴ L. Réau, 1957, стр. 485.

стом. У ног распятого Христа помещена адамова голова (белая с позолоченным контуром). Темно-голубой фон декорирован четырехлепестковыми полихромными розетками и тремя горизонтальными эмалевыми лентами. На бордюре рамки чередуются восьмилепестковые полихромные розетки двух видов (голубые с белым и зеленые с желтым).

3. Утрачена. Приводим описание Г. Д. Филимонова: «Изображение распятого все выпуклое, накладное, медное, в королевском венце и в короткой одежде, покрывающей нижнюю часть туловища по колена. Но что всего характеристичнее, это вставленные в глаза черной эмали выпуклые зрачки. Вверху креста параллелограм с двустрочною подписью по желтому фону красными буквами: VOS RE-OUX. В верхних углах иконы вырезаны два ангела с книгами в руках. Как у них, так и у двух гравированных предстоящих кресту — также на цветных скалах — головы выпуклые. Господствующий цвет эмали темно-голубой. Голова адамова внизу креста белая. Поля рамы украшены травными разводами металлических стеблей на темном с цветками, или зелеными с желтыми, или голубыми с белыми»²⁷⁵.

Оклады с изображением распятия, аналогичные новгородским, не представляют редкости (коллекция Брамбилла в Павии²⁷⁶, собрание Чарторыйских в Кракове²⁷⁷, коллекция Мартина Ле Руа²⁷⁸, несколько экземпляров в Эрмитаже и т. д.).

Доски с композицией Христос во славе

4. Парная экземпляру 1, № 2188 (табл. 23, 4). В центре на голубом фоне в миндалевидном ореоле (мандорле) помещена фронтальная фигура Христа, сидящего на разноцветной радуге. Правой рукой он благословляет, левой — опирается на книгу, поставленную на колено. По обеим сторонам полихромного нимба позолоченные буквы А — Ω (альфа и омега). В углах на темно-голубом фоне — символы евангелистов: вверху — ангел св. Матфея и орел св. Иоанна, внизу — лев св. Марка и крылатый бык св. Луки. Они держат Евангелия (белые с красными точками), а орел — развернутый свиток. Фон заполнен полихромными дисками. Бордюр рамки тождествен обрамлению доски 1. Все фигуры персонажей сохранены в металле, гравированы и позолочены. Головы рельефны.

5. Парная экземпляру 2, № 2190 (табл. 23, 2). На центральной пластине та же композиция с незначительными отличиями в деталях. Фон темно-голубой, заполненный полихромными четырехлепестковыми розетками и звездами. Бордюр рамки идентичен обрамлению доски 2.

6. Парная экземпляру 3. Утрачена. Приводим описание Г. Д. Филимонова: «Изображение (Христа. — В. Д.)... накладное, выпуклое. По сторонам моно-

грамма вечности в обратном порядке Ω — А. В наружных углах овала символы евангелистов — резные, с отлитыми главами. На полях рамы вырезаны высшие чины небесной иерархии в святительской одежде, с дисками в руках и на них крестом, и с Евангелием. Господствующие цвета эмали: лазурь, есть и желтый, и красно-кирпичный. Последнего цвета Евангелия в руках символов по сторонам Спасителя и свиток у Иоанна. Поля рамы украшены двойными травными репьями с крестообразною середкою, представляющими золоченый стебель с цветками голубым и белым или желтым с зеленым. Все по голубому фону; фигуры ангелов по темному»²⁷⁹.

Экземпляры с композицией Христос во славе, аналогичные новгородским, хранятся в Лувре²⁸⁰, Эрмитаже, ГМИИ и т. д.

* * *

Трактовка фигур (оставлены в металле, гравированы и позолочены, головы рельефны) и характер фона (единый эмалевый, декорирован горизонтальными лентами и пересыпан полихромными дисками и розетками) позволяют отнести первые два оклада ко второй четверти XIII в. (1230—1250 гг.).

На третьей паре досок центральные фигуры Христа целиком рельефны, что практикуется в основном с середины XIII в.²⁸¹ На фотографии доски²⁸² видно, что на бордюре ее рамки парные сердцевидные стебли с полихромными пальметками внутри чередуются с бюстами ангелов. Аналогичный экземпляр из музея Лижожа относится, согласно М. Готье, ко второй трети XIII в.²⁸³ Этим же временем можно датировать третий новгородский оклад.

54А. Два фрагмента неорнаментированной бронзовой чаши. Поморье, Самбия, середина XII в.

Найдены в 1960 г. при раскопках в Неревском конце древнего Новгорода (раскоп XXX, пласт 20, квадрат 1936, № 7 и квадрат 1937, № 19). 20-й пласт соответствует 19-му ярусу настила мостовых, который относится к 1134—1161 гг.²⁸⁴ Сосуд хранится в ИА АН СССР.

Диаметр полусферической чаши, выкованной из тонкого бронзового листа, 27—28 см, высота 8 см, ширина отогнутого наружу бортика 1 см.

55. Серебряная позолоченная ложка с изображениями Троицы, Мадонны и св. Себастьяна. Италия, первая половина XIII в. (табл. 26, 4, 5).

В прошлом веке хранилась в Антониевом монастыре. Издателя ложки И. Д. Мансветова интересовала главным образом история усвоения западного образа Троицы древнерусским искусством XIII—XVI вв.²⁸⁵ Символика композиций, происхождение и назначение «лжицы» остались невыясненными.

Судя по рисунку в статье И. Д. Мансветова, длина ложки 14,5 см. На конце шестигранной ручки —

²⁷⁹ Г. Д. Филимонов, 1874, стр. 27.

²⁸⁰ E. Rupin, 1890, табл. XXIX, 381.

²⁸¹ M. Rostkowski, 1953, стр. 10.

²⁸² И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, 1899, рис. 198 (в центре).

²⁸³ M. M. S. Gauthier, 1950, табл. 34.

²⁸⁴ Б. А. Колчин, 1962, стр. 135—136.

²⁸⁵ И. Д. Мансветов, 1874.

²⁷⁵ Г. Д. Филимонов, 1874, стр. 27.

²⁷⁶ E. Rupin, 1890, табл. XXIX, рис. 380.

²⁷⁷ M. Rostkowski, 1953, табл. XVI.

²⁷⁸ Catalogue raisonné de la collection Martin Le Roy, табл. XXII, 30.

скульптурная фигурка Богоматери с младенцами Иисусом и Иоанном Крестителем на руках. Другой конец ручки образован головой чудовища, как бы держащего ложку в пасти.

На внутренней стороне ложки выгравирована вертикальная композиция Троицы. В центре фронтальная фигура Бога-Отца, сидящего на престоле. Перед собой Саваоф держит четырехконечный крест с распятым Христом. Ноги Иисуса прибиты одним гвоздем — деталь, появляющаяся в западной иконографии только с XIII в.²⁸⁶ Между головой Саваофа и распятием помещен голубь с распростертыми крыльями — символ Святого Духа. Фон композиции заполнен клубком извивающихся лент с римскими цифрами I, II и III. Считается, что эта единая компактная композиция Троицы (*Trône de Grâce*) с распятым Христом впервые появляется во французском искусстве XII в. (медальон задуманного аббатом Сугерием символического витража в Сен-Дени, 1145 г.)²⁸⁷ и распространяется в XIII в. Из Франции этот вариант перешел в итальянское и немецкое искусство, просуществовав на Западе вплоть до XVII в.²⁸⁸ Не исключено, однако, что предпосылки для рассматриваемой композиции сложились уже в византийском искусстве.

На обратной стороне ложки помещены Мадонна с младенцем и св. Себастьян в момент казни. Св. Себастьян в образе безбородого юноши в набедренной повязке привязан к дереву с обрубленными ветвями. В эту живую мишень вонзилось много стрел. Впрочем, святой не обнаруживает никаких признаков агонии: он стоит прямо, глаза открыты. Популярность этого мученика за христианскую веру в средние века, когда эпидемии чумы опустошали целые города и провинции, объясняется тем, что его считали защитником от «черной смерти». С глубокой древности народы представляли чуму как стрелы, посылаемые разгневанным богом (Аполлоном, Яхве или Христом). Стрелы как орудие мученичества Себастьяна стали его постоянным атрибутом. Согласно распространенной легенде, пронзенный ими, он не умер. Верили, что этот святой обладает иммунитетом от стрел, т. е. от чумы. Например, на вотивной фреске в церкви Сан-Джиминьяно в Тоскане, выполненной Беноццо Гоццолли во время чумы, испуганные жители укрываются под плащом св. Себастьяна²⁸⁹.

Справа от Себастьяна на полукруглом возвышении с арабскими цифрами 1234 стоит Богоматерь с младенцем Иисусом. На левой руке Мария держит младенца, играя с ним яблоком. Этот образ был широко распространен в готическом искусстве XIII—XIV вв. Однако от традиционного мотива Богоматери, стоящей с младенцем на руках, трактовка отличается некоторыми существенными деталями. Если фигуры готических мадонн обычно дапы в легком повороте, то здесь фигура св. Девы статична и почти фронтальна. Кроме того, ее широкий плащ развевается внизу, как бы осеняя холм, на котором она

стоит. Эти черты напоминают образ Милосердной Девы (*Vierge de Miséricorde*), популярный в западноевропейском искусстве конца средневековья и особенно в церковной живописи итальянского Кватроченто (XV в.). Стоящую во весь рост Милосердную Деву всегда изображали в фас. Она то простирала руки, развертывая свой плащ, то складывала их в мольбе, и тогда распахнутый плащ поддерживают ангелы или святые. Под плащом св. Девы укрываются молящие ее о помощи — представители различных классов и сословий.

Изображение на ложке из Новгорода — наиболее ранний вариант этой темы в средневековом искусстве Запады. Соседство Богоматери со св. Себастьяном не случайно. Ее также считали защитницей от чумы: от плаща св. Девы, как от щита, отскакивают стрелы божественного гнева. При массовых эпидемиях заступничество Богоматери казалось наиболее действенным. Вотивная живопись, исполнявшаяся по заказу городов и братств во время чумы (*pestbild*), воплощает эту идею во всех подробностях. Широкое применение она нашла в искусстве итальянского Кватроченто, особенно в Тоскане и Умбри. Живописец Бенедетто Бонфильи написал св. Деву (1464 г.), которая парит над Перуджией, укрывая население города своим плащом. Над ней поясная фигура Христа со стрелами в левой руке. Смерть — скелет с крыльями летучей мыши — истребляет народ²⁹⁰. В живописи церкви в Монтоне (1482 г.) Дева в окружении святых укрывает плащом город и коленопреклоненные толпы верующих. Справа от нее св. Себастьян. Над головой св. Девы помещена поясная фигура Христа со стрелами, которые он готовится метнуть²⁹¹. Несомненно, это дериват разбираемой нами композиции, которая развивалась в течение двух с половиной веков.

На ложке из Антониева монастыря находим только зачатки классического типа св. Девы с плащом. Ее руки еще заняты, и плащ развевается свободно. Характерно, что на ранних изображениях св. Девы с плащом она, по традиции, несет на левой руке младенца, поддерживающего полотнище ее плаща (цистерцианская печать аббатства Серка 1352 г.)²⁹². Но присутствие младенца плохо вязалось с образом Оранты, руки которой должны были оставаться свободными, чтобы поддерживать плащ, и позднее его перестают изображать²⁹³.

На исследуемой композиции сверху, над головами Мадонны и Себастьяна, изображены три извивающихся языка пламени — символы божественной кары, равнозначные стрелам. Полукруглое возвышение — пьедестал, который Богоматерь прикрывает своим развевающимся плащом, — по-видимому, служит символом обороняемых земель. «Самая милосердная защитница» выступает здесь как посредница между карающим богом (изображен на другой стороне ложки) и людьми, нуждающимися в ее помощи.

²⁸⁶ L. Réa u, 1957, стр. 480.

²⁸⁷ E. Mâle, 1924, стр. 182—183.

²⁸⁸ L. Réa u, 1956, стр. 25—26.

²⁸⁹ L. Réa u, 1957, стр. 116.

²⁹⁰ L. Réa u, 1957, стр. 115—116.

²⁹¹ L. Silvy, 1905, рис. на стр. 407.

²⁹² Там же, рис. на стр. 405.

²⁹³ L. Réa u, 1957, стр. 116.

Вероятно, ложка является итальянским производением²⁹⁴. Выгравированная на ней дата 1234 подтверждает нашу интерпретацию²⁹⁵. Незадолго до 1234 г. Франция, Дания и Англия были охвачены эпидемией какой-то повальной болезни, может быть чумы. Бедственной была и зима этого года: в Италии стояли такие холода, что товары приходилось доставлять в Венецию по льду, а около Равенны вымерз еловый лес²⁹⁶. Как свидетельствует весь цикл сюжетов на серебряной ложке, сделанной в год «божьего гнева», она имела votivное назначение, т. е. служила амулетом для предохранения ее владельца от болезни. Подобным образом «стрелы св. Себастьяна» употреблялись как обереги, которыми касались пици при чумных эпидемиях²⁹⁷.

56. Биллоновая литая пряжка с изображением двух человеческих фигур. Германия (?), вторая половина XIII в. (табл. 11, 8).

Найдена в 1955 г. при раскопках на Неревском конце древнего Новгорода (раскоп XIII, пласт 14, квадрат 981, № 10)²⁹⁸. Стратиграфически пряжка датируется второй половиной XIII в.

Пряжка сердцевидная ажурная. Размеры 4,3 × 3,5 см. Узкий ободок украшен поперечными насечками. В него вписаны две человеческие фигурки в рост, обращенные друг к другу (повернуты в три четверти). Левая фигурка, судя по короткой прическе, изображает мужчину, правая длинноволосая, — несомненно, женщину.

Раннеготический стиль фигурок, которые отличаются вытянутыми пропорциями, позволяет считать пряжку западноевропейским украшением. У женщины сквозь падающую параллельными складками ткань прекрасно обрисована чуть согнутая в колене нога. Эту натуралистическую деталь едва ли мог внести русский ювелир XIII в. Костюм персонажей (платье до пят с длинными узкими рукавами, плоская шапочка на голове мужчины) скорее западноевропейский, чем русский. Можно думать, что композиция навеяна образами рыцарской поэзии, возможно эпизодами романа о Тристане и Изольде, которые были особенно популярны в светском изобразительном искусстве XIII—XIV вв.

²⁹⁴ В XIII в. десятичная позиционная система записи чисел индийскими («арабскими») цифрами распространилась среди итальянских купцов. В Сицилии индийские цифры на монетах появляются не позднее 1138 г. Сторонником новой системы счисления выступил Леонардо Пизанский в своем сочинении «*Libro abaci*» (1202 г.). Во Франции, Германии и Англии новая нумерация до второй половины XV в. почти не применялась (первые монеты с индийскими цифрами во Франции относятся к 1485 г., в Германии — к 1489 г.). См.: Энциклопедия элементарной математики, стр. 54.

²⁹⁵ Вплоть до XV в. формы записи одних и тех же индийских цифр были чрезвычайно разнообразны. В XIII в. цифры 1, 2 и 3 близки современному начертанию, хотя есть и несколько вариантов двойки. Цифра 4 в некоторых случаях приближается к начертанию на ложке (G. F. Hill, 1915, табл. III—IV). По-видимому, художник, рисовавший «лжицу», несколько модернизировал форму цифр.

²⁹⁶ F. Schnügger, 1823, стр. 283; Ф. А. Дербек, 1905, стр. 10.

²⁹⁷ L. Réa u, 1959, стр. 1192.

²⁹⁸ Благодарю М. В. Седову, предоставившую мне вещь для издания.

56А. Бронзовая чаша с растительно-геометрическим орнаментом. Область Мааса — Рейна или Юго-Восточная Прибалтика, XII в. (табл. 14, 1).

Найдена при раскопках кургана 1 с труположением у с. Яровщина в Приладожье (Ленинградская обл.). Вещевой комплекс погребения относится к XII в.²⁹⁹

Чаша (диаметр 19 см, высота 5 см) сохранилась неполностью. На стенках выгравированы четыре овальных медальона, сгруппированные крестообразно. Они обрамлены волнистой линией. В промежутках между медальонами помещены группы схематичных ветвей (по три). Дно не украшено (?).

По классификации Т. Поклевского, чаша относится к типу V (XII в.). Аналогичное композиционное решение и тот же мотив медальонов, заштрихованных параллельными волнистыми линиями, находим на чашах из Камея Поморского (Польша) и Бебикона (кантон Ааргау, Швейцария)³⁰⁰.

56Б. Бронзовая чаша без орнамента. Поморье, Самбия, XI—XII вв.

Найдена в погребении, раскопанном близ Приозерска Ленинградской обл. На основании могильного комплекса датируется XI—XII вв.³⁰¹

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО

57. Бронзовый литой водолей в виде дракона. Лотарингия (?), вторая половина XII — первая половина XIII в. (табл. 4, 4).

Время и место находки неизвестны. В начале XIX в. водолей принадлежал Румянцеву, затем хранился в отделении доисторических древностей Московского публичного (Румянцевского) музея³⁰². Я. И. Смирнов, изучая водолей по фототипической таблице, которую Н. П. Кондаков подготовил для второго тома «Русских кладов»³⁰³, определил сосуд как западноевропейскую работу XII—XIII вв.³⁰⁴

Акваманил выполнен в виде фантастического зверя с вытянутым туловищем, которое плавно переходит в змеиный закрученный узлом хвост. Чудовище лежит, опираясь на согнутые передние лапы (обломаны на концах). Загнутый кверху хвост служил горлышком сосуда. От него ответвляется полая круглая в сечении ручка, которая соединяется со спиной зверя. Верхняя часть головы животного отломана. Из раскрытой пасти выступает голова аспида — слив сосуда. Туловище и хвост дракона декорированы продольными лентами с пунсонным орнаментом. Они окаймлены рядами рельефных кружков. Промежутки между лентами заполнены рельефными прядями шерсти.

²⁹⁹ H. Salonen, 1929, стр. 235; J. R. Aspelin, 1878, № 1124; T. Poklewski, 1961, табл. IXb, 25.

³⁰⁰ T. Poklewski, 1961, табл. Xb, 35; IIa, 6.

³⁰¹ Там же, № 36.

³⁰² Г. Д. Филимонов, 1873, № 2582.

³⁰³ С этой таблицей, хранящейся в архиве ЛОИА, познакомила меня Г. Ф. Корзухина.

³⁰⁴ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 27—28.

По форме румянцевский экземпляр сближается с драконовидными акваманилами второй половины XII в. из Лотарингии. Отличие заключается в отсутствии крыльев, удлинённых пропорциях туловища, массивной голове с аспидом-сливом.

Сплошная орнаментация туловища дракона очень специфична. На других водолеях встречаются только отдельные ее элементы. Длинные продольные полосы из рельефных или выбитых пунсоном кружков украшают лотарингские драконовидные водолеи второй половины XII в.³⁰⁵, лотарингский акваманил XIII в. (Эрмитаж) в виде дракона в схватке с рыцарем³⁰⁶, драконовидные подсвечники Лотарингии второй половины XII в.³⁰⁷

58. **Бронзовая литая фигурка сирены.** Германия (?), XII—XIII вв. (табл. 11, 3).

Обстоятельства и место находки неизвестны. Хранится в Киевском историческом музее (№ 439).

Длина фигурки 11,7 см, высота 12,6 см. Полая внутри статуэтка была сварена из двух половинок. Сохранилась одна из них. У сирены конусовидное птичье туловище. Нога со шпорцей выставлена вперед. Детали изображения выполнены при литье без дополнительной гравировки. На женском лице обозначены дуги бровей, плоский нос и полоска рта. Легким рельефом выделена коса, падающая на плечо. Голову венчает диадема, орнаментированная круглыми углублениями. Валик на шее изображает ожерелье.

«Сладкогласная» сирена романской тератологии — олицетворение чувственной прелести — символизировала силы греховного соблазна. Романское искусство знало сирену в двух обликах: женщины-птицы и женщины-рыбы. Оба варианта сосуществуют в архитектурной резьбе (особенно часто на капителях) и прикладном искусстве XII в. Иногда в соответствии с традицией «Физиолога» сирену помещали рядом с кентавром³⁰⁸.

Статуэтка Киевского музея воспроизводит романский тип сирены. Сирена-птица — гильдесгеймский бронзовый водолей середины XIII в. — имеет длинные косы, диадему, шпорцы на лапах³⁰⁹. Излюбленным украшением «романских» сирен является ожерелье. Схематизм трактовки затрудняет определение родины фигурки.

НИЖНЕЕ ПРИДНЕПРОВЬЕ

59. **Медная с выемчатой эмалью фигурка распятого Христа.** Лимож, вторая половина XIII в. (табл. 22, 2).

Найдена в 1962 г. на территории древнерусского грунтового могильника XII—XIII вв., расположенного на левом берегу р. Суры, при впадении ее в Днепр (с. Днепровское Днепропетровского р-на Днепропетровской обл.)³¹⁰.

Односторонняя фигурка Христа (высота 16,5 см) отлита в высоком рельефе. В кистях рук

³⁰⁵ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 230, 231.

³⁰⁶ Там же, рис. 251.

³⁰⁷ Там же, рис. 165a, b; 175a, b.

³⁰⁸ E. Mâle, 1924, стр. 335.

³⁰⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 282, рис. 245.

³¹⁰ Рядом с могильником находится древнерусское поселение XII—XIII вв.

и между ступнями — круглые отверстия для крепления к кресту. Христос задрапирован в тунику, украшенную голубой эмалью с белыми отливками. Голова, кисти рук, ступни и складки одежды, оставленные в металле, позолочены. Голову венчает корона с тремя зубцами. Орнамент на короне, усы, короткая борода и длинные падающие на плечи волосы гравированы мелкими наколами. Глаза первоначально были инкрустированы бусинками темной эмали. Разделенные ступни покоятся на прямоугольном *suppedaneum*.

Алтарные и процессионные кресты составляли существенную часть лиможской продукции. Так называемые торговые кресты изготавливались с середины XIII в. Их деревянную основу обивали тонкими чеканными пластинками позолоченной меди и украшали вставками драгоценных камней. Накладную фигурку Христа декорировали эмалью и позолотой. Благодаря своей живописности подобные кресты пользовались большим спросом³¹¹.

Одному из них принадлежала фигурка из Приднепровья (вторая половина XIII в.). Следует отметить, что на крестах Лиможа Христос, одетый в подпоясанную рубаху до пят с длинными рукавами (*colobium*), встречается крайне редко. В одном случае Христос в *colobium* связан с распятием второй половины XIII в.³¹² Остальные пять-шесть подобных фигурок сохранились в изолированном виде³¹³.

В рассматриваемой фигурке заметно начало эволюции образа распятого Христа от торжествующего над смертью к сраженному ею, которая завершилась в XIV в. Голова в короне сильно склонена вправо, тело изогнуто в агонии. Оседание туловища сказывается на положении раскинутых рук, расположенных несколько выше горизонтали. Ступни прибиты только одним гвоздем. В западной иконографии эта деталь появляется со второй половины XIII в. В XII в. большие пальцы рук Христа изображали не отставленными, а прижатыми к ладони. Положение рук также было иным³¹⁴.

60. **Бронзовая фигурка распятого Христа.** Венгрия, вторая половина XIII в. (табл. 11, 5).

Найдена в 1962 г. в разрушенной грунтовой могиле с труположением на том же древнерусском могильнике XII—XIII вв. в устье р. Суры.

Литая рельефная односторонняя фигурка Христа (высота 11,5 см, толщина стенок 0,3 см) спереди позолочена. Голову Христа, непропорционально большую по сравнению с туловищем, венчает корона с тремя процветшими зубцами. На уродливом теле, слегка изогнутом в виде буквы S, глубокими бороздками выделены ребра. Доходящий до колен *perizonium* орнаментирован гравированными диагональными линиями. Короткие ноги с разведенными ступнями поддерживаются прямоугольным *suppedaneum*.

Иконография Христа близка лиможской фигурке (см. 59). Изможденное тело изогнуто в судороге. Голова слегка склонена вправо. Закрытые глаза

³¹¹ E. Kovács, 1961, стр. 157—158.

³¹² P. Thoby, 1953, стр. 11, табл. XLI, 90.

³¹³ Там же, стр. 11; E. Rupin, 1890, рис. 318—319.

³¹⁴ P. Thoby, 1953, стр. 9.

символизируют смерть Иисуса. Ноги прибиты одним гвоздем. По этим признакам изображение можно отнести ко второй половине XIII в. Этот вывод совпадает с мнением Э. Ковач, которая датирует аналогичные накладные фигурки Христа (в нескольких случаях они прикреплены к крестам) четырьмя последними десятилетиями XIII в.³¹⁵ Некоторые из них вплоть до мелочей повторяют экземпляр из Приднестровья. Все они найдены на территории Венгрии и, как доказала Э. Ковач, являются местной имитацией лиможских распятий. Примерно с 1250 г. лиможская литургическая утварь в большом количестве экспортируется в Венгрию (табл. 32, II). «Торговые» кресты Лиможа вызвали целую серию подражаний у местных ювелиров, не применявших эмали. Кроме того, в отличие от лиможских крестов на деревянной основе венгерские изготавливались из цельной медной пластины³¹⁶.

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

61. Бронзовый литой водолей в виде конного рыцаря. Гильдесгейм, первая четверть XIII в. (табл. 6, 7, 8).

Найден в земле на берегу Донца у с. Кочетка Змиевского р-на Харьковской обл. Был приобретен в 1901 г. Музеем изящных искусств Харьковского университета³¹⁷. Ныне находится в экспозиции Гродненского музея³¹⁸. Я. И. Смирнов датировал водолей второй половиной XII в.

Наибольшая высота сосуда 27,8 см, длина 21,3 см, ширина 12 см. Он оформлен в виде рыцаря на боевом коне. Кольчужный доспех покрывает всадника с головы до ног. Он состоит из кольчужной рубахи до колен с капюшоном и длинными узкими рукавами и кольчужных штанов, которые обтягивают и ступни ног. Кольчужный капюшон закрывает нижнюю часть лица. Голову прикрывал конический шлем с неподвижным наносником (сохранилась лишь часть наносника). Такой шлем, надетый поверх кольчужного капюшона, видим на фрагменте водолея конца XII в. из музея в Киле³¹⁹. Через правое плечо всадника перекинута широкая перевязь для подвешивания щита (утрачен). Кольчуга стянута в талии широким ремнем с португеей для меча (носившиеся на ней ножны меча потеряны). В правой отведенной назад руке рыцаря (отломана) был меч. Левой — он держит поводья коня. Конский убор включает узду с круглыми выступами удила, нагрудную шлею, короткое тесное седло с высокой передней и задней лукой, от которого на длинных ремнях свешиваются стремена, и стеганный чепрак. Отверстие между ушами коня, служившее горлышком сосуда, прикрывалось крышечкой на шарнире (не сохранилась). Вода выливалась через отверстия ноздрей животного.

Конические шлемы с наносником еще употреблялись на рубеже XII—XIII вв. В 20—30-х годах

XIII в. уже преобладали цилиндрические шлемы с плоским верхом³²⁰. У конных рыцарей на акваманилах цилиндрические шлемы встречаем с первой половины XIII в.³²¹ Кольчужный доспех, защищавший все тело рыцаря, распространяется после битвы при Бувине в 1214 г. и приобретает законченный вид к 1250 г.³²² Следовательно, по типу защитного доспеха харьковский водолей можно отнести к первой четверти XIII в.

Он входит в серию гильдесгеймских водолеев XIII в. в форме всадников, для которых характерна обильная гравировка на одежде рыцаря и лошадином чепраке. Почти у всех всадников первоначально были щиты³²³. Реалистическая трактовка лошади и динамический поворот всадника сближают харьковскую находку с гильдесгеймским водолеем XIII в. из частной коллекции в Амстердаме³²⁴. Изображение кольчуги в виде рядов скобковидных углублений встречаем на обломке водолея из Киле, на гильдесгеймских водолеях XIII в. из Амстердама и Университетского музея Осло³²⁵, на гильдесгеймском подсвечнике первой половины XIII в. из Дворцового музея в Штутгарте³²⁶, на фигуре рыцаря — олицетворении священной реки Тигра — у подножия гильдесгеймской бронзовой купели первой трети XIII в.³²⁷ Чепраки, орнаментированные решеткой с прямоугольными ячейками, видим на гильдесгеймских акваманилах XIII в. в виде всадников³²⁸.

КРЫМ

62. Бронзовый литой водолей в виде бюста юноши. Нижняя Саксония (?), XIII в. (табл. 7, 6).

Найден в 1954 г. при строительных работах в горной местности Юго-Восточного Крыма (на территории б. Кизыл-Ташского монастыря, в 17 км от Судака). Хранится в Крымском музее в Симферополе. Сосуд опубликован Э. А. Лапковской, считающей, что группа водолеев в виде голов и бюстов «происходит, по-видимому, из различных, но связанных между собой культурных районов Центральной и Южной Европы»³²⁹.

Высота водолея 30 см, ширина основания 17 см. Это бюст юноши с плавно обрисованным круглым лицом. Волосы коротко подстрижены сзади, концы их завиты. Такие прически носили в XIII в. Горлышком сосуда служило отверстие на темени. Надо лбом выступает короткая трубка слива. Ворот одежды, облегающий короткую полную шею, скреплен круглой фибулой. Ворот и нижний ободок бюста орнаментированы пунктиром и пересекающимися косыми насечками. Ручку сосуда образует изогнутый аспид, хвост которого оканчивается рельефной веткой. Водолей стоит на трех ножках (одна из них отломана).

³²⁰ M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 88.

³²¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 44.

³²² M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 90.

³²³ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 45.

³²⁴ Там же, рис. 261.

³²⁵ Там же, рис. 262.

³²⁶ Там же, рис. 181.

³²⁷ Там же, рис. 284.

³²⁸ Там же, рис. 262—264.

³²⁹ Э. А. Лапковская, 1958, стр. 186.

³¹⁵ E. Kovács, 1961, стр. 175, рис. 10—13, 20—23.

³¹⁶ Там же, стр. 176.

³¹⁷ Я. И. Смирнов, 1902.

³¹⁸ Н. Н. Воронин, 1954, прим. 1 на стр. 100.

³¹⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 256.

Э. А. Лапковская датировала водолой концом XII — началом XIII в.³³⁰ По мягкой моделировке безбородого лица и типу прически экземпляру из Крыма близок водолой в виде мужского бюста, найденный в Прибалтике (табл. 7, 2, 3). Последний вышел из гильдесгеймской мастерской, где в XIII в. отливались акваманилы в виде конных рыцарей³³¹. В бюсте из Крыма заметны «черты позднеантичного стиля»³³². В бронзолитейном искусстве Саксонии были особенно сильны римские традиции; античные образцы (в данном случае, видимо, бронзовые антропоморфные сосуды) часто служили моделями для подражания.

63. Бронзовая чаша с гравированными изображениями человеческих фигур. Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII вв. (табл. 13, 1).

Найдена в 1956 г. при раскопках средневекового дома в северной части Херсонеса. Издана Г. Д. Беловым³³³. Хранится в Херсонесском музее.

Сосуд диаметром 30 см и высотой 5 см сплюснут и разломан на несколько частей. В центральном медальоне, состоящем из двух concentрических колец шнуrowого орнамента, помещена поколенная фигура юноши с миндалевидным щитом со сферическим умбомом. В правой руке он поднимает овальный предмет (хлеб?). Пояснительная надпись гласит: SU-PE-R-B-IA (Высокомерие). Вокруг центрального медальона в четырехлепестковой композиции расположены полукружия с вписанными в них погрудными человеческими фигурами, персонафицирующими пороки. Их окружают следующие надписи: IDOLA-TRIA (Идолопоклонство), INVIDIA (Зависть, Клевета), I(R)-A (Гнев, Мечь), LUXU-RIA (Изнеженность). Стенки сосуда покрывает стилизованный растительный орнамент, обрамляющий надписи, которые четырехкратно повторяются в группах по три: OD-IUM (ненависть), PE-CCA-TU(M) (грех), DO-LUS (обман). По краю чаши идет прерывающийся поясok шнуrowого орнамента.

По классификации Т. Поклевского, чаша относится к подтипу II-б (рубеж XII—XIII вв.). Она найдена в комплексе XIII—XIV вв., что не противоречит ее датировке по стилистическим признакам. Именно в конце XII — начале XIII в., до конца правления Филиппа II Августа, употреблялись большие (около 1,5 м высотой), сильно изогнутые по продольной оси миндалевидные щиты с умбомом или без него³³⁴. Аналогичные экземпляры чаш найдены около Роттердама (Голландия), в г. Штаде в устье Эльбы, в Филиповке (уезд Кентшин, Польша)³³⁵.

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

64. Бронзовый литой водолой в виде мужской головы. Нижняя Лотарингия, вторая половина XII в. (табл. 7, 1).

³³⁰ Э. А. Лапковская, 1958, стр. 181.

³³¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 53.

³³² Э. А. Лапковская, 1958, стр. 187.

³³³ Г. Д. Белов, 1958, стр. 203—206, рис. 1—2; T. Poklewski, 1961, табл. IIIa, 8.

³³⁴ M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 347—348.

³³⁵ T. Poklewski, 1961, табл. XIXb, 97; XXIIa, 108; IVa, 13.

Найден в начале XIX в. в б. Пензенской губ. В 1896 г. доставлен в Археологическую комиссию³³⁶ и затем передан в Эрмитаж, где хранится поныне (№ ф. 3516).

Сосуд издан Я. И. Смирновым вместе с другими западными водолоями, обнаруженными в России³³⁷. В издании О. Фальке и Э. Мейера включен в группу лотарингских акваманилов XII в.³³⁸ Э. А. Лапковская связывает пензенский водолой с искусством Придунавья³³⁹.

Высота водолоя 28,8 см. Он изображает голову мужчины средних лет. У персонажа плавно моделированное лицо с опущенными усами и короткой бородой. Волнистые пряди волос завиты на концах. На темени возвышается полая фигурка сидящей на корточках обезьяны в монашеском одеянии — горлышко сосуда. Отходящий ото лба слив образован крылатым чудовищем с широко расставленными лапами. Ручка в виде асида характерна для романских водолоев второй половины XII в. На рельефном ободке под шеей выгравирован растительный орнамент. Сосуд поддерживается тремя простыми ножками.

По стилю и композиции пензенскому сосуду близок водолой в виде женской головы из Национального музея Будапешта³⁴⁰. Его высота 29 см. Шея женщины также вытянута, расширенная книзу. Макушку головы увенчивает четырехгранный постамент, украшенный аллегорическими женскими фигурами — персонафикациями Силы, Справедливости, Знания и Воздержанности. На пьедестале изваян человек на троне. По мнению О. Фальке, отметившего сходство обоих сосудов, будапештский экземпляр, который отличает композиционная сложность и тщательность в разработке деталей, изготовлен в Нижней Лотарингии в середине XII в.³⁴¹ Исследователь сравнил его постамент с пятью фигурами на бронзовой кадильнице начала XII в. работы маасского литейщика Рейнера из Гюи³⁴². Женскую голову обвивают такие же косы, как у одного из мужчин, слушающих проповедь Иоанна Крестителя, в сцене на бронзовой купели (1107—1118 гг.) церкви св. Варфоломея в Льеже, отлитой Рейнером из Гюи³⁴³.

65. Статуэтка лежащего льва. Резная кость. XII—XIII вв. (табл. 24, 8).

Происходит из Увека (Саратовская обл.) Хранилась в Саратовском музее.

Приводим описание А. А. Спицына: «Формы льва условные, вытянутые; на хвосте — широкая кисточка. Все обработано резко и сухо, не художественно; контур, пробор головы, складки шеи, хвост; мелкая незатейливая штриховка. Лев изображен на страже, рычащим; он как бы охраняет лежащую под ним вещь. Фигура расположена на очень тонкой гладкой пластинке»³⁴⁴.

³³⁶ ОАК за 1896 г., стр. 128, рис. 453.

³³⁷ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 19—23, табл. V.

³³⁸ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 330, рис. 308.

³³⁹ Э. А. Лапковская, 1958, стр. 186, рис. 5, 1.

³⁴⁰ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 307.

³⁴¹ Там же, стр. 53, № 329.

³⁴² Там же, рис. 45a, b.

³⁴³ Там же, рис. 44.

³⁴⁴ А. А. Спицын, 1914, стр. 104, рис. 34.

Как и статуэтка льва из Киева (табл. 24, 9, 10), возможно, служила подставкой ларца-реликвария.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

66. **Бронзовый литой водолей в виде кентавра.** Гильдесгейм, первая половина XIII в. (табл. 26, 1).

Найден в бассейне р. Оби. По предположению Я. И. Смирнова, сосуд можно отождествить с упоминаемым в неопубликованном дневнике (кончен в 1728 г.) исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта «красивым шайтаном из желтой меди, в виде полузверя и получеловека, величиною в 1/4 локтя», который в 1724 г. хранился у нарымского воеводы. Возможно, он был послан в Тобольск, откуда попал в петербургскую Кунсткамеру Академии наук, где погиб во время пожара 1747 г.³⁴⁵ Схематичный рисунок водолея из большого атласа вещей Кунсткамеры, выполненный в 1732 г., издан Я. И. Смирновым. Исследователь отнес водолей к числу «западных изделий», но воздержался от определения даты³⁴⁶.

Борода и волосы кентавра обозначены гравировкой. В руках у него кувшин, служивший сливом сосуда. Бедрa монстра украшены четырьмя гравированными медальонами с изображениями фантастических животных (грифона, барса (?), четырехглавого дракона) на заштрихованном фоне. Этот способ декорации плоскости для западных водолеев не обычен³⁴⁷.

Сибирской находке близок гильдесгеймский водолей XIII в. в форме кентавра-скрипача (Национальный музей Мадрида)³⁴⁸. В обоих случаях одежда на плечах орнаментирована лентами, заполненными точками, ручки сосудов выполнены в виде неестественно изогнутого человечка³⁴⁹. Ручки вплоть до деталей (например, двойные линии на одежде) совпадают с фигурками «драконоборцев» на гильдесгеймских драконовидных подсвечниках первой половины XIII в. Они напоминают фигурку Самсона на северогерманском (гильдесгеймском?) акваманиле начала XIII в. (Дворцовый музей Берлина)³⁵⁰. Хорошо обрисованы лошадиные копыта, как на гильдесгеймском акваманиле XIII в. в виде кентавра (Метрополитэн-Музей в Нью-Йорке)³⁵¹. Медальоны на бедрах монстра, возможно, восходят к заштрихованным кружкам — излюбленному мотиву орнаментации гильдесгеймских водолеев XIII в. в виде кентавров и конных рыцарей.

³⁴⁵ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 23—24.

³⁴⁶ Там же, стр. 23—26, табл. VI, 5.

³⁴⁷ Зооморфные фигуры в кругах, помещавшиеся на бедрах животных, — деталь, характерная для среднеазиатского искусства. Подобные медальоны с изображениями Санмурва орнаментируют бронзовую с инкрустацией курильницу в виде петуха из Дагестана, относящуюся к сасанидскому времени (И. А. Орбели и К. В. Тревер, 1935, табл. 82).

³⁴⁸ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 275.

³⁴⁹ Как на северогерманском водолее в форме льва (середина XIII в.) из Музея Виктории и Альберта в Лондоне (O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 280a, b).

³⁵⁰ Там же, рис. 329.

³⁵¹ Там же, рис. 274.

67. **Бронзовый литой водолей в виде коленапреклоненного мужчины со львом.** Гильдесгейм, первая половина XIII в. (табл. 26, 2).

Водолей, найденный где-то в Сибири входил в коллекцию петровской Кунсткамеры (упомянут в каталоге 1741 г.). Вероятно, он погиб во время пожара 1747 г. Рисунок водолея из дневника Д. Г. Мессершмидта издан Я. И. Смирновым³⁵². Вторично он воспроизведен в каталоге О. Фальке и Э. Мейера³⁵³.

Водолей отлит в виде бородатого мужчины, опустившегося на правое колено. Пряди длинных волос, закрученные на концах, падают на спину и плечи. Горлышком сосуда служило отверстие на темени. Вода лилась из раскрытой пасти льва, которого мужчина держит в правой руке. Фигурка льва с массивным туловищем на коротких лапах воспроизводит романский водолей. Босовогий мужчина одет в широкую рубаху, переганутую в талии. На пышном плече выгравирован решетчатый орнамент. У ворота видны два овальных гнезда для инкрустации. Края рукавов украшены поперечными полосками. Ручку сосуда образует изогнутый аспид.

Я. И. Смирнов обратил внимание на сходство водолея из Сибири с коленапреклоненными мужскими фигурами, которые, как Атланты, поддерживают на плечах бронзовую купель из собора в Гильдесгейме. Мужчины пожилого и среднего возраста, одетые в платье средневекового покроя, с урнами, из которых льется вода, олицетворяют четыре реки земного рая (Фисон, Геон, Тигр и Евфрат). В искусстве XI—XIII вв. райские реки изображали в облике человека, наподобие речных божеств Греции и Рима³⁵⁴. Сибирский водолей особенно напоминает фигуру купели, персонифицирующую реку Фисон. Это сопоставление было конкретизировано О. Фальке, по мнению которого, сибирский акваманил вышел из той же гильдесгеймской мастерской, где около 1230 г. была отлита знаменитая купель³⁵⁵. Здесь же в XIII в. был изготовлен водолей, изображающий коленапреклоненного калеку со змеей в руке (музей в Нюрнберге)³⁵⁶.

Водолей из Сибири, вероятно, персонифицирует райскую реку Тигр. Согласно латинскому комментарию над фигурой Тигра на гильдесгеймской купели, эта быстрая река воплощает Силу³⁵⁷. Атрибутом этой добродетели был лев. В христианской символике реки, орошающие земной рай, связаны с четырьмя евангелистами, чье слово сравнивали с целительной водой. Реку Тигр уподобляли св. Марку, которого символизировал лев³⁵⁸.

68. **Серебряная с чернью и позолотой чаша с тратологическим орнаментом.** Аквитания (Лимож?), рубеж XII—XIII вв. (табл. 19, 5, 6).

³⁵² Я. И. Смирнов, 1902, стр. 15—18, табл. III—IV.

³⁵³ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 282.

³⁵⁴ L. Réau, 1956, стр. 80.

³⁵⁵ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 48.

³⁵⁶ Там же, рис. 285a, b.

³⁵⁷ A. Didron, 1859, стр. 179—180.

³⁵⁸ E. Ripin, 1890, стр. 320.

Известно, что чаша найдена в низовьях р. Оби³⁵⁹. Хранилась в коллекции А. Базилевского в Париже³⁶⁰. В настоящее время находится в Метрополитэн-Музее Нью-Йорка. А. Дарсель и М. Розенберг связывали изготовление чаши с лиможской школой ювелирного искусства³⁶¹.

Полусферическая чаша с суживающимся краем (диаметр 17,2 см, высота 7 см) служила нижней частью дароносицы (siborium). Усеченно-коническая ножка отломана.

Поверхность сосуда разделена на четыре ромбических клейма и восемь треугольных. Углы клейм связаны маленькими дисками. Рамки композиций чеканены листьями простейшей формы и позолочены.

В каждом ромбическом звене изображен обнаженный человек между двумя тянущимися к нему драконами. Человек пытается вырваться из клубка растительных плетений, продолжающих тела этих призрачных существ. В каждый треугольный отсек вписаны такие же чудовища: по два в верхних четырех, по одному в нижних. У людей и драконов литые рельефные головы. Туловища выгравированы тонкими штрихами и позолочены. На оставленном в серебре фоне и в промежуточных дисках выгравирован растительный узор из мелких спиральных усиков (fond vermiculé). Углубленные линии рисунка заполнены чернью. Край чаши окаймляет бордюр из полукруглых листьев.

По М. Розенбергу, чаша относится к очень редким образцам южнофранцузской (лиможской) черни, история которой ввиду единичности памятников почти не изучена³⁶². С лиможскими эмальями ее сближают специфический способ обработки фона и литые рельефные головы фигур (в произведениях Лиможа появляются с начала XIII в.). Группа лиможских эмалей с оставленным в меди позолоченным фоном, который тонко гравирован вьющимися ветвями (fond vermiculé), относится к последнему двадцатилетию XII — первой четверти XIII в.³⁶³

Ажурные драконовидные плетения, стилистически родственные орнаменту чаши, покрывают ножку известной лиможской дароносицы Лувра (позолоченная медь с выемчатой эмалью и инкрустацией драгоценными камнями). Сосуд, помеченный мастером Альпе, датируется началом XIII в.³⁶⁴

Крылатые драконы с маленькой головой, гибким чешуйчатым телом, парой коротких лап и спиралевидным хвостом декорируют лиможские ларцы, основания крестов, подсвечников и статуэток святых³⁶⁵.

В библейской символике дракон — один из наиболее распространенных образов зла. Нагая фигура человека в христианской иконографии обычно обоз-

начала душу (animus)³⁶⁶. Драконы, терзающие человека (очень популярный сюжет в романском искусстве), воплощали демонические силы, стремящиеся овладеть душами христиан.

69. Серебряная с чернью чаша с изображениями людей, сражающихся с драконами. Аквитания (Лимож?), рубеж XII—XIII вв. (табл. 19, 1—3).

По сведениям Я. И. Смирнова (архив ЛОИА, ф. II, № 151, л. 14), чаша найдена в России (в Приобье?). Была куплена в 1831 г. у купца Зайцовского в г. Зарайске б. Рязанской губ. Хранится в Отделе западноевропейского искусства Эрмитажа (№ ф. 810)³⁶⁷.

Сосуд (siborium) полусферический с суживающимся краем (диаметр 17 см, высота 14,5 см). Ножка усеченно-коническая. Контуры гравированного рисунка заполнены чернью. Рельефные головы фигур людей и зверей литые, припаянные.

На тулове чаши четыре выбитых изнутри овальных медальона чередуются с четырьмя трапециевидными клеймами. В двух медальонах варьируется одна и та же сцена, в основе которой лежит дуалистическая идея борьбы добра и зла: воин в битве с крылатым драконом. Хвост дракона образует растительную плетенку, опутывающую человека. Персонажи, одетые в подпоясанные рубахи с прямыми вырезом у ворота, вооружены копьями или мечами. В двух других медальонах помещены фантастические животные, опутанные растительными побегими. В промежуточные клейма вписаны вычурно изогнутые драконы. В четырех округлых медальонах на ножке чаши — такие же свернувшиеся чудовища на пунсованном фоне.

Фон композиций и промежутки между медальонами заполнены червовидным с чернью узором из мелких спиральных завитков-усиков с зубчатыми листьями (fond vermiculé). По наружному краю чаши идет бордюр из сдвоенных листьев.

По назначению, технике, сюжетам и стилю орнамента чаша близка экземпляру 68 (табл. 19, 5, 6). Вероятно, оба сосуда выполнены в одной ювелирной мастерской, локализующейся в Аквитании.

На дне чаши в четырехугольной рамке — гравированное с чернью изображение пепего воина, сражающегося со вздыбленным львом (табл. 19, 2). Доспех рыцаря дает основания для твердой датировки всей серии аквитанских сосудов (табл. 19) рубежом XII—XIII вв. Короткая кольчужная рубаха с капюшоном разрезана внизу на четыре (?) части. Конический шлем снабжен неподвижным наносником. Большие берцовые кости шог прикрыты кольчужой, зашнурованной на икрах. Щит длинный, миндалевидный, с коническим умбоном, сильно изогнут по продольной оси. Такие щиты (длиной около 1,5 м) носили французские воины конца

³⁵⁹ Архив ЛОИА, ф. II, № 66 (рукопись Я. И. Смирнова «Западноевропейские фигурные володы, найденные в пределах Российской империи», стр. 6).

³⁶⁰ A. Darcel, A. Basilewsky, 1874, табл. XXI.

³⁶¹ M. Rosenberg, 1925, стр. 49—50, рис. 45.

³⁶² Там же.

³⁶³ P. Thoby, 1953, стр. 5—6.

³⁶⁴ M. Rosenberg, 1925, рис. 46.

³⁶⁵ E. Rupin, 1890, рис. 377, 410, 525, 526, 579.

³⁶⁶ L. Kalinowski, 1959, стр. 95. Например, демонический лев, пожирающий обнаженного человека, представлен на бордюре гнзненских врат (там же, рис. 125).

³⁶⁷ Подробное исследование чаши принадлежит Э. А. Лапковской (1964). Автор недостаточно обоснованно пытается отнести сосуды этой группы к продукции странствующих ювелиров, работавших на территории древней Руси. Между тем черты русского искусства в указанных произведениях полностью отсутствуют.

XII — начала XIII в.³⁶⁸ На клинке меча продольный волнистый желобок. Перекрестье рукоятки прямое, набалдашник овальный. На одной из миниатюр латинской Псалтыри 1200 г. из парижской Национальной библиотеки изображен Голиаф в таком же вооружении³⁶⁹.

70. Серебряная с позолотой и чернью крышка, украшенная гератологическим орнаментом. Аквитания (Лимож?), рубеж XII—XIII в. (табл. 19, 4).

В архиве Я. И. Смирнова удалось обнаружить заметки о происхождении крышки. Там же имеются ее фотографии (архив ЛОИА, ф. II, № 151, л. 334). Крышка, найденная в Сибири, попала к торговцу серебряного ряда в Москве Юлию Жианнини, а от него (?) — в Эрмитаж, где хранится в Отделе западноевропейского искусства (№ ф. 811). Я. И. Смирнов ошибочно отнес крышку к англосаксонским изделиям X—XI вв. Он предполагал, что на Русь ее занесли варяги, а в Сибири она оказалась после татаро-монгольского нашествия.

Полусферическая крышка чаши выкована из тонкого серебряного листа (диаметр в основании 18,5 см, высота 12 см). Под шаровидным «яблоком»-рукояткой помещен рельефный диск (диаметр 5,3 см), украшенный тисненными пальметками.

Крышка покрыта сплошным тонко выгравированным узором. Орнаментальное поле разделено на девять каплевидных лопастей-фестонов, радиально расходящихся от «яблока». В каждую лопасть вписаны фантастические животные. Извивы их тел образуют причудливые «арабески». Зооморфные фигуры обрисованы двойным контуром и наведены чернью. Фон заштрихован частыми пересекающимися линиями и позолочен. Лопастей идут в следующем порядке (слева направо): 1. Два медальона образуют восьмерку. В нижнем звене напоминающее тритона существо — обнаженный бородатый мужчина, туловище которого переходит в змеиний процветший на конце хвост³⁷⁰, в верхнем — маленький дракон. Несмотря на обилие вариантов, все крылатые драконы на крышке одного и того же типа. У них собачья голова с раскрытой пастью и острыми ушами; вытянутая шея, две «крокодильи» лапы и длинный хвост, переходящий в растительные завитки. 2. S-видный дракон. Его хвост переходит в спиральные стебли с листьями в виде свернутых полупальметок. 3. В нижнем звене птица, терзающая змею (голова птицы не видна), в верхнем — маленький дракон, приподнявшийся на задних лапах. Лопастей сильно повреждена. 4. Часть стенки крышки в этом месте выломана. В нижнем завитке видны лапы одного дракона, в верхнем — голова другого. 5. В нижнем медальоне дракон со змеиным закрученным в узел хвостом, в верхнем — птица, похожая на гуся, с человеческим лицом на груди. 6. Сложная зооморфная плетенка (рис. 3). Внизу —

два дракона со сплетенными шеями³⁷¹. Их хвосты разветвляются на четыре части. Средняя пара ветвей несет шесть драконьих голов, напоминающих чудовищные плоды. Верхнюю пару завитков образуют два маленьких дракона, кусающие друг друга. 7. В нижнем медальоне птица, похожая на гуся, но с павиным хвостом³⁷², в верхнем — два симметричных змеевидных дракона (см. рис. 3). 8. S-видный

Рис. 3. Часть орнамента на серебряной крышке из Сибири (№ 70)

дракон с хвостом, переходящим в спиральные стебли с двумя трехлепестковыми пальметками.

Промежутки между фестонами заполнены растительным орнаментом. Через связующие медальоны с пальметками внутри (в одном случае здесь изображен дракон — см. рис. 3) он плавно переходит в волнистый стебель, обрамляющий низ крышки. Позолоченное «яблоко» украшено пояском из сдвоенных листьев (аналогичен бордюру чаши 69). На его верхушке крестообразно расположены четыре рельефные пальметки.

Стиль выделенных чернью драконовидных плетений позволяет включить крышку в группу аквитанских серебряных сосудов (табл. 19).

Звериный орнамент, в котором уже заметен переход к готическому гротеску, отражает влияние французской средневековой миниатюры. Отвлеченно-декоративная трактовка зооморфных фигур характерна для орнаментации инициалов XI—XII вв. Плетенка из тонких, собранных в узлы стеблей с массивными пальметками была распространена в аквитанской

³⁷¹ S-видные драконы — монстры, змеиные тела которых переплелись, — известны в романской скульптуре Пуатье (J. Baltrušaitis, 1931, рис. 409, 412).

³⁷² Подобная птица изображена в медальоне на лиможской чаше для омовения рук (gémellion) (E. Rupin, 1890, рис. 607).

³⁶⁸ M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 347—348.

³⁶⁹ Там же, рис. 13 на стр. 84.

³⁷⁰ Бородатый змееногий монстр вырезан на архивольте портала собора св. Петра (XII в.) в Ольне (Z. Kerpiński, 1959, рис. 102).

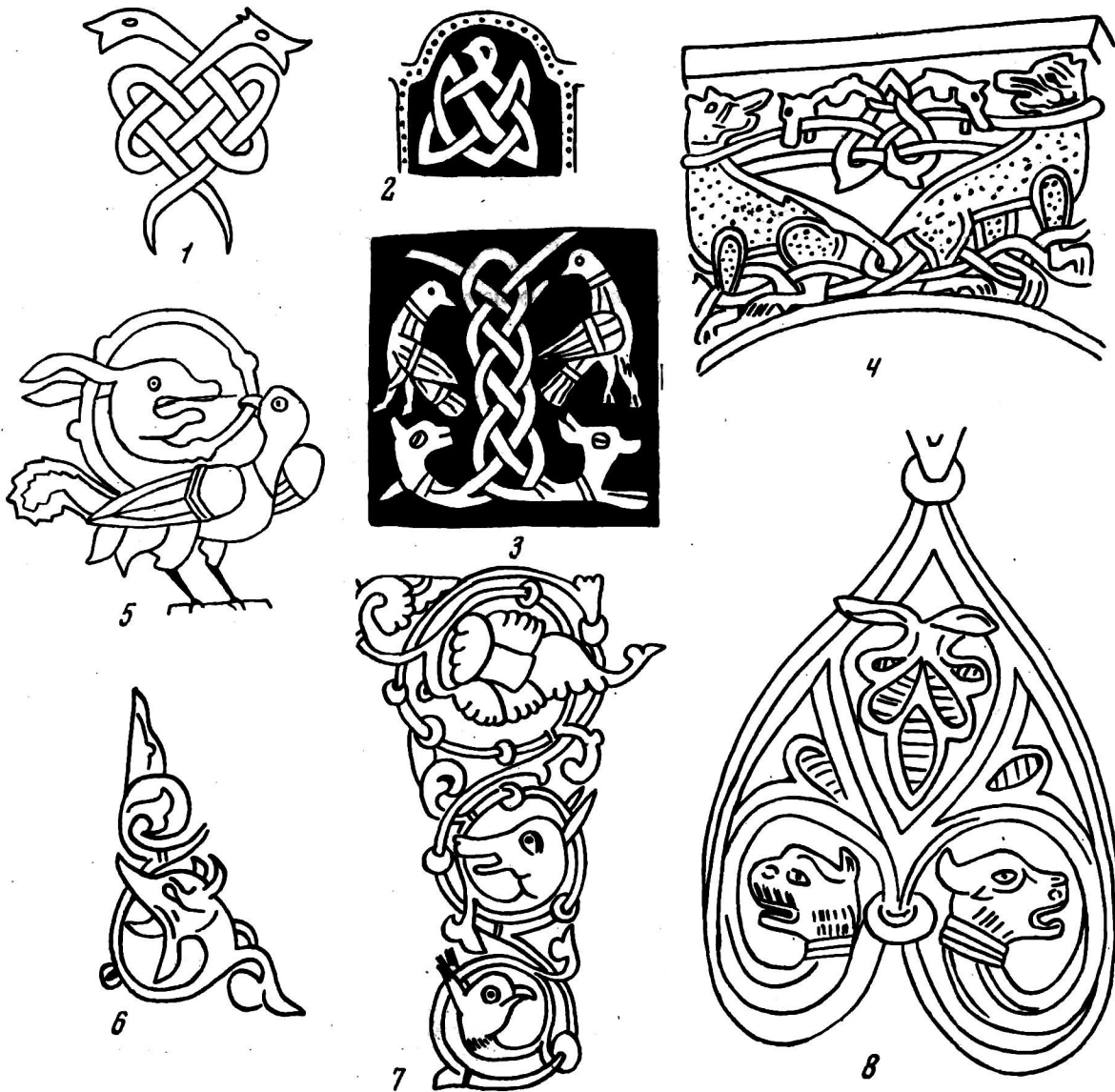

Рис. 4. Зооморфные плетения в исламском и древнерусском искусстве

Плетенка в виде «клубка змей»: 1 — на чаше из Ракки (XI — XII вв.); 2, 3 — на древнерусских серебряных наручах XII — XIII вв.; 4 — на кафелье Борисоглебского собора в Чернигове (XII в.); 5 — завиток с головой животного на конце (армянское Евангелие 1183 г.)

Растения, несущие головы животных: 6 — на багдадской ткани 1220 г.; 7 — в живописи потолка Палатинской капеллы в Палермо (XII в.); 8 — в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1234 г.)

(лиможской) миниатюре XI в. В XII в. аквитанская плетенка развивается и усложняется. Растительные плетения создают иллюзию чаши, из которой выступают продолговатые тела чудовищ³⁷³.

Похожих драконов в спиральных завитках и рамку из сдвоенных по вертикали медальонов находим в инициале Библии второй половины XII в. из монастыря Сен-Андре-о-Буа в Булони³⁷⁴. Инициал того же стиля помещен в северофранцузской рукописи сочинений св. Августина (первая половина XII в.)³⁷⁵. Крылатый дракон, образующий инициал H во французском манускрипте XII в., аналогичен

дракону в фестононе 8³⁷⁶. Рисунок птицы, клюющей змею, помещен в Апокалипсисе (между 1028 и 1072 гг.) из Сен-Север в Гаскони³⁷⁷. Растительные мотивы в интервалах между лопастями также находят параллели во французской книжной орнаментике XII в.

Истоки сказочной фауны, воссозданной французским ювелиром, уходят в глубокую древность. Птица с человеческим лицом на груди (фестононе 5) вводит нас в пестрый мир античной глиптики, хорошо знакомый художникам средневековья. На греко-римских геммах находим все варианты микроскопических гротескных созданий (*grylles*), которые после 1250 г. и особенно в первой половине XIV в. распространились в орнаментике рукописей Франции

³⁷³ L'art roman à Saint-Martial de Limoges, стр. 50; Ph. La u e r, 1927, табл. XXXVI, LVII.

³⁷⁴ Bibliothèque Nationale. Les manuscrits à peintures en France du VIIe au XIIe siècle, табл. XX.

³⁷⁵ Там же, табл. XVIII.

³⁷⁶ Ph. La u e r, 1927, табл. XLIII.

³⁷⁷ Там же, табл. XXVI.

и Германии. Одна из разновидностей этих феноменов — голова на лапах, которая в свою очередь часто переходит в шею с головой птицы или четвероногого. Эти гибридные существа встречаются уже в романской тератологии (архивольт портала собора св. Петра в Ольне)³⁷⁸.

Древнеазиатские по происхождению фантастические «арабески» из зооморфных плетений (фестон 6, см. рис. 3) были развиты на мусульманском Востоке³⁷⁹. Отсюда они проникли в западноевропейскую³⁸⁰ и древнерусскую орнаментику XI—XIII вв. (рис. 4).

ЛИТВА

71. **Бронзовый литой водолей в виде стилизованного льва.** Нижняя Саксония, первая половина XIII в. (табл. 5, 5, 6).

Найден в земле в Борткушках около Вильнюса в конце прошлого века³⁸¹. Позднее был приобретен Музеем искусства и ремесел Гамбурга³⁸².

Высота водолея 25 см, длина 30 см. Трубка слива отходит от лба льва. На макушке зверя — отверстие для вливания воды, прикрывавшееся крышечкой. Грива трактована рельефными прядями, проработанными гравировкой. На концах лап, похожих на копыта, глубокими желобками обозначены суставы. Ручка выполнена в форме изогнутого аспида. Его голова и две лапы упираются в затылок льва.

Напряженная поза хищника, прекрасная моделировка туловища, плоские стройные голени, обильная гравировка на морде и ногах позволяют включить рассматриваемый сосуд в большую группу раннеготических нижнесаксонских водолеев-львов (вторая четверть XIII — начало XIV в.)³⁸³.

Большая часть из них отлита в мастерских Гильдесгейма. В этот период акваманилы-львы воспроизводят один и тот же тип (см. ниже стр. 54), внутри которого существуют областные или временные различия. О. Фальке датирует вильнюсский экземпляр первой половиной XIII в.

72. **Бронзовая литая фигурка в виде обнаженного мужчины.** Гильдесгейм, первая половина XIII в. (табл. 9, 1, 2).

Найдена в середине XIX в. в земле в с. Кернове близ Вильнюса. Хранится в Историко-этнографическом музее АН Литовской ССР (№ 5269). Первоначально эту фигурку считали изображением литовского бога грома Перкунаса, потрясающего пучком молний³⁸⁴. Позднее В. Антоневич пытался связать ее с кругом изделий римского искусства, но пришел к выводу, что из-за отсутствия аналогий нельзя определить, римская ли это статуэтка «бородатого Юпитера» или ее позднейшая реплика³⁸⁵.

³⁷⁸ J. Baltrušaitis, 1955, стр. 12 и сл., рис. 18А.

³⁷⁹ Там же, стр. 106 и сл.

³⁸⁰ Со второй половины XII в. этот мотив распространяется в готической архитектуре областей по Рейну и Маасу (там же, стр. 111).

³⁸¹ Akademia Umiejętności w Krakowie. Sprawozdania Komisji do badania Historji Sztuki w Polsce, стр. XCIII—CXIV, рис. 44—45.

³⁸² O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 404.

³⁸³ Там же, рис. 400—435.

³⁸⁴ A. K. Kipchor, 1858, № 1; Материалы для археологического словаря, стр. 48—49 и рис.

³⁸⁵ W. Antoniewicz, 1930, стр. 112, рис. 40, 2.

Высота статуэтки 12,2 см. Она изображает сидящего обнаженного мужчину со слабо моделированным коренастым телом. Непосредственно на туловище насажена голова с выпуклыми глазами, приплюснутым носом, заостренными усами и округлой бородой. Длинные волосы, зачесанные назад, обозначены глубокими параллельными врезами. В поднятой правой руке мужчина держит продолговатый предмет, заштрихованный продольными волнистыми линиями. Внутри сомкнутой кисти левой руки — круглое отверстие. Декоративное покрывало, перекинутое через левую руку, обернуто вокруг пояса и опадает к правому бедру. Сквозь статуэтку проходит вертикальный канал (диаметр 1,4 см).

По-видимому, фигурка персонифицирует одну из четырех рек земного рая. В большинстве случаев эти реки изображали в виде четырех обнаженных эфэбов или бородатых мужчин, держащих рога или урны, из которых выливаются струи воды. Иногда поток изливается прямо из рук или рта персонажа, как на капители из Везелэ³⁸⁶, где трактовка воды очень напоминает предмет в правой руке керновской фигурки.

Статуэтка из Кернова вместе с тремя другими персонификациями рек, по всей вероятности, поддерживала монументальный бронзовый подсвечник³⁸⁷. В левой руке персонаж держал острие с чашкой для воска. На стержень, как на нижнесаксонском подсвечнике XIII в., насаживали свечу³⁸⁸. Статуэтка из Кернова обнаруживает стилистическое родство с изделиями гильдесгеймской мастерской, где были отлиты знаменитая купель, сосуд, изображающий калеку, и др. (см. выше, 67, стр. 38)³⁸⁹.

ЛАТВИЯ

73. **Бронзовая чаша с гравированными изображениями рыцарей.** Область нижнего Рейна (Аахен?), рубеж XII—XIII вв. (табл. 12, 3).

Найдена в 1901 г. в Риге при расчистке руин сторожевой башни между улицами Аудею и Вецпилсетас. Хранилась в рижском Домском музее. В 1940 г. была увезена в Германию³⁹⁰.

Диаметр чаши 26,1 см, высота 5,6 см, ширина отогнутого наружу края 0,95 см. Дно (диаметр 7,5 см) приподнято на 0,8 см. На нем выгравирована многолучевая звезда, обрамленная тремя концентрическими кольцами шнурового и зубчатого орнамента³⁹¹. На стенках сосуда изображены 16 рыцарей в защитном доспехе, с мечами и щитами. Длинной вереницей они шагают друг за другом. Шествие прервано рисунком двухэтажного здания. Каждый этаж оформлен аркадой из восьми полукруглых арок, покоя-

³⁸⁶ J. Evans, 1950, рис. 191а.

³⁸⁷ Основание канделябра XII в. из собора Милана украшают олицетворения четырех райских рек в виде обнаженных бородатых мужчин, льющих потоки воды.

³⁸⁸ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 205.

³⁸⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 285а, b; В. П. Даркевич, 1963а, стр. 221—224.

³⁹⁰ Mitteilungen aus dem Dommuseum..., рис. 6; T. Pavele, 1964, стр. 131—132, рис. 4.

³⁹¹ Подобный узор выгравирован на дне чаши, найденной в Тарнуве Гродковском (уезд Гродкув, Силезия) (T. Roklewski, 1961, табл. XXIIIа, 112).

шихся на колоннах. По сторонам здания обозначена листва деревьев и видны две женские головы.

Снаряжение рыцарей свидетельствует о прирейнском происхождении чаши. Кольчужный доспех с капюшоном оканчивается снизу широкими штанами до колен. Ниже колен ноги также прикрыты кольчужой. На капюшон, который держит кольчугу, одет низкий плоский шлем (*servelière*). Кольчужный доспех такого вида, покрывающий воина целиком, впервые появился в конце XII в. в прирейнских провинциях (особенно характерен способ защиты ног). Вооружение рыцарей Рейна включало меч, очень широкий у основания клинок, и цилиндрический изогнутый небольшой треугольный щит с закругленными верхними углами, который подвешивали на ремне через плечо³⁹². На гравированной чаше из Аахена две пары сражающихся рыцарей предстают в аналогичном вооружении³⁹³. В отличие от рижского экземпляра их доспех детализирован мелкими зубчиками, обозначающими структуру кольчуги. Дно чаши украшено такой же звездой.

74. **Бронзовая чаша с гравированными изображениями человеческих фигур.** Область Мааса — нижнего Рейна, вторая половина XII — рубеж XII—XIII вв. (табл. 12,1).

Найдена в 1904 г. в Риге при земляных работах на ул. Калею. Хранится в Рижском историческом музее (№ VRVM 23156)³⁹⁴.

Диаметр чаши 27,8 см, высота 5 см, ширина отогнутого наружу края 1 см. В центральном медальоне (диаметр 7,5 см) в кольце шнурового орнамента помещена фигура сидящей женщины в легкой длинной одежде. В руках она поднимает предметы в виде двух дисков (хлеба?). Вокруг идет надпись SUP-E-R-BIA (Чванство). Медальон обрамлен сплошной круговой надписью HACRADICE-MALANASCITUROMNEMALUMVI (Hac radice mala nascitur omne malum — от этого дурного корня рождается всякое зло). Последний знак — VI, вероятно, заполнительный. За надписью следуют два concentрических кольца шнурового орнамента. Вокруг центрального медальона в пятилепестковом построении расположены пять погрудных человеческих фигур в шапочках с полями и зубчатой тульей. Их поясняют следующие надписи: IDOLATRIA (Идолопоклонство), INVI-DIA (Недоброжелательство), IR-A (Гнев), LUXU-RIA (Роскошь, Мотовство), LIB-IDO (Сладострастие). Промежутки между фигурами заполнены растительным орнаментом, в котором 15 раз повторяются группы букв DIO-CSC или OIO-CSC, может быть, искаженные слова DOLUS (лукавство) и ODIUM (вражда).

По стилю центральной фигуры и наличию круговой надписи Т. Поклевский отнес эту чашу к подтипу II-a, хотя остальной узор типичен для подтипа II-б. Промежуточный характер орнаментации позволяет датировать сосуд временем со второй половины XII (ввиду связей с подтипом II-a) до ру-

бежа XII—XIII вв. (в соответствии с хронологией подтипа II-б).

Аналогичные экземпляры (без круговых надписей) найдены в Филиповке (уезд Кентшин, Польша), Кальви (Эстония), близ Роттердама (Голландия)³⁹⁵. Особенно близки к экземпляру из г. Штаде близ устья Эльбы и фрагмент чаши с таким же изречением, найденный в районе Приморска Калининградской обл.³⁹⁶

75. **Бронзовая чаша с гравированными изображениями человеческих фигур.** Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII — первая половина XIII в. (табл. 12,2).

Найдена весной 1912 г. в Риге при строительстве домов на углу улиц Л. Смилшу и Алдару. Хранится в Рижском историческом музее (№ VRVM 23157)³⁹⁷.

Диаметр чаши 28,5 см, высота 6 см, ширина отогнутого наружу края 1,1 см. В центральном медальоне из двух concentрических колец шнурового орнамента вписана погрудная фигура крылатого мужчины в шляпе. По сторонам крестообразно сопоставлены четыре такие же фигуры (без крыльев). Они поясняются надписями DOL-TRA (Idolatria — Идолопоклонство), INVI-DIA (Invidia — Зависть), IR-A (Гнев), INI-RIA (Injuria — Беззаконие). Складки одежд линейно разработаны прядями вертикальных штрихов. Головы покрывают широкополые шляпы, употреблявшиеся в конце XII в.³⁹⁸ Промежутки между фигурами заполнены орнаментом из радиальных групп черточек с включенными в него бессвязными буквами. Чаша относится, по классификации Т. Поклевского, к подтипу II-б, который датируется рубежом XII—XIII вв. Правда, ее геометризованный орнамент связан с деградирующим стилем чаш типа III первой половины XIII в. (центральная фигура ангела, вырождение растительных мотивов и надписей на стенках сосуда). Идентичные экземпляры найдены около Роттердама (Голландия) и в Вешхласе (уезд Велюнь, Силезия)³⁹⁹.

76. **Бронзовая чаша с изображением фантастической птицы.** Область Мааса — нижнего Рейна (?), XII в. (табл. 13,4).

Найдена в Риге при строительстве на ул. Аудею в 1938 г. Хранится в Рижском историческом музее (№ VRVM 41145/603)⁴⁰⁰.

Диаметр чаши 23,2 см, высота 4,5 см. Внутри в центральном медальоне выгравирован рисунок фантастической птицы, которая, развернув большие крылья, как будто готовится взлететь. У нее голова грифона с большим раскрытым клювом и треугольными ушами, сидящая на тонкой слегка изогнутой шее. Оперение передано мелкими зубчиками, выполненными техникой «передвижки». Линия почвы обозначена тремя пучками травы. Медальон обрамлен семью concentрическими орнаментальными

³⁹⁵ Т. Poklewski, 1961, табл. IVa, 13; Ха, 26b; XIXb, 97.

³⁹⁶ Там же, табл. XXIIa, 108; XXVb, 131.

³⁹⁷ Mitteilungen aus dem Dommuseum..., рис. 5; Т. Pavele, 1964, стр. 129—131, рис. 2.

³⁹⁸ C. Enlart, 1916, рис. 153.

³⁹⁹ Т. Poklewski, 1961, табл. XIXb, 97; XXIVa, 117.

⁴⁰⁰ Т. Pavele, 1964, стр. 131, рис. 3.

³⁹² M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 86—87, рис. 15 на стр. 87.

³⁹³ Т. Poklewski, 1961, табл. Ia, 2.

³⁹⁴ Mitteilungen aus dem Dommuseum..., рис. 4; C. Engel, 1933, табл. 16, 2; Т. Poklewski, 1961, табл. XXb, 99; Т. Pavele, 1964, стр. 128—129, рис. 1.

кольцами. Имитация шнура здесь чередуется с узором из ряда мелких зубчиков.

По классификации Т. Поклевского, чашу следует отнести к типу IV (XII в.). На чаше из Генга (Бельгия) центральный круг с фигурой розетки окружен четырьмя медальонами со схематичными рисунками птиц⁴⁰¹. Шнуровой узор и мелкие частые зубчики, образующие кольца, а также композиционный принцип пяти медальонов, образующих крест (на бельгийской чаше), позволяют высказать предположение о маасско-рейнском происхождении обоих экземпляров.

77. Женская статуэтка ларца-реликвария. Резная кость. Франция или Северная Германия, первая треть XIII в. (табл. 25,6—8).

Найдена в 1959 г. при археологических раскопках под руководством М. Р. Вилсон на площади Альберта в старой Риге, в слоях XIII—XIV вв. Хранится в Рижском историческом музее.

Уплощенная статуэтка (высота 8 см) изображает круглолицую молодую женщину, увенчанную короной с тремя прямоугольными зубцами. Завитые концы волос, зачесанных назад и подстриженных, на половине высоты шеи образуют спиральный валик. Эта прическа характерна для XIII в.⁴⁰² Фронтальная фигура чрезвычайно вытянута, сложенные на груди тонкие руки несоразмерно малы (держали какой-то предмет?). Длинная одежда плотно облегает бюст и ноги. Вертикальное падение длинных параллельных складок подчеркивает стремление кверху. Фигурка местами (лицо и передняя часть туловища) повреждена. Она стоит на невысоком основании с остатками металлического стержня для скрепления с основой ларца.

Раннеготический стиль статуэтки близок стилю статуй-колонн Королевского портала в Шартре (середина XII в.), которым завершается романский период в развитии скульптуры, а также стилю скульптуры XII в. бокового портала собора в Ле-Мане⁴⁰³. Однако по типу прически ее можно отнести только к XIII в., что подтверждают и стратиграфические данные.

77А. Бронзовая чаша без орнамента. Поморье, Самбия, XII—XIII вв. (табл. 13,6).

Найдена в 1959 г. при раскопках курганов ливской знати в Кримулде. Чаша, обнаруженная в кургане 18 (первая курганная группа) с труположением в гробу, стояла в ногах покойника. Курган датируется началом XIII в.⁴⁰⁴

Чаша хранится в Музее истории Латвийской ССР (№ CVVM 162629:39).

Ее диаметр 28,5 см.

77Б. Фрагменты бронзовой чаши без орнамента. Поморье, Самбия, XI—начало XII в.

Мелкие фрагменты чаши были найдены в 1960 г. в кургане 4 второй курганной группы в Кримулде. Чаша находилась в изголовье захоронения. Могильная яма содержала труположение с очень богатым

инвентарем, по составу которого курган датируется второй половиной XI или началом XII в.⁴⁰⁵

77В. Бронзовая чаша без орнамента. Поморье, Самбия, XI—XIII вв.

Найдена в 1896 г. при раскопках могильника в Турайдас Путели (Сигулдский р-н Латвийской ССР). Сосуд (диаметр 30,4 см, высота 7,7 см) стоял в ногах погребения женщины. Чаша хранится в Музее истории Латвийской ССР (№ CVVM 64876)⁴⁰⁶.

ЭСТОНИЯ

78. Статуэтка человека с собачкой (?) от ларца-реликвария. Резная кость. Франция (?), XIII в. (табл. 26,6).

Найдена при археологических раскопках 1953 г. на территории Нижнего города (Ратушная площадь) в Таллине⁴⁰⁷. Хранится в Таллинском городском музее (№ 4061).

Фигурка (высота 7 см) изображает человека, который держит на руках какого-то маленького зверька. На голове низкая плоская шапочка без полей. Круглое улыбающееся лицо обрамлено прямыми подстриженными волосами. Длинная одежда собрана косыми складками. Статуэтка, выполненная в стиле ранней готики, видимо, являлась частью декоративного убранства ларца.

79. Бронзовый литой водолей в виде животного. Северная Германия (Нижняя Саксония?), первая половина XIII в. (табл. 5,4).

Найден возле замка Лайс в Восточной Эстонии. Хранится в Домском музее Риги⁴⁰⁸.

Высота сосуда 27,3 см, длина 25,7 см. У зверя, по-видимому льва, стройное широкое в груди туловище. Сухопарые передние лапы слегка выставлены вперед, задние — отставлены назад, голова приподнята. Эта элегантная поза характерна для готических акваманилов-львов. На макушке животного — отверстие для вливания воды с крышечкой на шарнире. Из зубастой пасти выходит трубка слива. Глаза, острые уши, пасть, ноги и хвост окаймлены короткими штрихами гравировки, обозначающими шерсть. На передних ногах — параллельные полоски из коротких вертикальных черточек. Все тело льва гравировано кружками. Ручку образует изогнувшийся дракон с прижатыми крыльями.

Акваманил относится к типу раннеготических. Аналогичный водолей хранится в частной коллекции в Англии⁴⁰⁹. По определению О. Фальке, оба сосуда изготовлены в Северной Германии, вероятно в одной из нижнесаксонских мастерских. О связи с бронзами Гильдесгейма свидетельствует орнамент из кружков (на английском экземпляре они заштрихованы), характерный для гильдесгеймских акваманилов и подсвечников XIII в.⁴¹⁰ По телосло-

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ R. Hausmann, 1914, стр. 165, прим. 3; T. Pavele, 1964, стр. 132; T. Poklewski, 1961, № 114.

⁴⁰⁷ С. А. Тараканова, О. В. Саадре, 1955, рис. 10.

⁴⁰⁸ Führer durch die vor und frühgeschichtliche Sammlung (Domuseum Rigas), I, стр. 77—78, рис. 81; O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 398.

⁴⁰⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 397.

⁴¹⁰ Там же, рис. 262, 273, 274, 277.

⁴⁰¹ T. Poklewski, 1961, табл. VIa, 14d.

⁴⁰² C. Enlart, 1916, стр. 133.

⁴⁰³ Histoire de l'Art d'André Michel, t. II, p. 1, рис. 89.

⁴⁰⁴ Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыняссон, 1963, стр. 245 и сл., рис. 8.

жению и положению хвоста льва водолей из Эстонии сходен с гильдестеймским акваманилом XIII в. в виде кентавра ⁴¹¹.

80. Бронзовая чаша с гравированными изображениями человеческих фигур. Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII вв.

Входила в состав клада, найденного в 1842 г. при пахоте в дер. Кальви (Эстония). Хранилась в музее Тарту ⁴¹².

Погрудные фигуры вписаны в медальоны, скомпонованные в четырехлепестковом построении. Их поясняют следующие надписи: в центре HYDRA (?), по сторонам SPES (Надежда), IDOLATRIA (Идолопоклонство), INVES (Invidia — Зависть), Ra (Ira — Гнев). Фон заполнен геометризованным растительным орнаментом с вплетенными в него повторяющимися надписями: ODIUM (вражда), DOLUS (хитрость).

81. Бронзовая чаша с гравированными изображениями человеческих фигур. Область Мааса — нижнего Рейна, рубеж XII—XIII вв. (табл. 13,2).

Найдена в том же кладе. Хранилась в музее Дрездена ⁴¹³.

Диаметр чаши 28 см, высота 6,8 см. Погрудные человеческие фигуры, расположенные в трехлепестковой композиции, вписаны в полукружия. Их поясняют следующие надписи: IDOA-TRIA (IdolatRIA — Идолопоклонство), INV-DIA (Invidia — Зависть), IR-A (Гнев). Персонаж в центральном медальоне из двух концентрических колец шнурового орнамента снабжен надписью SU-P-RA (Superbia — Надменность). Фон заполнен стилизованным растительным орнаментом, куда вписаны круги с фрагментами слов: ODIUM (ненависть), DOLUS (обман), PECCATUM (заблуждение), троекратно повторяющиеся в группах по три.

По классификации Т. Поклевского, обе чаши относятся к подтипу II-6 (рубеж XII—XIII вв.). Аналогичные экземпляры найдены в Филиповке (уезд Кентшин, Польша), г. Штаде (Нижняя Саксония), Херсонесе ⁴¹⁴.

82—83. Две бронзовые чаши с гравированным орнаментом. Область Мааса — нижнего Рейна (?), XII—XIII вв.

Происходят из того же клада.

Тип не определен, так как эти сосуды погибли. Возможно, относятся к рубежу XII—XIII вв., поскольку обнаружены вместе с чашами подтипа II-6 ⁴¹⁵.

83А. Маленькие бронзовые чаши без орнамента (31).

Найдены в составе того же клада. Одна из них хранилась в музее Тарту. Дальнейшая их судьба неизвестна.

84. Бронзовая чаша с растительным орнаментом и накладными медальонами с изображением импе-

ратора Оттона I. Кельн (?), около середины XII в. (табл. 12,4).

Эта знаменитая «чаша императора Оттона» найдена при пахоте осенью 1886 г. в дер. Кууда, северо-восточнее Вильянди (Феллин), в Эстонии. До 1940 г. (?) хранилась в Домском музее Риги ⁴¹⁶.

Диаметр полусферической чаши 32,5 см, высота 9 см, толщина стенок 0,1 см. Бортик (ширина 1 см) отогнут наружу. Дно (диаметр 10 см) вогнуто внутрь. Край сосуда слегка поврежден плугом.

Первоначально чаша была орнаментирована четырьмя медальонами, выгравированными на внутренних стенках. Они скомпонованы крестообразно. В каждый медальон с зубчатым узором по ободку вписан цветок из двух сопоставленных полупальметок. Выше по кругу «бежит» тонкий волнистый стебель с ритмически отходящими листьями-полупальметками — популярнейший мотив романской орнаментики XII в. Судя по стилю орнамента, чаша была изготовлена около середины XII в. Тисненые металлические пластинки с узором из парных полупальметок с первой половины XII в. применялись в убранстве кельнских переносных алтарей и реликвариев ⁴¹⁷. Нанесенный на бортик чаши орнамент из цепочки ромбов встречаем на одной из многочисленных эмалевых накладок реликвария в виде купольного здания (1165 г.) работы кельнского мастера Фридерикуса ⁴¹⁸.

Впоследствии между медальонами были напаяны тонкие бронзовые пластинки с рельефным чеканным узором из ряда сердцевидных фигур с трилистниками внутри. Пластинки расположены в виде четырехконечного креста (длина ветви креста 6,5 см, ширина 3,25 см), под который частично заходит гравированный орнамент. На концы креста напаяны одинаковые бронзовые медальоны (диаметр 6,3 см) с рельефными изображениями германского императора Оттона (как полагают исследователи, Оттона I) ⁴¹⁹, выбитыми выпуклым брактеевным штампом. Пятый медальон помещен в центре приподнятого дна чаши. Фронтальная поясная фигура Оттона заключена в кольцо «жемчужного» орнамента. У императора короткие подстриженные волосы, окладистая борода и длинные усы. Голову увенчивает корона, образованная двумя полукружиями, с тремя острыми выступами с шариками на концах. В правой руке император поднимает державу — диск с кольцом наверху, в левой — мощехранительницу в виде маленького конического сосуда с прямоугольной ручкой на дне. Фигура задрапирована в плащ, скрепленный на правом плече треугольной фибулой; нижнее платье с длинными тесными рукавами охватывает узкий пояс. Низ рукавов украшают наручи из нескольких спиральных витков. По сторонам головы персонажа помещена надпись OT-TO. По краю медальона идет круговая надпись HIERUSALEM VISIO PACIS.

⁴¹¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 277.

⁴¹² J. Boubrig, 1846, стр. 51 и рис.; T. Poklewski, 1961, N 26a.

⁴¹³ W. Grempler, 1894, табл. IV, 2; T. Poklewski, 1961, табл. Ха, 26b.

⁴¹⁴ T. Poklewski, 1961, табл. IVa, 13; XXIIa, 108.

⁴¹⁵ Там же, стр. 80.

⁴¹⁶ J. Döring, 1888; H. Moora, 1926, рис. 52; C. Engel, 1933, стр. 31—32, 75, табл. 16, 1; T. Poklewski, 1961, табл. XIIIa, 45.

⁴¹⁷ O. Falke und H. Frauberger, 1904, табл. 23.

⁴¹⁸ Там же, табл. 38.

⁴¹⁹ J. Döring, 1888.

По мнению нумизматов, дополнительную отделку чаши получила во второй половине XII в.⁴²⁰ По технике изготовления и орнаменту накладные пластинки аналогичны тисненным в металле фризам кельнских переносных алтарей 1150—1160 гг., вышедших из мастерской Фридрикуса⁴²¹.

84А — Г. **Бронзовые чаши без орнамента.** По морье, Самбия, XII—XIII вв. (табл. 12, 5).

В 1908 г. в дер. Мэнтак (Эстония) при обработке поля на глубине 0,6 м был найден клад, в состав которого, кроме серебряных украшений и четырех западноевропейских денариев, входили 16 бронзовых чаш. Разными путями вещи попали за границу, откуда часть из них, в том числе четыре чаши, в 1910 г. поступили в Эрмитаж⁴²². Диаметр чаш 23—25,5 см, ширина отогнутого края 0,6—0,8 см. Судя по составу монет — короля Генриха III Английского (1216—1272 гг.), кельнских архиепископов Арнольда (1151—1156 гг.), Генриха (1225—1235 гг.) и Конрада (1237—1261 гг.), — клад был зарыт не ранее второй половины XIII в.

12 бронзовых чаш из этого клада пропали.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО

85. **Бронзовый литой водолей в виде бюста мужчины.** Нижняя Саксония (Гильдесгейм), XIII в. (табл. 7, 2, 3).

Найден в Прибалтике (Париж, Арнольд Заллиманн, антикварный магазин, 1935 г.). Издан О. Фальке и Э. Мейером⁴²³.

Высота водолея 25,3 см. Это бюст безбородого мужчины с коротко подстриженными завитыми на концах волосами — мужская прическа, характерная для XIII в. Ручка сосуда драконовидная. В одной руке персонаж держит змею — атрибут знания, другой — придерживает складки плаща, скрепленного на правом плече фибулой. Этот жест позволил О. Фальке сопоставить сосуд из Прибалтики с акваманилом из Аахена в виде бюста Вахха (Нижняя Лотарингия, первая половина XII в.). Однако сплошной орнамент, выгравированный на плаще, характерен для работы нижнесаксонских мастеров. Примечательны заштрихованные круги с группами выбитых точек между ними — излюбленный мотив орнамента произведений гильдесгеймской мастерской, где в XIII в. изготавливались акваманилы и подсвечники в виде конных рыцарей и кентавров⁴²⁴.

XIV — первая половина XV в.

МОСКВА

86. **Накладка ларца с изображением двух мужских фигур.** Резная кость. Венеция (мастерская Эмбриаки), первая половина XV в. (табл. 25, 3).

⁴²⁰ T. Poklewski, 1961, стр. 47.

⁴²¹ O. Falke und H. Fraubergger, 1904, табл. 28 и 32.

⁴²² R. Hausmann, 1914, стр. 166—167, табл. XX; T. Poklewski, 1961, № 56.

⁴²³ O. Falke und E. Meyer, 1935, рпс. 309а, б.

⁴²⁴ Там же, стр. 53.

Найдена в подклетах Благовещенского собора в Московском Кремле. Хранится в ГИМ⁴²⁵.

Пластинка прямоугольная, слегка выпуклая. Высота 8 см, ширина 3,7 см. Украшена рельефными фигурами двух молодых мужчин, как бы беседующих друг с другом. Они одеты по моде конца XIV—XV в. На одном очень длинная просторная рубаха, открытая сверху донизу, с сильно расширяющимися книзу разрезными рукавами. Эта пышная одежда (*houppelande*) из шелка, драпа или велюра появилась на Западе после 1370 г. и была популярна в течение всего XV в.⁴²⁶ Другой персонаж одет в платье до колен, без пояса, с длинными рукавами.

Пластинка служила накладкой ларца для хранения мелких драгоценностей, вышедшего из венецианской мастерской семьи Эмбриаки. Большая часть этих шкатулок, производившихся на широкий экспорт, относится к первой половине XV в. Сюжеты резьбы, которые образуют повествовательные циклы, черпались из античной мифологии или современных романов⁴²⁷. Однообразие чередующихся фигур кавалеров и дам, а также обработка нижнего и верхнего краев пластин прорезями и насечками, присущи всем подобным накладкам⁴²⁸.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

87. **Серебряный позолоченный потир.** Германия, первая половина XIV в. (табл. 27, 1).

Потир хранится в Загорском историко-художественном музее (№ 1736).

В древнейшей рукописной описи монастыря находим следующее упоминание: «Кубчик серебрян золочен, поддон у него чеканной гороховлев, на поддоне Распятие Господне до евангелисты, подпись и дело немецкое. Дал тот кубок государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси на потир» (оп. 1641 г., рукопись Загорского музея, л. 102). Таким образом, потир является вкладом Ивана Грозного в Троице-Сергиевскую Лавру⁴²⁹.

Высота потира 12,8 см, диаметр основания 11,7 см, вес 345 г. Он выкован из листового серебра и покрыт позолотой. Состоит из трех частей, соединенных закраинами. Поддон украшен круглыми выпуклостями с чешуйчатым орнаментом между ними. На круговой рельефной ленте готическим шрифтом вырезана надпись — слова латинской молитвы, обращенной к Христу. Надпись прерывается четырьмя накладными медальонами с гравированными изображениями символов евангелистов. В восьмиугольный вырез между медальонами вставлена пластинка с накладной фигуркой распятого Христа. Обрамления надписи, медальонов и распятия заполнены мелкими рельефными крестиками. Косые крестики украшают и бортик поддона. Низкий круглый в сечении стоян перехвачен уплощенным ше-

⁴²⁵ Императорский Российский исторический музей. Краткий путеводитель, стр. 127.

⁴²⁶ C. Enlart, 1916, стр. 79—80.

⁴²⁷ A. H. Kube, 1924, стр. 20—21.

⁴²⁸ O. M. Dalton, 1909, табл. XCVI, 402; Gly avory dei Musei profano e Sacro della Biblioteca Vaticana, табл. XVII, 7—9.

⁴²⁹ За сообщение этих сведений благодарю Т. В. Николаеву.

стилопастным «яблоком» с каплевидными ажурными выступами между лопастями. Такая форма «яблока» характерна для германских епископских посохов, реликвариев и потиров XIV в. На ромбических боковых гранях готическим шрифтом вырезаны буквы R, A, U, E, M, A — видимо, начальные буквы слов молитвы. Чаша коническая глубокая, что отличает западные потиры начиная с XIV в. (в XIII в. чаши еще полусферические). В середине XVI в., после того как потир попал на Русь, на наружной стенке чаши был выгравирован восьмиконечный крест на Голгофе. По сторонам его — копие и трость с губкой. Вокруг креста — резные русские надписи XVI в.: «Иисус Христос», «Ника», «Марк», «Копие».

Переход от круглого поддона потиров к граненому с острыми выступами между полукруглыми лопастями произошел на Западе в XIV в. Граненая форма поддона препятствовала движению сосуда, когда его клали на дискос для просушки после вознесения святых даров⁴³⁰. Немногочисленные потиры XIV в. с круглым основанием и цилиндрическим стояном происходят главным образом из Германии⁴³¹. Австрийский потир XIV в. со штампованными медальонами и надписью на поддоне хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне⁴³². Круглый поддон серебряного потира XIV в. из церкви г. Риму в Швеции украшен четырьмя эмалевыми медальонами с символами евангелистов. Между ними по кругу идет латинская надпись AVE MARIA GRACIA PLENA⁴³³. По форме, размерам, технике нанесения орнамента и отдельным его элементам сосуд из Загорска сходен с германским потиром из позолоченного серебра (около 1300 г.)⁴³⁴. Литая фигурка Христа на венском распятии первой половины XIV в. идентична изображению на загорском потире⁴³⁵.

88. Серебряный позолоченный кубок. Поддон. Фландрия, XV в. Чаша с ножкой. Нюрнберг, XVII в. (табл. 27, 2).

Серебряный потир, от которого сохранился только поддон, попал в Троице-Сергиевскую Лавру в 1535 г. в качестве вклада по Тимофее Юрлове. Не ранее XVII в. более древний поддон был довольно искусственно соединен со стройным кубком нюрнбергской работы XVII в., на котором выбито клеймо ювелира. Кубок хранится в Загорском историко-художественном музее (№ 328).

Высота сосуда 18 см, высота поддона 3,8 см, диаметр поддона 8,3 см. Потир, нижняя часть которого вошла в состав кубка XVII в., имел шестигранный стояк с «яблоком» и коническую чашу и был значительно ниже кубка.

Полый поддон в форме шестигранной усеченной пирамиды выкован из серебряного листа и позолочен. Вертикальный ажурный бортик снабжен узкими закраинами. На каждой слегка вогнутой грани на заштрихованном фоне выгравированы стили-

зованные растения одной и той же схемы. Шестигранное завершение поддона орнаментировано мелкими рельефными крестиками.

Серебряный потир, вложенный в 1535 г. в Троицкую обитель, был изготовлен фламандским ювелиром XV в. Разделенные на шесть или восемь долей, поддоны фламандских потиров XV в. отличаются от итальянских и испанских отсутствием острых выступов между округлыми лопастями основания⁴³⁶ и более скромным гравированным (а не эмалевым или чеканным) узором. Для орнаментации фламандских потиров характерны повторяющиеся мотивы сквозных готических «окон» с розетками вверху (на бортике загорского поддона). Несколько фламандских потиров с аналогичными поддонами хранятся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне⁴³⁷.

89. Шесть бронзовых литых фигурок львов. Нижняя Саксония, середина XV в. (табл. 9, 5, 6).

Хранились в Рождественском соборе Суздаля. Сейчас три из них находятся в Суздальском музее (№ 401, 1—3), одна — во Владимирском (№ 4435), две — в ГИМ (№ 52708—52709).

По заключению Н. Н. Воронина, фигурки служили подножками двух парных монументальных подсвечников русской работы XII—XIII вв.⁴³⁸

Длина фигурок (снизу) 13,5 см, высота спереди 9 см и сзади 5 см, ширина между лапами 5 см. «Каждая фигурка сварена из двух литых половинок... Отделка морд и гривы сделана дополнительно резцом... Напильником и зубилом спина и круп стесаны в горизонтальную плоскость; в ее середине — сквозной прямоугольный вырез, в который вставлялся четырехгранный стержень»⁴³⁹.

Суздальские статуэтки идентичны бронзовым львам, которые поддерживают нижнесаксонские монументальные подсвечники и церковные купели середины и второй половины XV в. Подобные львы помещены в основании подсвечника 1444 г. из церкви в Эйтине⁴⁴⁰. В обоих случаях львы лежат, вытянув вперед лапы. Морды подняты. Растянутые оскаленные пасти усеяны острыми зубами в виде входящих друг в друга треугольников. Носы вздернуты. Узкие глаза окружены складками кожи. Натурально переданы длинные кустистые гривы. Хвосты закинута на спину. Этот тип хищников получает дальнейшее развитие в фигурках львов, поддерживающих подсвечник церкви в Гальберштадте, купель 1510 г. городской церкви в Нортгейме и купель 1530 г. церкви св. Петра в Брауншвейге⁴⁴¹. Уши львов напоминают зерно боба, как у суздальских экземпляров. Вся серия скульптур родственна нижнесаксонским (брауншвейгским) водолеям конца XV—XVI в. в виде геральдических львов — последней ступени развития акваманилов-львов в искусстве западного средневековья⁴⁴². Животные несут на груди щит с гербом или цеховой эмблемой. Некоторые их детали (например, длинная пышная грива, как у бронзового

⁴³⁰ W. W. Watts, 1922, стр. 22—23.

⁴³¹ Там же, стр. 20.

⁴³² Там же, каталог, № 4.

⁴³³ S. Curman och J. Roosval, 1956, рис. 254.

⁴³⁴ F. Witte, 1913, табл. 2.

⁴³⁵ Там же, табл. 31.

⁴³⁶ W. W. Watts, 1922, стр. 25.

⁴³⁷ Там же, табл. 11; 15, 16.

⁴³⁸ Н. Н. Воронин, 1956, стр. 23—25, рис. 11.

⁴³⁹ Там же, стр. 23—24.

⁴⁴⁰ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 475.

⁴⁴¹ Там же, рис. 476—478.

⁴⁴² Там же, стр. 80, рис. 479—485.

льва 1166 г. из Брауншвейга) знаменуют частичное возвращение к романским формам, что иногда приводит исследователей к ошибкам в датировке⁴⁴³.

НОВГОРОД

90. Серебряный позолоченный потир. Поддон. Сиена, первая половина XIV в. Чаша. Новгород, первая половина XVI в. (табл. 27, 3).

Согласно надписи XVI в., вырезанной на исподе поддона, потир входил в состав древней утвари церкви Жен Мироносиц на Ярославовом дворище в Новгороде. В XVIII в. он был передан в ризницу церкви св. Георгия новгородского Юрьева монастыря. Ныне находится в Оружейной палате Московского Кремля (№ 17648).

М. М. Постникова-Лосева считает, что чаша потира изготовлена в Новгороде в первой половине XVI в. Нижняя часть сосуда, по мнению исследовательницы, сделана в Германии в первой половине XIV в.⁴⁴⁴

Общая высота потира 24 см, высота нижней части 14 см, диаметр основания 17,3 см. Полный внутри, позолоченный поддон украшен выемчатой эмалью и гравировкой. Плоское основание имеет форму шестиконечной звезды. Шесть трехлопастных «лучей» разделены короткими острыми выступами с жемчужинами в серебряных бижоньерских оправках. Литой позолоченный бортик украшен прорезными крестовидными розетками. Каждый луч звезды несет пластинку выемчатой эмали. Фон композиций заполнен темно-синей эмалью с матовой поверхностью, складки одежд и нимбы обозначены блестящей зеленой, коричневой или фиолетовой эмалью. Крест в композиции Распятия зеленого цвета. Фигуры персонажей и стебли растений оставлены в металле, гравированы и позолочены.

Евангельские сцены поясняются врезными русскими надписями XVI в. Сцены расположены в таком порядке (справа налево): 1) Рождество Христово, 2) Мадонна с младенцем, 3) Сретение, 4) Распятие, 5) Благовещение, 6) Встреча Марии с Елизаветой (табл. 27, 4—9).

Основание стояна усеченно-пирамидальное с шестью слегка вогнутыми сторонами, отделенными рубчатými валиками. Здесь на заштрихованном фоне глубоко выгравированы фигуры святых в стрельчатых готических арочках на колонках (св. Екатерина с мечом и колесом и др.). Они окружены растительными побегам. Стоян перехвачен шестилопастным «яблоком» с эмалевыми медальонами, на которых изображены святые (табл. 27, 10). Техника и цвета эмали те же, что на накладках основания. Фигуры поясняются довольно неразборчивыми русскими надписями XVI в. Промежутки между лопастями заполнены чеканной листвой и 18 жемчужинами и гранатами в высоких серебряных оправках. В трехлопастную арку на каждой из шести граней обеих половин стояна вписано позолоченное растение на красном эмалевом фоне.

Тип серебряных потиров с шестигранной ножкой, украшенной выемчатой эмалью, «яблоком» с эмале-

выми медальонами, лопастным основанием с заострениями, облицованным накладками полупрозрачной эмали с евангельскими сценами, и литым ажурным бортиком берет начало в Италии (во Флоренции или Сиене) в первые годы XIV в.⁴⁴⁵ Эта форма потира, доминировавшая в Италии и в течение следующего века, становится достоянием Франции и Германии, правда, в модифицированном виде. В отличие от итальянских оснований германских потиров лишены острых выступов между лопастями, в их щедрой орнаментации очень редко применялась эмаль, которую заменили чеканка и гравировка⁴⁴⁶.

91. Слив в виде головы чудовища от бронзового литого водолея. Северная Германия (Нижняя Саксония?), первая половина XIV в. (табл. 7, 4, 5).

Найден при раскопках в Новгороде 1961 г. (пласт 17, ярус 10, квадрат 2047, № 24). Хранится в ИА АН СССР⁴⁴⁷. Стратиграфическая дата находки 1313—1340 гг.⁴⁴⁸

Длина носика водолея 7,5 см. Он представляет собой стилизованную голову чудовища на длинной изогнутой шее. При наклоне сосуда вода выливалась через раскрытую пасть животного. Глаза и складки на щеках зверя выделены глубокими бороздками. Уши маленькие, треугольные. Эта деталь, служившая дополнительным сливом, аккуратно отпилена от передней части водолея.

Аналогичные сливы находим на северогерманских водолеях XIV в. в виде львов⁴⁴⁹, собак⁴⁵⁰, оленей⁴⁵¹. Некоторые из этих водолеев происходят из Нижней Саксонии.

92. Резная костяная накладка с изображением двух конных рыцарей. Париж, конец XIII — первая четверть XIV в. (табл. 25, 4).

Найдена в Неревском конце Новгорода при раскопках 1962 г. на территории усадьбы новгородских посадников (раскоп XXXIII, пласт 17, квадрат 2175, усадьба Д)⁴⁵². Стратиграфически датируется второй четвертью XIV в.

Ажурная пластинка слоновой кости в форме полупцилиндра (высота 10,3 см, диаметр 3,3 см), видимо, служила накладкой рукояти ножа или кинжала. Она прикреплялась к основе двумя гвоздями.

На пластинке изображены два конных рыцаря в полном боевом доспехе. Но вместо мечей они несут над головой цветущие ветви. Композиция построена по вертикали, что создает иллюзию длинного ряда воинов. Всадник переднего плана на длинноногом гарцующем коне вырезан крупнее. Этим приемом сцене придана перспективная глубина. Второй всадник виден по пояс. Его конь, вытянув шею, закинул кверху оскаленную морду. Растение между рыцарями, возможно, означает, что сражение происходит в густом саду.

⁴⁴⁵ W. W. Watts, 1922, стр. 21, табл. 9—10.

⁴⁴⁶ Там же, стр. 22.

⁴⁴⁷ Благодарю М. В. Седову за указание на эту находку.

⁴⁴⁸ Б. А. Колчин, 1962, стр. 137.

⁴⁴⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 460, 463, 468, 469.

⁴⁵⁰ Там же, рис. 541.

⁴⁵¹ Там же, рис. 545.

⁴⁵² Б. А. Колчин, 1964, рис. 7.

⁴⁴³ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 81.

⁴⁴⁴ М. М. Постникова-Лосева, 1960.

Накладка из Новгорода — редкий образец готической резьбы по кости. Центром этого искусства с конца XIII в. становится Париж. Дата накладки определяется по типу снаряжения рыцарей. Кольчужный доспех, защищающий все тело воина, утверждается в течение первой половины XIII в. Поверх воинской рубахи из ткани одет кольчужный капюшон с широким оплечьем, отделенный от остальных частей доспеха. Чтобы края капюшона не загибались, его прикрепляли к ткани рубахи двумя или четырьмя шнурками. Этот способ ношения капюшона, позволявший в случае надобности легко освободиться от него, распространяется с конца XIII в.⁴⁵³ Основной кольчужный доспех состоит из рубахи с длинными рукавами и узких штанов, закрывающих и ступни. На капюшон одет полусферический шлем, защищающий верхнюю часть головы (*servelle*). Такой шлем, выкованный из одной или нескольких стальных пластин, стали носить поверх капюшона из стальных колец с середины XIII в., а до этого он составлял с капюшоном одно целое⁴⁵⁴. Кольчугу прикрывает короткая матерчатая рубаха без рукавов и пояса. Из-за кустистых грив лошадей видны маленькие щиты в форме равнобедренного треугольника, применявшиеся с конца XIII в.⁴⁵⁵ Следовательно, пластинка датируется концом XIII — первыми двумя десятилетиями XIV в. При дальнейшей модификации доспеха в нем все в большем количестве появляются металлические пластины.

Рыцари в аналогичном вооружении — палладины короля Артура — в изобилии изображались на парижских костяных ларцах и миниатюрах французской школы последних десятилетий XIII — первой четверти XIV в.⁴⁵⁶

Сцена на пластинке из Новгорода — часть аллегорической композиции «Осада замка любви». Наряду с эпизодами артурова цикла это один из излюбленных сюжетов в аристократическом искусстве XIV в., особенно в резьбе по слоновой кости. Французские мастера первой половины XIV в. вырезали его на крышках ларцов, створках коробочек для зеркал и других интимных безделушках, которые окружали сеньоров и дам. Первоначально копировали миниатюры рукописей, где этот галантный сюжет появляется со второй половины XIII в., затем его адаптировали вышивальщицы и эмальеры⁴⁵⁷.

В глубине композиции располагается замок с закрытыми воротами. Его зубчатые башни, террасы, окна усеяны женщинами. Бросая розы, они отбивают яростный штурм всадников в полном рыцарском вооружении. Иногда рыцари вооружены не мечами и копьями, а цветущими ветвями роз. Живописный турнир наблюдает крылатый Амур с луком и стрелами⁴⁵⁸.

Литературный источник темы «Осада замка любви» не известен. Указывают на сходные празднества, происходившие в 1214 г. возле Тревизо

в Северной Италии. Здесь был построен замок для игр. Дамы и девушки города «защищали» его, а молодые люди «шли на штурм», засыпая осажденных фруктами, розами, лилиями и фиалками. Но скорее всего романтическая история «Осады замка любви» была распространена в устной придворной поэзии⁴⁵⁹.

93. Нагрудная икона с изображением св. Иакова Компостельского. Образок. Испания (Компостелла), конец XIV—XV в. Оправа. Новгород, первая половина XVI в. (рис. 5).

Хранится в Новгородском музее (№ 632).

Размер иконы 8,5 × 8,57 см. Восьмиугольная оправа украшена серебряной сканью с позолотой и жемчужинами в углах. Невысокая скань состоит из мелких кружочков и гибких завитков, которые образуют сердцевидные фигуры. На квадратном оглавии со скошенными углами выгравировано изображение «Спаса Нерукотворного». По определению Т. В. Николаевой, оправа сделана в Новгороде в первой половине XVI в.

В нее вставлен овальный образок из гагата — черной блестящей разновидности ископаемого угля — с рельефными изображениями на углубленном фоне (рис. 5). В центре помещена фронтальная фигура святого в рост в длинной апостольской тоге, с кубком (?) в правой руке. По сторонам нимба, окаймленного выпуклыми кружками, вырезано имя святого S IAC-OB. По сторонам св. Иакова — двое коленапреклоненных странников, молящих его о помощи. Стабильная на всем протяжении средневековья дорожная одежда паломников к святым местам состоит из длинной верхней рубахи и шляпы с очень широкими полями, какие носили в XV в.⁴⁶⁰ В руках путешественников — длинные страннические посохи с круглыми набалдашниками.

Одним из наиболее популярных и труднодоступных мест паломничества вне Палестины, куда стекались бесчисленные толпы богомольцев со всей Европы, был монастырь Сант-Яго-де-Компостелла в глубине Галисии (Испания). В его соборе хранились «мощи» апостола Иакова Заведеева (так называемого Иакова Старшего). Согласно испанской традиции, перед мученической кончиной в Иерусалиме он совершил миссионерское путешествие в Испанию для проповеди евангелия. После казни апостола его тело якобы приплыло к берегам Галисии в лодке, ведомой ангелом. Легенда о святом Иакове Компостельском, рожденная около X в. в обстановке реконквисты, объясняется горячим желанием испанской церкви связать свое основание с одним из учеников Христа⁴⁶¹. С 860 г. начинается культ погребения римского времени, открытого в Галисии у Компостеллы. В XII в. его официально объявили могилой св. Иакова. В подтверждение были сфабрикованы фальсифицированные документы для привлечения паломников, от жертвований которых зависело благосостояние монастыря⁴⁶².

⁴⁵³ M. Viollet-le-Duc, 1874, стр. 12.

⁴⁵⁴ Там же, стр. 256—262.

⁴⁵⁵ Там же, стр. 351.

⁴⁵⁶ R. Sh. Loomis, 1938, рис. 157, 214, 220, 250 и др.

⁴⁵⁷ R. Koechlin, 1924, t. I, стр. 403.

⁴⁵⁸ Там же, т. I, стр. 405—407; т. II, № 1082, 1088, 1094, 1281.

⁴⁵⁹ R. Koechlin, 1924, t. I, стр. 404—405.

⁴⁶⁰ C. Enlart, 1916, стр. 301—302, рис. 313.

⁴⁶¹ L. Réau, 1958, стр. 691.

⁴⁶² Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, стр. 415.

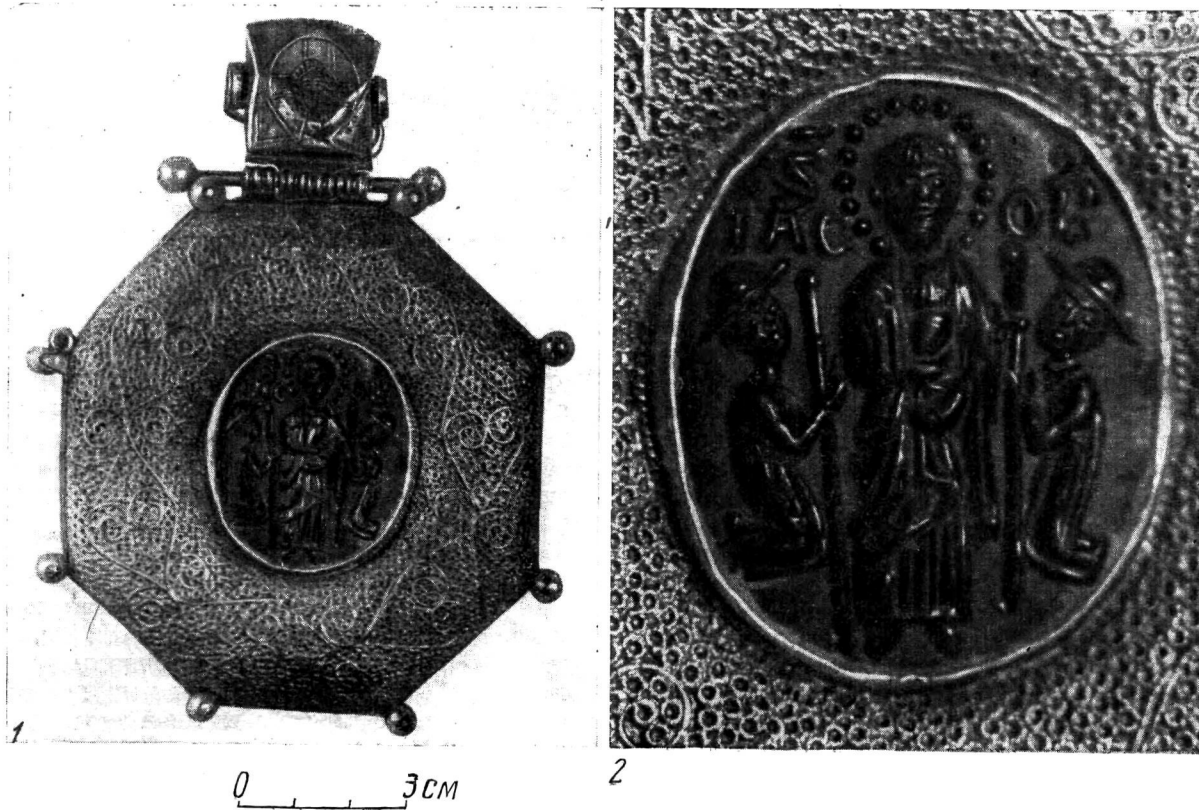

Рис. 5. Нагрудная икона с изображением св. Иакова Компостельского
1 — общий вид; 2 — центральный [образок (увеличено)]

Локальный культ св. Иакова Компостельского — патрона всей Испании (где ему посвящено несколько сот церквей) — был в то же время интернациональным. Этот святой, совершивший дальнее и опасное странствование, считался покровителем паломников и рыцарей. Его изображали то в виде странника в широкополой шляпе, с посохом и сумой, то как апостола в тоге и со свитком в окружении адорирующих богомольцев. Верили, что он дарует исцеление от ревматизма и помогает при агонии⁴⁶³. В XIV—XV вв. культ св. Иакова достиг апогея⁴⁶⁴.

При монастырях и аббатствах существовали мастерские, которые изготовляли из камня, свинца, бронзы, драгоценных металлов миниатюрные значки для продажи паломникам к мощам или эмблеме святого. Считалось, что эти сувениры, употребление которых особенно распространяется в XV в., обладают магической целебной силой⁴⁶⁵. На них изображали местного святого с поклоняющимися паломниками или его атрибуты.

Образок из Новгорода вышел из монастырской мастерской Компостеллы. Из легко поддающегося обработке гагата, месторождения которого имеются в Испании⁴⁶⁶, там в массовом количестве вырезали для паломников образки с фигурой св. Иакова или его атрибутами (*azabaches compostelanos*). Анало-

гичная композиция вырезана, например, на образке XV в. из гагата в деревянной оправе: к ногам св. Иакова склонились два коленапреклоненных пилигрима⁴⁶⁷.

В первой половине XVI в. новгородский ювелир заключил образок в драгоценную сканную оправу, возможно, в память о путешествии одного из древних новгородцев в страну за Пиренеями.

ЮЖНЫЙ УРАЛ

94. Бронзовая литая статуэтка в виде конного рыцаря. Франция (?), начало XV в. (табл. 6, 9).

Найдена в 1720 г. в «земле Калмыков, живущих между Сибирью и Каспийским морем к востоку от Волги». До 1747 г. хранилась в Кунсткамере Академии наук. Рисунок вещи издан Я. И. Смирновым по атласу Кунсткамеры, изготовленному в 1730-х годах. Он датировал эту западноевропейскую статуэтку XV в.⁴⁶⁸

Статуэтка изображает закованного в броню конного рыцаря. Всадник слегка приподнялся в седле. Правой рукой он поднимал меч (утрачен), левой — держит поводья. Конское снаряжение состоит из наборной уздечки, узкой нагрудной шлеи и седла. Реалистическая трактовка фигуры лошади, ее поза с далеко отставленными задними ногами, передача ушей и гривы сближает находку из Сибири с французской статуэткой из музея Баржелло во Флорен-

⁴⁶³ L. Réau, 1959.

⁴⁶⁴ L. Réau, 1958, стр. 695.

⁴⁶⁵ C. Enlart, 1916, стр. 302—304.

⁴⁶⁶ Б. Я. Маренков, 1936, стр. 80.

⁴⁶⁷ C. Enlart, 1916, рис. 314.

⁴⁶⁸ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 11—14, табл. II.

ции⁴⁶⁹. По типу рыцарского кольчужного доспеха французская фигурка датируется первой половиной XIV в.

Статуэтка Кунсткамеры воспроизводит рыцарский доспех начала XV в.⁴⁷⁰ Полусферический шлем (*servelière*) с бармицей оставляет лицо открытым. Подобные шлемы употреблялись еще в начале XV в. Руки всадника защищены стальными перчатками. Тело полностью заковано в латы с налокотниками и наколенниками. Грудь прикрыта выпуклой кирасой, к которой прикреплен «набедренник» (*brasconière*). «Набедренник» состоял из железного пояса, к которому прикреплялись подвижные железные пластины (от двух до пяти). Как и при встрече с выпуклым нагрудником, копы при ударе скользило по неглубоким каннелюрам *brasconière*. Первые «набедренники» появились к концу царствования французского короля Карла V (1380 г.). Они были длинными, составленными из трех или пяти пластин (на статуэтке — четыре). К началу XV в. эта часть доспеха постепенно укорачивается и к 1430 г. состоит только из двух пластин⁴⁷¹.

ГРУЗИЯ

95. Бронзовый литой водолей в виде льва. Северная Германия, первая половина XIV в. (табл. 5, 7).

Найден на южном склоне Кавказского хребта (речная область Куры), в Хевсурии. Хранился в Кавказском музее в Тифлисе⁴⁷². В настоящее время находится в Государственном музее Грузии.

⁴⁶⁹ O. Falke und E. Meyer, 1935, № 327, рис. 301.

⁴⁷⁰ Ср. изображения рыцарей (*Tracht, Wehr und Waffen des späten Mittelalters (1350—1450)*, II, табл. 8, I; 16, I, 2; 34).

⁴⁷¹ M. Violett-le-Duc, 1874, стр. 219—221.

⁴⁷² Г. И. Радде, 1837, стр. 77; Я. И. Смирнов, 1902, стр. 30—32; O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 448.

Высота водолея 29 см, длина 31 см. У льва хорошо моделированное соразмерное туловище на длинных, широко расставленных ногах. «Поза льва — далеко отставленные назад задние лапы (из которых левая отломана) и выставленные вперед передние — обычна у громадного большинства водолеев этого типа... Грива разделана отдельными треугольными выдающимися в рельефе космами, разделанными потом резцом (?) на пряди. Из раскрытого рта выдается коротенькая гладкая трубка носка. Морда вылеплена без особой детальности, уши круглые и настороженные. Глаза и нос выделаны довольно грубо»⁴⁷³. Ручка выполнена в виде бескрылого дракона. К ней примыкает закинутый на спину хвост льва.

О. Фальке включил сосуд из Хевсурии в число северогерманских водолеев первой половины XIV в., которые характеризуются уступом-«воротником» на шее животного, как на более древних романских экземплярах⁴⁷⁴. У животных такие же несколько манерные позы, гладкие, без гравировки туловища, головы с очень естественно переданными глазами и ушами, формы ручек.

Позднее на морде льва была вырезана грузинская надпись мхедрули (не древнее XVI—XVII вв.): «Пожертвовал я Мараули Сагира Кобале и архангелу за сына и...» Копала — языческий бог света у хевсуров, олицетворение добра и истребитель зла. Иногда его отождествляли со св. Георгием или архангелом Михаилом. Надпись свидетельствует о смешении языческих и христианских черт в религии хевсуров⁴⁷⁵.

⁴⁷³ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 30—31.

⁴⁷⁴ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 76, рис. 446—450.

⁴⁷⁵ Е. Такайшвили, 1904, стр. 66—68.

Глава II

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ИСКУССТВО (табл. 1—11)

В XI—XIII вв. в Западной Европе было два крупнейших бронзолитейных центра: Верхняя и Нижняя Лотарингия (в основном Маасская область с центром в Льеже) и Нижняя Саксония. Уже в римское время в этих областях разрабатывались богатые месторождения медных и цинковых руд (Арденны, горы Гарца). Художественная гегемония принадлежала литейщикам Лотарингии, которая административно входила в состав Священной Римской империи (города Льеж, Маастрихт, Аахен, Верден, Динан, Намюр, Гюи). Здесь создавались главные модели, распространявшиеся различными путями к востоку — от Вестфалии и Саксонии, где влияние лотарингских образцов особенно заметно, до Польши, Чехии и Венгрии. XII век — время апогея бронзолитейного искусства в Маасско-Мозельском междуречье. Кроме небольших предметов литургической утвари (водолеи, подсвечники, кадилыницы и т. д.), здесь создаются монументальные художественные произведения: льежская купель (между 1107 и 1118 гг.) работы Рейнера из Гюи, миланский и рейнский канделябры середины XII в. и др. Слава маасских ремесленников была так велика, что около середины XII в. бенедиктинский аббат и регент Франции Сугерий призвал лотарингских плавильщиков бронзы (*aurifabros Lotharingos*) для украшения аббатства Сен-Дени.

Уже в начале XI в. расцвела школа литейщиков Нижней Саксонии. В мастерской епископа Бернварда Гильдесгеймского (993—1022 гг.) были созданы бронзовые врата гильдесгеймского собора и бронзовая колонна, которая в построении сцен подражала римской колонне Траяна. Здесь же отливались подсвечники и навершия епископских посохов. Произведения школы Бернварда отличает интерес к позднеантичному наследию, что сказывается как в технике рельефов, так и в свободной экспрессивности стиля фигур.

Новый подъем бронзолитейного искусства Саксонии начался со второй половины XII в. Мастерские XII—XIII вв. концентрировались в Гильдесгейме, Госларе, Брауншвейге и Магдебурге.

Магдебург — родина «корсунских» врат новгородского Софийского собора (между 1152 и 1156 гг.). Бронзовые рельефы врат с их жесткой моделировкой, угловатостью и скованностью движений персонажей характеризуют саксонскую пластику XII в. (табл. 1; 2). В первой половине XIII в. в Гильдесгейме была изготовлена бронзовая купель, которая покоится на четырех фигурах, олицетворяющих райские реки. Из той же мастерской расходились по всей Европе разнообразные фигурные водолеи (табл. 26, 2).

Небольшая часть романской бронзовой утвари происходит из Италии, Южной Германии и Скандинавии. Франция представлена в основном эмальями Лиможа¹.

КОЛОКОЛА (табл. 3)

Искусство литья колоколов было известно на Западе со времени Карла Великого. Процесс их отливки подробно описан в 95-й главе трактата вестфальского монаха Теофила (конец X — первая половина XI в.). В XI—XIII вв. Германия была крупнейшим центром производства колоколов.

По мере усовершенствования техники литья и поисков наиболее мелодичных тонов звучания (которые зависят от профиля и толщины стенок) форма колоколов постепенно эволюционировала. Она находилась в соответствии с господствующим в искусстве стилем. В XI — первой половине XII в. колокола широки и приземисты (высота почти равна нижнему диаметру). Они как бы вторят мотиву полуциркульной арки — конструктивному и декоративному элементу романских церквей (табл. 3, 1, 2). Техника отливки этих «ульевидных» колоколов, которых сохранилось очень немного, позволяла изготавливать только маленькие легкие экземпляры высотой не выше 0,5 м. Столь же невелики колокола в форме «сахарной головы» (около 1200 г. — конец XIII в.). Их стройные вытянутые пропорции

¹ E. Mâle, 1924; K. Верман, 1896; O. Falke und E. Meyer, 1935; A. Пиренн, 1937; S. Collon-Gevaert, 1951; M. Morelowski, 1956.

отвечают динамическому вертикализму раннеготических соборов (табл. 3, 2). Звучание колоколов этих типов во всех вариациях было резким, металлическим, что с конца XIII в. обусловило появление синтетической формы. В переходное время колокола различных типов могли сосуществовать. Колокола в форме «сахарной головы» употреблялись еще в первой половине XIV в.² «Ульевидные» «колокола Теофила», датируемые обычно XI в., видимо, применялись и в XII в.

В грамоте 1284 г. смоленский князь Федор Ростиславич извещает, что он судил немца Биреля с Армановичем за немецкий колокол³.

По сообщениям летописей и по находкам в Киеве и Гродно обломков колоколов XII—XIII вв. с русскими надписями в рельефе⁴ известно, что литье колоколов, «дивных слышаньем», было распространено и на Руси. Не исключено, что первоначально они подражали германским колоколам, завозившимся с Запада («ульевидные» колокола XI—XII вв. из Киева и Городеска, колокол первой половины XIII в. в форме «сахарной головы» из Новгорода). Целые русские колокола домонгольского времени сохранились в единичных экземплярах. Это обстоятельство затрудняет определение их специфики. Возможно, что они отличались менее массивным круглым в сечении «петлевидным» ухом (без желобка, характерного для западных колоколов), криволинейным профилем стенок и острым нижним краем. Таковы два колокола из развалин Десятинной церкви в Киеве⁵.

БРОНЗОВЫЕ ВОДОЛЕИ (табл. 4—7)

В музейных собраниях большинства европейских стран хранятся фигурные водолеи (акваманилы) в виде реальных и фантастических животных, всадников, человеческих голов и бюстов. Вплоть до позднего средневековья их употребляли для омовения рук как в церковном, так и светском обиходе. Водолеи отливались из бронзы и серебра (сохранились лишь бронзовые сосуды) по способу потерянной формы. После отливки их чеканили и гравировали.

Романские акваманилы в виде зверей — самостоятельная ветвь средневековой гератологии — первоначально следовали оригиналам, проникавшим с мусульманского Востока (металлические рукомыльницы и курильницы, изображающие львов, коней, оленей, петухов и т. д.). Вся масса западных водолеев, первые упоминания о которых содержатся в записях середины XII в.⁶, распределяется в границах XII—XVI вв. Сюжеты романских малых бронз (XII—XIII вв.), как правило, отвечали требованиям христианской символики (например, Самсон в борьбе со львом — символ победы Христа над сатаной; лев или дракон с человеком в пасти — воплощение дьявола и т. д.). В период

готики (XIV—XV вв.) церковно-назидательный символизм постепенно сменяется грубоватым юмором горожан (например, северогерманские водолеи рубежа XIV—XV вв. в виде Аристотеля, везущего на спине женщину). В эту эпоху все большее распространение получают «светские» формы сосудов: всадники, кони, охотничьи собаки.

Большая часть водолеев вышла из лотарингских и нижнесаксонских мастерских, родиной некоторых считаются Франция и Скандинавия. Из этих центров они проникали в отдаленнейшие уголки христианского мира. Все водолеи XII—XIV вв., найденные на территории древней Руси, западноевропейского происхождения.

Водолеи в виде драконов — фантастических существ с головой грифона или собаки, птичьим туловищем и звериными лапами — составляют небольшую обособленную группу (табл. 4). Из такого водолея умывает руки Пилат на миниатюре Псалтыри Бонмонта (XIII в.) из городской библиотеки Безансона⁷. Несколько драконовидных акваманилов второй половины XII в. изготовлено в Лотарингии⁸. В XIII в. эту форму сосудов усваивают нижнесаксонские литейщики. Лотарингские модели отличаются от германских более высокой техникой (инкрустация серебром и чернью, позолота), усложненной формой, рельефностью деталей.

Лотарингский драконовидный водолей второй половины XII в. найден в Ивано-Франковской обл. (табл. 4, 1—3). К этому типу примыкают и два очень своеобразных экземпляра: акваманил Румянцевского музея — по-видимому, лотарингский (табл. 4, 4) — и вщижский водолей в виде гарпии — подражание лотарингскому образцу (табл. 4, 5—7).

Водолеи в виде кентавров изготавливались в XIII в. в бронзолитейных мастерских Гильдесгейма (табл. 5, 8—10). В романской гератологии кентавр считался воплощением адских демонических сил. Распространение подобных сосудов в Центральной и Восточной Европе (два из них найдены в Венгрии) еще не дает основания считать их родиной Венгрию, как полагают некоторые исследователи⁹. Два водолея в виде кентавров (Гильдесгейм, первая половина XIII в.) найдены на нашей территории: один в Чернигове (табл. 5, 8—10), другой в Приобье (табл. 26, 1).

Водолеи в виде львов (табл. 5, 1—7). Лев как олицетворение власти и силы — излюбленный образ средневекового искусства¹⁰. Акваманилы в виде львов, стоящих в агрессивной позе, — наиболее многочисленны.

А. Романские (XII — первая половина XIII в.). На выработку их формы повлияли как античные модели, так и импортируемые с Востока исламские бронзовые сосуды и курильницы в форме различ-

⁷ O. Falke und E. Meyer, 1935, рис. 249.

⁸ Там же, стр. 39.

⁹ T. Gerevich, 1938; Э. А. Лапковская, 1958, стр. 188.

¹⁰ В 1166 г. перед замком Генриха Льва в Брауншвейге был воздвигнут бронзовый монумент в виде льва натуральной величины, отлитого в стиле саксонских акваманилов (H. Weipken, 1924, табл. 57).

² Об истории колоколов на Западе см.: K. Hübneg, 1957, стр. 201—205.

³ И. Тихомиров, 1876, стр. 173.

⁴ М. К. Каргер, 1958, стр. 378—379; Н. Н. Воронин, 1954, стр. 120.

⁵ М. К. Каргер, 1958, табл. XLIII, 1, 2.

⁶ Э. А. Лапковская, 1958, стр. 176.

ных хищников кошачьей породы¹¹. Сильно стилизованные романские львы еще далеки от натуры: фигуры животных приземисты и статичны, округлое туловище, вмещающее много воды, поддерживается короткими вертикальными лапами. Большинство романских акваманилов-львов вышло из мастерских Северной Германии (Нижняя Саксония), меньшая часть локализуется в Нижней Лотарингии, Дании и Скандинавии. По-видимому, центром производства северогерманских сосудов этого типа, которые и в первой половине XIII в. сохраняли архаизирующие романские черты, был Гильдесгейм¹². Подобный северогерманский водолей первой половины XIII в. был найден в Чернигове (табл. 5, 1—3).

Б. Раннеготические (XIII в.). В период полного обновления монументальной скульптуры на смену романской скованности приходит более свободная и реалистическая передача форм живых существ. С середины XIII в. романские водолей-львы были окончательно вытеснены готическими¹³. Неуклюжие застывшие фигуры сменяются стройными длинноногими животными, стоящими в горделивой позе. Сосуды этого типа изготавливались в Нижней Саксонии (Гильдесгейм) и, вероятно, в Лотарингии. Из северогерманских мастерских выпшел водолей первой половины XIII в., найденный в Эстонии (табл. 5, 4). К тому же времени относится нижнесаксонский акваманил, найденный под Вильнюсом (табл. 5, 5, 6).

В. Периода высокой готики (XIV в.). В первой половине XIV в. сложению универсального типа акваманилов-львов способствовала мастерская Иоанна Апенгетера, работавшего в Северной Германии. Многочисленные водолей его школы, локализация каждого из которых довольно сложна, производились в Любеке, Нижней Саксонии, Вестфалии и Скандинавии¹⁴. К этой группе относится северогерманский водолей первой половины XIV в. из Хевсурии (табл. 5, 7).

Водолей в виде лошадей, баранов, собак, оленей и др. Древнейшие романские водолей этой группы отличаются простыми обобщенными формами, которые затрудняют локализацию сосудов. У них простые круглые в сечении ручки. В XIII—XV вв., когда в готическом искусстве нарастают натуралистические тенденции, фигурные водолей все более входят в употребление не только в церковном, но и в гражданском обиходе. Распространяются «светские» сосуды в виде лошадей, собак, всадников¹⁵. Акваманилы готического времени легко распознаются по более естественному телосложению животных с длинными стройными ногами и упругой осанкой.

В большом количестве водолей XIII—XIV вв. в виде животных выходили из мастерских Нижней Саксонии. Орнаментация тел животных идентична гравировке на нижнесаксонских водолеях в виде конных рыцарей и львов¹⁶. Нижнесаксонский водо-

лей (первая половина XIII в.) в форме барана был найден в Киеве (табл. 6, 1). Уникальный акваманил в виде козла (его фрагмент был найден в Киеве — табл. 6, 2) относится к тому же художественному кругу.

Водолей в виде конных рыцарей выделялись среди произведений художественного литья эффективным и сложным выполнением (табл. 6, 3—8). Их высоко ценили, бережно передавая от поколения к поколению. Выбор сюжета определен почетом, которым в средневековье, особенно в эпоху крестовых походов, пользовались вооруженные, закованные в тяжелую броню рыцари, прославленные в торжественных эпических песнях¹⁷. Акваманилы этой группы легко датировать по деталям вооружения и экипировки рыцарей, сопоставляя с изображениями на печатях XII—XIV вв. В XII в. водолей в виде всадников выходили из мастерских Франции и Лотарингии¹⁸. В XIII—XIV вв., к которым относится большинство экземпляров, главным центром их изготовления была Нижняя Саксония (Гильдесгейм). Здесь в первой половине XIII в. были отлиты оба водолея, найденные на территории СССР (табл. 6, 3—8).

Водолей в виде человеческих голов и бюстов (табл. 7) количественно уступают водолеям «звериных» форм. Возможно, стимулом к их созданию послужили антропоморфные бронзовые сосуды античности, хотя прямая связь между ними не прослеживается¹⁹. Прототипы можно искать и среди серебряных или бронзовых реликвариев в форме голов, которые появляются уже в начале XII в.²⁰ Скрупулезный стилистический анализ позволил О. Фальке отнести водолей-бюсты XII в. к продукции мастеров Нижней Лотарингии. В XIII в. их начинают изготавливать в северогерманских (Нижняя Саксония, область Гарца) мастерских²¹. В последнее время предприняты попытки связать акваманилы этой группы с искусством Придунавья²². Аргументы, выдвинутые Э. А. Лапковской (находки подобных водолей в придунайских областях, наличие здесь рудных месторождений, находки в Паннонии и Фракии античных антропоморфных сосудов), пока не могут опровергнуть выводов О. Фальке.

БРОНЗОВЫЕ ПОДСВЕЧНИКИ (табл. 8—10)

Массовое производство церковных подсвечников — составная часть бронзолитейного искусства средневековья. Обычай ставить на алтаре, по сторонам распятия, свечи в подсвечниках распространился повсюду в течение XII в. Совместное применение парных подсвечников и подставок для крестов привело к сходству в их форме и убранстве²³. Романские алтарные подсвечники наиболее употребительного типа не имеют развитого ствола. Основание с тремя ножками несет круглое «яблоко», от которого отходит воронковидная чашка для стекающего воска. В центре чашки — большой толстый

¹¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 57.

¹² Там же, стр. 58.

¹³ Там же, стр. 57.

¹⁴ Там же, стр. 74, 76.

¹⁵ Там же, стр. 83.

¹⁶ Там же, стр. 85.

¹⁷ Там же, стр. 43.

¹⁸ Там же, № 286—288.

¹⁹ Там же, стр. 52.

²⁰ Я. И. Смирнов, 1902, стр. 21.

²¹ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 52—53.

²² Э. А. Лапковская, 1958.

²³ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 1.

стержень для насаживания свечи. На немногих экземплярах XII в. изображены евангелисты и ангелы. Однако преобладающий элемент пластического убранства — драконы в растительной плетенке, иногда вместе с человеческими фигурами. О. Фальке считает этот мотив чисто орнаментальным. Известно, что Бернар Клервоский подверг аскетическому порицанию великолепие большого бронзового канделябра, охарактеризовав его драконовидную орнаментацию как «безобразную шутку» (*ridiculum monstrositatem*)²⁴.

Основная масса алтарных подсвечников второй половины XII — первой половины XIII в. вышла из мастерских Лотарингии, Рейнской области, Вестфалии и Нижней Саксонии.

Подсвечники с прорезным основанием. Плетеные ленты на прорезных основаниях романских подсвечников и крестов — лейтмотив орнаментации обширного семейства таких изделий. Алтарные подсвечники этого типа (середина XII—XIII в.) могут быть разного качества и происхождения, отличаясь по форме, размерам и деталям убранства. Наиболее изысканные экземпляры выходили из маасских областей, но распределение их между мастерскими отдельных городов Лотарингии затруднительно²⁵. Часть подсвечников с украшенным плетенкой основанием происходит из Гильдесгейма. Промежуточную группу образуют алтарные подсвечники Вестфалии, где они встречаются особенно часто. Оформление вестфальских подсвечников, большинство которых отлито в мастерской Миндена на Везере, отражает зависимость как от лотарингских, так и от гильдесгеймских моделей²⁶. К произведениям вестфальского круга, схематизированным лотарингские образцы, относится подсвечник конца XII в. из Вщижа (табл. 8, 1—3).

Во Франции в конце XII—XIII в. подсвечники в основном изготавливались мастерскими Лиможа (табл. 22, 4, 5). По сравнению с германскими образцами с их фантастическими нагромождениями драконовидных существ они отличаются простотой формы²⁷. Возможно, из Франции происходит подсвечник с городища Княжья Гора (табл. 8, 4, 5).

Подсвечники в виде фигурок людей, которые держат острое с чашкой для воска, в романское время не получили распространения. В издании О. Фальке и Э. Мейера опубликовано только два таких северогерманских экземпляра²⁸. В эту редкую группу «носителей свечи» можно включить бронзовую статуэтку мужчины, найденную у г. Хоррола (табл. 9, 4). Фрагмент северогерманского подсвечника в виде ангела (первая половина XIII в.) найден в Старой Рязани (табл. 9, 3).

Кроме маленьких подсвечников для алтаря, в церковном обиходе употреблялись канделябры значительной высоты (от 0,5 до нескольких метров), которые ставили на полу храма. Иногда их отливали из серебра или золота, хотя до нас дошли только

единичные бронзовые экземпляры: шестиметровое «древо Богоматери» из собора Милана с семью символическими ветвями (около 1200 г.), подножия канделябров из соборов в Реймсе (около 1150 г.) и Праге. Миланский и пражский канделябры связаны со школой знаменитого лотарингского ювелира Николая Верденского²⁹. Уникальный романский подсвечник около 1 м высотой найден в Переяславе-Хмельницком (табл. 10, 4—8). Возможно, он изготовлен во Франции.

Со времени гильдесгеймского епископа Бернварда крупные подсвечники отливались и в мастерских Нижней Саксонии. Найденная под Вильнюсом фигурка, персонифицирующая райскую реку, — деталь основания нижнесаксонского бронзового канделябра первой половины XIII в. (табл. 9, 1, 2).

БРОНЗОВЫЕ ЧАШИ (табл. 12—14)

Выкованные из листовой бронзы романские чаши XI—XIII вв. по технике изготовления и стилю выгравированного изнутри орнамента составляют компактную группу. Их диаметр обычно 25—30 см, высота 4—6 см, ширина края, отогнутого наружу под прямым углом, до 1 см, толщина стенок 0,1 см. Эти сосуды находят на огромных пространствах Центральной, Северной и Восточной Европы (земли германцев, западных и восточных славян, балтов). Единичные экземпляры проникали далеко на север — в область финно-угорских племен.

Со времени первой находки бронзовых чаш (1819 г.) исследователи неоднократно касались вопросов их типологии, происхождения, хронологии³⁰. Анализировались мотивы их орнаментации — сцен из античной мифологии и др.³¹ Последняя обобщающая работа, в которой собран весь изданный материал, принадлежит Т. Поклевскому³². По содержанию орнамента — единственному критерию классификации чаш — автор разделил их на шесть типов. Стиль и композиция узора позволили расчленивать каждый тип на несколько подтипов.

Тип I включает экземпляры с латинскими надписями и рисунками на христианские и мифологические темы. Орнамент состоит из вереницы сцен, образующих повествовательный цикл. Находки чаш этой группы, не встречающихся на территории Восточной Европы, концентрируются на нижнем Маасе, нижнем Рейне и в Вестфалии.

Тип II объединяет экземпляры с изображениями погрудных человеческих фигур, персонифицирующих христианские добродетели и пороки. Фигуры снабжены пояснительными легендами. В их орнаменте различаются две стилистические тенденции. На чашах подтипа II-а орнамент, выгравированный тонкими линиями, трактован детально и старательно, слова выписаны аккуратно, очень мало пропусков и изменений букв. Сосуды этой группы, не най-

²⁹ Там же, стр. 11, 14.

³⁰ M. Prou, 1886; W. Grempler, 1894; Он же, 1899; Он же, 1901; M. Sokolowski, 1900; A. Kisa, 1905; J. Antoniewicz, 1951.

³¹ J. Weitzmann-Fiedler, 1956—1957.

³² T. Poklewski, 1961 (дан критический обзор существующей библиографии).

²⁴ O. Falke und E. Meyer, 1935, стр. 1.

²⁵ Там же, стр. 8.

²⁶ Там же, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 1.

²⁸ Там же, стр. 32—33.

денные к востоку от Одера, локализуются в рейнско-вестфальском районе. Чаши типа I и подтипа II-a, датируемые временем от рубежа XI—XII до рубежа XII—XIII вв., по-видимому, вышли из мастерских, находившихся в пределах Вестфалии, бассейна Мааса и низовьев Рейна.

На сосудах подтипа II-б продолжает развиваться орнаментация чаш подтипа II-a. Рисунок, выполненный глубокими жесткими штрихами, более схематизирован. Надписи изобилуют ошибками и пропусками букв, часто совсем неразборчивы. Персонафикации не индивидуализированы какими-либо атрибутами. Складки одежды условно переданы вертикальными прядями черточек одинаковой длины. Орнамент скомпонован в центрической лепестковой композиции из трех или четырех погрудных широкоплечих фигур в полукружиях, размещенных вокруг центрального медальона. Характерными мотивами растительно-геометрического орнамента фона являются длинные радиальные стебли с чашечками цветов и округлыми листьями, пучки параллельных линий, имитация шнура в виде коротких S-видных черточек (табл. 12, 1,2; 13, 1,2; 14, 2—4).

По теории Т. Поклевского, на грани XII—XIII вв., когда активность рейнских мастерских снизилась, центр производства чаш переместился на нижнюю Эльбу, в Саксонию. Первоначально, продолжая традиции своих предшественников, здесь изготавливали сосуды подтипа II-б (а затем типа III). Действительно, на нижнем Рейне найдена только одна чаша подтипа II-б (около Роттердама). Тем не менее для гипотезы о перемещении центра на восток пока нет достаточных оснований. Из 14 экземпляров подтипа II-б, включенных в сводку Т. Поклевского, только три найдены в районе Эльбы. Остальные довольно равномерно распределяются по территории Средней и Восточной Европы (Роттердам — 1, Лунд — 2, Вешклас — 1, Филиповка — 1, Калининградская обл. — 2, Кальви — 2, Херсонес — 1). Одна чаша хранится в Будапеште. К перечню добавим экземпляры из Риги (табл. 12, 2), Вщижа (табл. 14, 3) и Старой Рязани (табл. 14, 4). В эту же группу следует включить другую чашу из Риги (табл. 12, 1), которую Т. Поклевский отнес к подтипу II-a.

Более вероятно, что активность маасско-рейнско-вестфальского центра продолжалась вплоть до середины XIII в., что подтверждается преобладанием орнамента. Но если до конца XII в. чаши, представляющие собой уникальные образцы, изготавливались по персональным заказам (тип I и подтип II-a), то позднее рейнские мастерские переходят к производству на широкий рынок, их продукция становится массовой³³. Если тип I включает 19 экземпляров, подтип II-a — 14, подтип II-б — 18, то тип III — уже 29. Естественно, что чаши типа I и подтипа II-a за немногими исключениями должны концентрироваться в районе своего изготовления. Напротив, чаши подтипа II-б (и типа III) там редки, так как

³³ Переход к работе на «обезличенного» массового покупателя, с чем связано огрубение и удешевление продукции, происходит с конца XII в. и в других отраслях западноевропейского прикладного искусства, в частности, у лиможских эмалиров.

были предназначены на экспорт, восточные направления которого определяет картографирование. Находки сосудов этих групп связаны с центрами торговли и торговыми путями (табл. 30, II; 31, I). Переход к массовому производству изделий вызвал стандартизацию и схематизацию их орнаментально-убранства. Менее квалифицированные мастера, качество продукции которых резко снизилось, стали допускать многочисленные ошибки в надписях или опускать их вовсе (тип III).

Тип III представлен чашами главным образом без надписей, с изображениями ангелов в виде крылатых погрудных фигур (один в центре, три-четыре по сторонам). Это — дальнейшая эволюция орнамента чаш подтипа II-б по пути схематизации стиля и окончательной «варваризации» нечитаемых реликтовых надписей. Тип III, к которому относится чаша из Киева (табл. 13,3), датируется Т. Поклевским первой половиной XIII в. Находки сосудов сосредоточены на верхнем Оudere и в Юго-Восточной Прибалтике (табл. 31, I), куда они были привезены с Запада. Из 29 экземпляров типа III в районе Рейна найдено два и на Эльбе — тоже два.

Таким образом, чаши с аллегорическими изображениями, многие из которых не поддаются классификации, развивались от типа I через подтипы II-a (конец XI — конец XII в.) и II-б (рубеж XII—XIII вв.) к типу III (первая половина XIII в.). Мастерские (или одна специализированная мастерская), где они изготавливались, находились в низовьях Мааса и Рейна (возможно, в Аахене и Кельне) и в Вестфалии.

Тип IV включает чаши без надписей, с изображениями животных и птиц. Т. Поклевский датировал четыре сосуда этой группы XII в. Пятый экземпляр найден в Риге (табл. 13,4). Ввиду малого количества чаш типа IV о месте их происхождения говорить затруднительно. По-видимому, родиной этих сосудов является Маасско-Рейнская область (один из них найден в Генте), так как их геометрический орнамент обнаруживает сходство с типами II и III.

В тип V входят чаши без надписей, с геометрическим, растительным или растительно-геометрическим орнаментом (табл. 14, I). Узор вписан в пять медальонов, скомпонованных в виде равноконечного креста (один в центре — на дне, четыре по сторонам — на стенках). Находки чаш типа V (XII в.), к которому относятся восемь экземпляров, локализуются на юго-восточном побережье Балтики (Самбия и Поморье между Вислой и Оudere). Возможно, здесь их и производили. Однако связь их орнамента с орнаментом типов I и II-a допускает предположение, что это предметы маасско-рейнского импорта.

Одновременно с группой романских орнаментированных чаш (типы I—IV) существовала другая разновидность сосудов той же формы, но без следов гравировки, т. е. без надписей и изображений, не имеющая с первой никаких генетических связей (табл. 12,5; 13, 5,6). Чаши типа VI, по классификации Т. Поклевского (он включил в свою сводку 55 экземпляров), не связаны с кругом произведений собственно романского прикладного искусства, так как центры их изготовления находились в иной

творческой среде. Они выразительно концентрируются в Юго-Восточной Прибалтике: в Поморье — между Вислой и Одером — и в Самбии (табл. 32, I). Сосуды типа VI, бытующие с начала XI до конца XIII в., удовлетворяли в основном местные нужды, хотя проникали и на восток.

Большинство исследователей разделяет взгляд, что чаши с надписями и аллегорическими изображениями дидактического характера связаны с христианской литургией, хотя употреблялись и в светском обиходе. Чаши типов V и VI часто находят в погребениях, что, как полагает Т. Поклевский, свидетельствует об их связи с погребальным ритуалом.

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО (табл. 15—20)

В XII в. в авангарде западноевропейского ювелирного искусства шла Нижняя Лотарингия. Именно Лотарингия и особенно Маасская область с центром в Льеже в течение столетия вместе с Лиможем во Франции и областью среднего Рейна в Германии удерживали монополию искусства металла в Европе (художественное литье, тиснение, гравировка, эмали)³⁴. Мастера валлонских территорий на Маасе и Мозеле в XI—XII вв. были крупнейшими специалистами по обработке металла, а их влияние простиралось до Саксонии, Польши, Чехии и Венгрии. Особое развитие этого искусства в Валлонии объясняется, во-первых, рудными богатствами края и, во-вторых, последовательным прогрессом местной художественной металлургии, зародившейся еще в римское время и достигшей вершин в XII в.³⁵

По специальным заказам церковей, монастырей и частных лиц в лотарингских мастерских изготавливались реликварии, переносные алтари, триптихи, монументальные кресты, подсвечники и т. д. Из-за слабого разделения труда ювелир попеременно выступал литейщиком, чеканщиком, гравировщиком или эмальером.

Знаменитый валлонский ювелир Годфруа де Клер из Гюя (третья четверть XII в.) работал в различных странах Европы (аббатство Сен-Дени во Франции, Германия)³⁶. Влияние этого мастера, создавшего индивидуальный стиль и особую технику, долгое время испытывали маасские ювелиры³⁷.

Особую роль в развитии ювелирного дела Лотарингии сыграло бенедиктинское аббатство Ставело. Вябальд, аббат Ставело (с 1130 г.), ученый и дипломат, имя которого ставят рядом с именами Сугерия и Бернара Клервоского, украсил церковь своего аббатства многими художественными изделиями из металла (реликвариями, переносными алтарями и т. д.)³⁸.

Творчество Николая Верденского (конец XII — начало XIII в.), знаменующее переход от позднероманского стиля к готике, упрочило славу ювелиров маасской школы. Ювелирное искусство не только соревнуется с каменной скульптурой, но и опережает ее в эволюции эстетических концепций³⁹.

³⁴ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 133—135.

³⁵ M. Morelowski, 1956, стр. 48—50.

³⁶ J. Helbig, 1906, стр. 38 и сл.

³⁷ M. Devigne, 1932, стр. 5.

³⁸ J. Helbig, 1906, стр. 48—49.

³⁹ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 133.

В XII в. в Лотарингии пробуждается интерес к интеллектуальной и художественной культуре античного мира, идущий от каролингского проторенессанса и древних позднеантичных традиций Мааско-Мозельского междуречья⁴⁰.

Найденная в Чернигове золотая крышка дароносицы с изображением легендарных подвигов Геракла (табл. 18) — редкий образец лотарингской торевтики (около 1170—1175 гг.). В мотивах и стиле ее орнаментации на новой основе возрождаются традиции античного искусства. Глубокое понимание антика сказывается в характере растительного узора, в пластичности и динамизме трактовки образов, в хорошей моделировке нагого человеческого тела.

В XII в. только область среднего Рейна могла состязаться с Лотарингией по обилию и художественным качествам изделий из металла. Несмотря на тесную взаимосвязь, продукция обоих центров различается довольно существенно. В какой бы технике ни работал маасский ювелир, он всегда сохранял вкус к сложным повествовательным композициям, тогда как в рейнских произведениях преобладал растительный орнамент⁴¹.

Образцом работы рейнских ювелиров круга мастера Фридерикуса (мастерская при церкви св. Пантелеона в Кельне) является низ «большого» сиона московского Успенского собора (табл. 15; 16). Первоначально эта часть сиона принадлежала монументальному серебряному реликварию башенного типа (около 1160 г.).

Средневековые реликварии, изготовлявшиеся из листовой меди, серебра или золота на основе из резного дерева (медь могли украшать позолотой и эмалью), имели разнообразные формы и размеры. Наиболее простую конструкцию представлял прямоугольный ларец с подвижной крышкой на шарнирах. Такой ларец с чеканными фигурами святых в арочках на колонках (табл. 20) попал в Новгород из области Рейна (рубеж XII—XIII вв.).

Рейнского происхождения (Аахен или Кельн) две серебряные позолоченные чаши дароносиц (рубеж XII—XIII вв.). Одна найдена в составе киевского клада 1876 г., другая — в богатом курганном погребении воина, похороненного по кочевническому обряду под Таганчей в Поросье (табл. 17, 3, 4).

Мастера Лиможа (Аквитания) — специалисты по изготовлению выемчатых эмалей на меди — изредка применяли и технику черни⁴². Это подтверждается находками в Зауралье серебряных черненых чаш (рубеж XII—XIII вв.), украшенных сценами борьбы людей с фантастическими чудовищами (табл. 19). В их «арабесковых» узорах заметно характерное для Лиможа влияние мусульманского искусства.

Из золота и серебра отливались мелкие украшения, votivные предметы (табл. 26, 4, 5), образки и т. д.

ВЫЕМЧАТЫЕ ЭМАЛИ (табл. 21—23)

Западноевропейские выемчатые эмали на меди (émaux champlevés) XII—XIII вв. делятся на три основные группы: северо-западную (Лотарингия),

⁴⁰ M. Morelowski, 1956, стр. 78.

⁴¹ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 135.

⁴² M. Rosenberg, 1925, стр. 50.

тесно связанную с ней северо-восточную, или рейнскую (Кельн, Саксония, Вестфалия), и юго-западную (Лимож во Франции).

Лотарингские эмали (табл. 21). В маасских областях Лотарингии искусство выемчатой эмали на меди, вероятно, возникло в начале XII в.⁴³ Оно развивается с четвертого десятилетия XII в.⁴⁴, когда начинается деятельность выдающегося светского ювелира Годфруа де Клера из Гюи. Самая ранняя из уцелевших его работ относится к 1145 г.⁴⁵ Расцвет эмальерного дела в Лотарингии в третьей четверти XII в. связан с именем этого валлонца, работавшего в Льеже⁴⁶. Другим крупным центром производства эмалей к западу от Рейна был в то время Маастрихт⁴⁷. О творчестве эмальеров школы Годфруа де Клера дают представление две замечательные накладки из Владимира, вероятно, относившиеся к уникальному подножию креста (табл. 21, 1, 3—5).

Лотарингские эмали не составляют твердой и единой стилистической группы. Как провинция, так и отдельные мастера налагали на них отпечаток своеобразие.

Одним из местных очагов эмальерного искусства в Лотарингии считается мастерская аббатства Ставело, откуда при аббате Вибальде в середине XII в. вышли многие произведения ювелирного искусства⁴⁸. Здесь сильно чувствовалось иссушающее влияние византийского искусства, но одновременно сохранялась и живописная традиция, которой следовал так называемый «мастер портативного алтаря». Индивидуальность этого художника резко выделяет его в ряду маасских ювелиров, хотя в своем живописном и экспрессивном творчестве он исходил из тех же принципов⁴⁹. К произведениям его круга, по-видимому, относится найденная под Рязанью накладка портативного алтаря (?) с изображением символического жнеца (табл. 21, 2).

В отличие от рассчитанной на широкий сбыт массовой продукции Лиможа изделия лотарингских ювелиров XII в. связаны с индивидуальными заказами представителей высшей церковной иерархии. Это в основном предметы культового назначения: ларцы-реликварии в виде здания с двух- и четырехскатной крышей, переносные алтари, кресты⁵⁰. Каждое из этих произведений, где эмаль составляет часть сложного декоративного убранства, является шедевром ювелирного искусства средневековья. Лотарингские мастера, работавшие под руководством аббата Сугерия над украшением Сен-Дени в 40-х годах XII в., обогащали христианскую иконографию (как видно на примере композиции Воскресение, см. табл. 21, 1). В отличие от ювелиров Лиможа XIII в., стремившихся приспособить довольно богатый репертуар своего творчества для всех областей Запада, они любили вводить частные сюжеты,

например, сцены из жизни местных святых и др.⁵¹

Лиможские эмали (табл. 22; 23). Производство выемчатых эмалей на меди, по-видимому, возникло в Лиможе — крупнейшем центре средневекового эмальерного дела — около середины XII в.⁵²

В истории этого искусства различаются два основных периода.

1. Последние 20 лет XII в. — первая четверть XIII в. Эмалевые фигуры размещаются на фоне позолоченной меди, сначала гладком, а позднее покрытом сплошным гравированным узором (*fond vermiculé*). Изделия этой группы, исполнявшиеся по заказу или предназначенные для местного рынка, еще сравнительно редки. На территории древней Руси они пока не встречены.

2. 30-е годы — конец XIII в. Фон заполнен эмалью, а силуэты персонажей сохранены в металле, разработаны гравировкой и позолочены. С начала XIII в. у фигур появляются выпуклые головы, а с середины столетия к плоскости начинают прикреплять целые рельефные фигурки.

Изделия этого большого периода подразделяются на три хронологические группы: а) 1230—1250 гг. — единый эмалевый фон усыпан полихромными дисками и розетками и декорирован горизонтальными эмалевыми лентами; б) середина XIII в. — единый фон пересекают оставленные в металле выходящие стебли с полихромными трехлепестковыми цветами-пальметками; в) вторая половина XIII в. — в ущерб цвету возрастает роль рельефа. Гравированные и позолоченные рельефные фигуры в одеждах, декорированных голубой и красной эмалью, размещаются на едином эмалевом фоне. В это время фабрикуется множество объемных вещей: епископские посохи, статуи-реликварии и др.

К концу XIII в. производство выемчатых эмалей в Лиможе замирает⁵³.

Во второй период (т. е. в XIII в.), к которому относятся все попавшие на Русь изделия, продукция лиможских эмальеров становится массовой, рассчитанной на вывоз. С берегов Вьенны лиможские ларцы-реликварии, кресты, пиксиды, евхаристические голуби, чаши для омовения рук, подсвечники, оклады книг и другие предметы церковного и светского обихода расходились в аббатства, церкви и феодальные замки всей Европы — от Исландии до Киева и Новгорода. По сравнению с маасскими и рейнскими произведениями, полными изобретательности и изящества, лиможские эмали, изготовлявшиеся в огромном количестве, проще по технике, часто выполнены небрежно, их яркие интенсивные цвета менее разнообразны. Персоналии мастеров в этом потоке ремесленной продукции выделить не-

⁴³ M. Rostworowski, 1953, стр. 4—5.

⁴⁴ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 159.

⁴⁵ J. Helbig, 1906, стр. 44.

⁴⁶ Там же, стр. 46—47.

⁴⁷ O. Falke und H. Frauberger, 1904, стр. 61.

⁴⁸ S. Collon-Gevaert, 1951, стр. 157.

⁴⁹ Там же, стр. 175.

⁵⁰ M. Rostworowski, 1953, стр. 6.

⁵¹ E. Molinier, 1891, стр. 102.

⁵² M. Rostworowski, 1953, стр. 5. Первоначально лиможские мастера еще подражают произведениям византийской перегородчатой эмали (E. Molinier, 1891, стр. 134).

⁵³ J. J. Marquet de Vasselot, 1906, стр. 941—943, 952; P. Thoby, 1953, стр. 5—6; А. Н. Кубе, 1927, стр. 5. Высказано мнение, что часть предметов лиможского типа изготовлялась в Северной Испании (M. Rostworowski, 1953, стр. 7).

возможно. Это искусство более консервативно и замедленно в своем развитии⁵⁴.

Лиможские эмали, занесенные на Русь, рисуют последовательные стадии эволюции этого искусства в течение XIII в. Так, киевская накладка ларца с изображением всадника относится ко второй четверти XIII в., а евхаристический голубь из Суздаля — произведение последней трети XIII в.

РЕЗЬБА ПО КОСТИ (табл. 24—25)

В романскую эпоху художественные изделия из слоновой, моржовой или простой кости (книжные вклады, наклейки реликвариюв и переносных алтарей, епископские посохи и т. д.) изготовлялись во многих европейских странах: Франции, Германии, Англии, Испании, Италии и др. Крупнейшие косторезные мастерские XII — первой половины XIII в. находились в Кельне, снабжавшем своей продукцией весь континент.

ШАШКИ

Шашки, украшенные рельефными изображениями, представлены в большинстве крупных европейских музеев. Эти миниатюрные кружки (диаметр 3—6 см) бывают и деревянными, хотя большая часть дошедших до нас экземпляров вырезана из моржовой кости. Богатые наборы шашек (партия состояла из 15 штук) употреблялись в быту церковных и светских феодалов. Обе партии различались по цвету раскраски⁵⁵. Об игре в «тавлеи» упоминают средневековые рыцарские романы и поэмы.

Сохранилась единственная группа шашек XI в. Место производства их предположительно локализуется во Франции. Основная масса относится к XII в., главным образом ко второй его половине. Важнейшим центром их изготовления в то время был Кельн, откуда они выходили в значительном количестве. Большая группа шашек связывается с мастерской при монастыре св. Мартина в Турне (Бельгия)⁵⁶. Из этих мест они проникали во все уголки Европы.

Фигуры обычно вырезаны в высоком рельефе — на сильно углубленном фоне, — но встречается и плоскостная трактовка, как на обоих экземплярах из Приднепровья (табл. 25, 1, 2). По-видимому, орнаментация шашек сложилась под влиянием медальонов в современной им каменной скульптуре, мозаиках и рукописях, которые сами имитировали узоры восточно-византийских тканей. Темы изображений черпались как в канонической и апокрифической литературе, так и в рыцарской поэзии (Песнь о Роланде, романы цикла короля Артура). Многие «исторические» и мифологические сюжеты обнаруживают знакомство резчиков с произведениями позднеэллинистической и римской литературы (Александрия, Троянская война, подвиги Геракла и др.), которые в XII в. были популярны на Западе⁵⁷. Часто изображались реальные и фантасти-

ческие животные: львы, слоны, грифоны, кентавры, химерические чудовища и др. Возможно, орнаментация единого комплекта шашек была подчинена одной теме⁵⁸.

ЛАРЦЫ-РЕЛИКВАРИИ

Большую группу изделий из резной кости XII—XIII вв. составляют ларцы для реликвий. Место их изготовления надежно локализуется в Кельне. Возможно, их выделяла одна мастерская, продукция которой была предназначена для продажи⁵⁹. По форме ларцы этого типа различны: продолговатые прямоугольные или квадратные, с пирамидальной или плоской крышкой, восьмиугольные с пирамидальной крышкой, круглые и овальные (пиксиды). В том же ряду стоят шестнадцатигульный трехэтажный реликварий и большой ларец в форме базилики⁶⁰. Иногда ларцы водружены на металлические или костяные фигурки животных, подобные найденной в Киеве статуэтке льва кельнской работы (табл. 24, 9, 10). Все эти реликварии выполнены в одной технике. Резные костяные пластинки, смонтированные на деревянной основе, образуют полукруглые аркады, которые покоятся на пилястрах или колонках с базами и капителями, украшенными продолговатой листвой. В нишах аркатурно-колончатого пояса стоят фронтальные иератические фигурки святых, выполненные в высоком рельефе. Их имена вырезали на архивольтах, а надписи раскрашивали. Сохранившийся в дереве фон золотили, а резной орнамент покрывали краской⁶¹.

Ларцы первой половины XIII в., изданные А. Гольдшмидтом, по господствующему архитектурному мотиву полукруглой арки и по трактовке фигур — рельефных (а не статуарных), коренных и безжизненных — еще целиком принадлежат романскому стилю. Это архаизирующие памятники массовой ремесленной продукции, где долго сохранялись традиционные формы XI—XII вв.⁶²

В отличие от них костяные статуэтки ларцов, найденные в Ростове Ярославском и Риге (вторая половина XII — первая треть XIII в.), знаменуют уже переход к ранней готике. Строго фронтальные, вытянутые, бесплотные фигурки, без плеч и бедер, с плотно прижатыми к телу руками, в длинных одеждах, падающих отвесными параллельными складками (табл. 25, 6—8, 11), напоминают статуи-колонны Королевского портала (1145—1155 гг.) Шартрского собора, изображающие библейских патриархов и пророков⁶³. Обе статуэтки, изготовленные, видимо, во Франции, свидетельствуют о зарождении нового стиля. Они представляют особый интерес, так как до сих пор не удавалось проследить преемственность между романской и готической резной костью ввиду отсутствия памятников переходного времени. «Между XII и второй третью XIII в. распадение непрерывности почти абсолютное, — пишет исследователь, — и традиция кажется до такой степени нарушенной, что техника первых

⁵⁸ A. Goldschmidt, 1923, стр. 7.

⁵⁹ Там же, стр. 3.

⁶⁰ Там же, табл. XXI—XXIX.

⁶¹ Там же, стр. 3.

⁶² E. Molinier, 1896, стр. 89.

⁶³ M. Aubert, 1957, табл. 13 и сл.

⁵⁴ J. J. Marquet de Vasselot, 1906, стр. 940, 942.

⁵⁵ A. Goldschmidt, 1923, стр. 7.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ O. M. Dalton, 1909, стр. 74—75.

произведений готической резной кости не имеет ничего общего с романскими изделиями»⁶⁴. Теперь недостающее звено, прежде предполагаемое теоретически, заполняется материалом, синхронным возникновению готической каменной скульптуры во Франции.

ГОТИЧЕСКАЯ РЕЗНАЯ КОСТЬ XIV в. (табл. 25, 4)

Французская школа. С середины XIII до начала XV в. искусство резьбы по слоновой кости монополизирует Северная Франция. В Париже было сконцентрировано большинство косторезных мастерских. Локальные мастерские только имитировали создававшиеся там образцы⁶⁵.

Кроме церковной утвари — статуэток святых, диптихов, реликвариев, дароносиц, — в Париже изготовляли предметы светского обихода — ларцы, футляры для зеркал, гребни и т. д. Излюбленными сюжетами резчиков на темы куртуазной поэзии были: «Тристан и Изольда», «Аристотель и куртизанка», приключения рыцарей Артура, «Осада замка любви»⁶⁶.

Произведения французской резной кости экспортировались в другие страны, что способствовало соз-

данию единого общеевропейского стиля готической каменной скульптуры XIV в.⁶⁷

Североитальянская школа. В конце XIV в. в Венеции возникают мастерские семьи Эмбриаки, продолжавшие интенсивную деятельность до конца XV в. Продукция этого цеха состояла из триптихов с религиозными сюжетами и огромного количества всевозможных ларцов и шкатулок для драгоценностей — необходимой части приданого. Деревянные шкатулки облицовывали рельефными костяными пластинками и орнаментировали поясками инкрустированного дерева. Костяные накладки, украшенные эпизодами романтических историй, частично покрывали позолотой. Посредственное выполнение отдельных деталей не снижало общего декоративного эффекта, созданного полихромностью и богатой игрой светотени.

Ларцы этого североитальянского стиля в XV в. расходились не только по Италии, но в большом количестве проникали в заальпийскую Европу — от Франции, где они благодаря галантным сюжетам пользовались особой любовью в кругах светской знати⁶⁸, до Московского государства (табл. 25, 3).

⁶⁴ Histoire de l'Art d'André Michel, t. II, p. 1, стр. 465.

⁶⁵ R. Koerschlin, 1924, t. I, стр. 1, 7.

⁶⁶ Там же, стр. 27.

⁶⁷ Там же, стр. 34.

⁶⁸ Histoire de l'Art d'André Michel, t. II, p. 1, стр. 503—505; O. M. Dalton, 1909, стр. 136—137.

Глава III

ВРЕМЯ, ПУТИ И СПОСОБЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИМПОРТА В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

Анализ материала, проведенный в предыдущих главах, позволяет суммировать полученные данные (см. стр. 61—62, I—IV).

I. Хронология западноевропейского художественного импорта в Восточную Европу*

Период	Количество предметов
Вторая половина IX в.	2
IX—X вв.	2
XI—XII вв.	2
XII в.	4
Вторая половина XII в.	14
Вторая половина XII— первая половина XIII в.	9
Рубеж XII—XIII вв.	15
Первая половина XIII в.	23
XII—XIII вв.	5
Вторая половина XIII в.	6
XIII в.	4
XIII—XIV вв.	1
Первая половина XIV в.	5
Конец XIV — первая половина XV в.	5

* Здесь и далее бронзовые чаши без орнамента, изготовлявшиеся в Юго-Восточной Прибалтике, не учтены.

Общие выводы о связях Запада и Востока, базирующиеся на письменных и нумизматических данных, мы можем применять далеко не всегда. Произведения искусства распространялись по Европе довольно специфично — не только в результате торгового обмена, тем более прямого, но и при других обстоятельствах. Экспорт монетного серебра — средства денежного обращения — в конце X—XI в. направлялся из стран, добывавших этот металл (Германия, Англия), в страны, где ощущался его недостаток (Швеция, Юго-Восточная Прибалтика, Русь)¹. Но в развитии городского ремесла Русь шла в ногу с Западом, и это ограничивало ввоз ре-

месленных изделий из-за рубежа. Экономический фактор здесь отступал на второй план.

II. Происхождение западноевропейского художественного импорта в Восточную Европу

Место изготовления	Хронология		
	IX—X вв.	XII—XIII вв.	XIV — первая половина XV в.
Ломбардия	2	—	—
Фрисландия	2	—	—
Северная Франция	—	2	—
Аквитания	—	3	—
Лимож	—	8	—
Нижняя Лотарингия	—	5	—
Кельн	—	5	—
Рейнская область	—	2	—
Вестфалия	—	1	—
Нижняя Лотарингия — Рейнская область — Вестфалия	—	12	—
Нижняя Саксония	—	13	1
Северная Германия	—	5	2
Южная Германия	—	2	—
Германия	—	2	1
Италия	—	1	—
Южная Италия	—	1	—
Венгрия	—	1	—
Компостелла (Испания)	—	—	1
Париж	—	—	1
Фландрия	—	—	1
Сиена	—	—	1
Венеция	—	—	1
Происхождение неясно	—	21	1
Итого	4	84	10

Преобладание или, напротив, отсутствие в импорте произведений того или иного района характеризует степень развития художественного ремесла в этом районе, массовость или единичность его продук-

¹ В. М. Потин, 1961б, стр. 41.

III. Распределение западноевропейского художественного импорта по древнерусским княжествам и областям Восточной Европы

Пути сообщения	Места находок предметов импорта XII—XIII вв.	Количество предметов
Путь Галич—Киев—Десна—Ока—Волга	Галицкое княжество	4
	Волынское княжество	3
	Киев	9
	Киевское княжество	12
	Переяславское княжество	4
	Черниговское княжество	7
	Муромо-Рязанское княжество	3
	Владимири-Суздальское княжество	4
«Греческий путь»	Среднее Поволжье	2
	Бассейн нижнего Днепра	2
	Крым	2
Бассейн Немана	Полоцкое княжество	4
Балтийское направление	Новгород	8
	Литва	2
	Латвия	5
	Эстония	7
Путь «за Югру»	Зауралье	5

IV. Места находок западноевропейского художественного импорта XII—XIII вв. в Восточной Европе

Места находок	Количество предметов
На территории древних городов (преимущественно в пределах детинцев)	40
В утвари городских церквей	14
На сельских поселениях	1
В грунтовых могильниках при поселениях	2
В курганном погребении по кочевническому обряду	1
Связь с археологическим объектом не установлена	28
Итого	86

ции², но еще не дает основания говорить об особой интенсивности связей с данной территорией. Например, несмотря на оживленные сношения Польши, Чехии и Венгрии с Русью, художественная утварь этих стран на территорию Руси почти не попадала, так как в XII—XIII вв. они сами ввозили ее из Западной Европы. Собственное художественное ремесло удовлетворяло местные нужды и не было рассчитано на широкий экспорт.

* * *

Первые письменные свидетельства о торговле восточных славян с германскими городами на Ду-

² Расцвет той или иной отрасли ремесла в свою очередь зависел от наличия сырья, уровня спроса, художественных традиций и т. д.

нае, с Краковом и Прагой относятся к X в. (сообщение Ибрагима ибн Якуба в передаче ал-Бекри, X в.; Раффельштеттенский таможенный устав, 903—904 гг.). В X—XI вв. на Русь ввозят мечи с клеймами нижнерейнских мастерских³. Наиболее ранние древнерусские клады с западноевропейскими денариями датируются последней четвертью X в. Их количество гигантски вырастает в XI в. и резко сокращается в XII в.⁴

Между тем IX—XI вв. бедны находками предметов западноевропейского искусства. Во-первых, золотых дел мастера каролингско-оттоновской эпохи (VIII—XI вв.), сосредоточенные в монастырях к востоку и западу от Рейна, обслуживали узкий круг духовной и светской аристократии. Их произведения — шедевры ювелирного искусства — выполнялись по специальным заказам и не выходили за пределы ограниченных районов. Во-вторых, каролингско-оттоновская литургическая утварь — переплеты книг, раки для мощей, переносные алтари, процессионные кресты, священные сосуды и т. д., — как правило, изготовлялась из золота и серебра. Впоследствии эти произведения были переплавлены в монеты и денежные слитки.

В течение безмонетного периода (XII — первая половина XIV в.), когда основной формой металлического обращения на Руси стали крупные серебряные слитки, старая утварь из серебра шла в переплавку. Так, в 1288 г. князь Владимир Василькович Волынский «блюда великаа сребрянаа и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны»⁵. Те же явления происходили на Западе, где произведения ювелирной пластики VIII—XI вв. сейчас представлены единичными экземплярами. Установлено, что в XII в. состав сокровищниц фландрских и лотарингских феодалов претерпел изменения. Вместо золотой и серебряной утвари, бережно хранимой в XI в., стали преобладать монеты и слитки⁶.

Все же произведения каролингско-оттоновской эпохи, хотя и в единичных случаях, попадали в Восточную Европу. В Киево-Печерском патерике в связи с событиями конца XI в. сообщается о кладе «латинских» золотых и серебряных сосудов, зарытых в «Варяжской пещере» на Печерске. Бесследно исчезнувшие золотые «короны из Казани» — обетные венцы, украшенные эмалью и самоцветами, идентичны североитальянской короне из Монца второй половины IX в. (рис. 1).

К IX—X вв. относятся найденные в Смоленске и Белгороде стеклянные геммы (Alsengemmen) с магическими изображениями царей-волхвов (рис. 2, 1). Подобные амулеты-печати фризландских купцов вместе с потоком фризской морской торговли проникали в Скандинавию, Северную Германию, а в единичных экземплярах — далее на восток (табл. 28, 1). Со второй половины XI в. в составе прибалтий-

³ Б. А. Рыбаков, 1951а, стр. 328—329.

⁴ В. М. Потин, 1961б, стр. 25 и сл.

⁵ ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 914.

⁶ Н. van Verweke, 1932, стр. 452—468 (цит. по: В. М. Потин, 1961б, стр. 238).

ских и древнерусских кладов начинают преобладать денарии фрисландского чекана. Некоторые клады Руси целиком состоят из монет Фрисландии. В таком большом количестве они встречаются еще только у себя на родине⁷. По мнению Н. П. Бауера, то обстоятельство, что фрисландские денарии не найдены в промежуточных районах, свидетельствует о прямом ввозе их на Русь вдоль южного побережья Балтики⁸. Отсутствие *Alsengemmen* к востоку от Эльбы также подтверждает предположение о непосредственных контактах Фрисландии и Руси. Обе находки *Alsengemmen* в Восточной Европе связаны с днепровской магистралью, по которой западные денарии проникали на юг.

Значительный приток художественной утвари с Запада начинается лишь со второй половины XII в., в период развитого романского стиля. Из 99 учтенных в нашем своде вещей 61 относится ко второй половине XII — первой половине XIII в., причем большая часть (38) — к рубежу XII—XIII и первой половине XIII в. (см. стр. 61, I).

Резкое возрастание ввоза в XII в. связано с экономическими и социальными сдвигами в Западной Европе, определившими расцвет городского ремесла.

В эпоху крестовых походов одновременно с увеличением количества городов происходит их дальнейшее развитие как центров ремесла и торговли. Усиливается специализация ремесел, возрастает объем производства. Ремесленники и купцы объединяются в корпорации. Городские коммуны начинают борьбу с феодальными сеньорами за свои права.

Хозяйственный подъем сопровождается прогрессом культуры, наивысшим со времени падения Римской империи. Создаются первые светские школы и университеты, заново открывается античная литература и расцветает любовная лирика, зарождается готическая архитектурная система. Неотесанные «воины Христа» вплотную соприкасаются с утонченной культурой ислама.

«Ренессанс XII в.» был связан с ростом церковного и монастырского строительства. «Франция покрывается белой ризой церковей»⁹. Растет спрос на литургическую утварь. Привозимые крестоносцами и левантскими купцами произведения мусульманского Востока (ткани, керамика, изделия резной кости и т. д.) стимулировали развитие собственного производства, формировали вкусы духовной и светской знати.

Во второй половине XII в. художественное ремесло Западной Европы достигает апогея¹⁰. Оно становится доходным и почетным занятием, постепенно переходя из монастырей в руки светских городских ремесленников. На рубеже XII—XIII вв. параллельно с прогрессом техники во многих центрах Германии и Франции организуется массовый выпуск литургической и светской утвари, рассчитан-

ный на широкий сбыт. От работы на заказ ремесленники переходят к работе на рынок¹¹. Прежде всего их продукция поступает на местные рынки, где работали мастера разных специальностей.

В стихотворном романе «Персеваль» Кретьена де Труа (вторая половина XII в.) ярко изображена картина быта богатого торгового города на севере Франции:

Зашел в торговый он квартал:
Столы банкиров и менял
Блестят, монетами покрыты,
Народом улицы забиты,
Ремесленников много тут;
Торошится рабочий люд:
Ружейники куют мечи,
Там — сукновалы, здесь — ткачи,
А золотых дел мастера
Из золота и серебра
Чеканят чаши, кубки. Дале
Лежат изделия из эмали,
Застежки, кольца, пояса —
Куда ни глянешь — чудеса!¹²

С начала XIII в. становится массовым производство изделий из металла¹³. Бронзовые чаши «торговых» типов из района Мааса — нижнего Рейна датируются рубежом XII—XIII вв. (подтип II-б) или первой половиной XIII в. (тип III). С XIII в. начинает вывозить мелкую бронзовую утварь Нижняя Саксония. Тогда же стала фабриковаться в расчете на массового покупателя продукция лиможских эмальеров.

Рост международной торговли, совершенствование сухопутного и водного транспорта, возникновение новых торговых путей способствовали передвижению вещей. Развитие русской торговли с Западом в XII — первой половине XIII в. шло по восходящей линии (возникновение в XII в. иноземных купеческих дворов в Новгороде, появление первых русско-немецких торговых договоров)¹⁴. С середины XII в. на русские земли начинает энергично проникать и католическое духовенство¹⁵.

После татаро-монгольского нашествия, во второй половине XIII в., связи Руси с Западом, хотя и сократились, но не замерли окончательно. Плано Карпини, прибыв в 1246 г. в Киев, пришедший в упадок после татарского разгрома, встретил здесь многих купцов из Австрии и Польши. По дороге из Южной Польши в Киев он ехал вместе с бреславльскими торговцами¹⁶. Во второй половине XIII в. немецкие купцы из Риги посещают Владимиро-Суздальскую

¹¹ Растущие потребности художественного ремесла значительно превышали запасы благородных металлов. В XII—XIII вв. металлическую утварь, украшенную эмалью и самоцветными камнями, изготавливали в основном из меди и бронзы (К. Верман, 1896, стр. 274). Золото и серебро шли на уникальные изделия. Из 73 привозных предметов из металла XII—XIII вв. 4 изготовлен из золота, 9 — из серебра, остальные — бронзовые и медные. Подобное соотношение частично объясняется и позднейшей переплавкой серебряных вещей.

¹² П. Декс, 1962, стр. 88.

¹³ Процесс увеличения и некоторой стандартизации удешевленной продукции на протяжении XII — начала XIII в. происходит и в древнерусском городском ремесле (Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 278, 433, 521, 780).

¹⁴ В. М. Потин, 1961а, стр. 103—109.

¹⁵ Б. Я. Рамм, 1959, стр. 81.

¹⁶ Иоанн де Плано Карпини, стр. 62.

⁷ В. Л. Янин, 1956, стр. 156—157; В. М. Потин, 1961б, стр. 124.

⁸ N. Bauer, 1930, стр. 239.

⁹ M. Aubert, 1947, стр. 24.

¹⁰ Расцвет древнерусского городского ремесла наступает также около середины XII в. (Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 432.)

Русь¹⁷. В то же время на Русь экспортируются лиможские эмали.

Судя по находкам предметов импорта, главными поставщиками художественной утвари в Восточную Европу во второй половине XII—XIII вв. были Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия (25 вещей) и Нижняя Саксония (13); на третьем месте по числу предметов импорта (8) стоит Лимож (см. стр. 61, II; табл. 28, II).

В наиболее экономически развитых областях по Маасу, Рейну, Везеру и Эльбе были сосредоточены основные центры художественной промышленности: Льеж, Динан, Гюи, Аахен, Кельн, Минден, Гильдесгейм, Магдебург и др.¹⁸

Из лотарингских, прирейнских и саксонских городов, находившихся на скрещении важнейших путей сообщения, светская и литургическая утварь (чеканные золотые и серебряные сосуды, полихромные выемчатые эмали, акваманилы, алтарные подсвечники и кресты, бронзовые чаши, костяные ларцы и шашки) распространялась в Англию, Францию (где литейщиков меди даже называли «динанцами»), Южную Германию, Скандинавию, Чехию, Венгрию, Польшу, Юго-Восточную Прибалтику и Русь (табл. 29, II; 30, I, II; 31, I, II).

Произведения Франции, Лотарингии и Саксонии попадали в Восточную Европу как в результате прямых связей (табл. 28, II), так и транзитным путем, через страны-посредники.

С Францией — родиной лиможских эмалей, серебряных с чернью чаш, костяных ларцов для реликвий, украшенных фигурками святых, и, возможно, некоторых бронзовых подсвечников — Русь уже с XI в. наладила политические связи (брак французского короля Генриха I с дочерью Ярослава Анной). Русь посещали западные путешественники, бывавшие и во Франции (Вениамин Тудельский, раввин Петтахия из Регенсбурга)¹⁹, а евреи русского происхождения добирались до Альбиона. В рукописи Моисея бен Исаака Насиа из Англии (1170—1215 гг.) упоминается некий еврей Ица из Чернигова²⁰. Плано Карпини — папский посол к великому хану монголов — начал свой путь в Лионе (1245 г.), а золотых дел мастер Вильгельм, встреченный Рубруком в ставке хана Мункэ в Каракуме, оказался родом из Парижа²¹. В XII в. в Киеве жил рабби Моисей, обучавшийся во Франции. Он выполнял роль посредника между западными и багдадскими евреями²². Многие французские романы и поэмы XII—XIII вв. впитали рассказы путешествовавших по Руси. С поразительной точностью описан маршрут в эту страну. Герой романа XIII в.

¹⁷ Ю. А. Лимонов, 1961, стр. 62.

¹⁸ Сравнение состава художественного импорта XII—XIII вв. с составом древнерусских кладов западноевропейского денария конца X—XI в. выявляет различие их происхождения. Основными экспортёрами монетного серебра были Северная Германия и Англия — страны, где добывалось наибольшее количество этого металла (В. М. Потин, 1961б, стр. 41). Уровень художественного ремесла от запасов серебра не зависел, тем более в XII—XIII вв., когда доминировала бронзовая утварь.

¹⁹ G. Lozinskij, 1929, стр. 77—78.

²⁰ J. Brutzkus, 1943, стр. 37.

²¹ Вильгельм де Рубрук, стр. 122 и сл.

²² J. Brutzkus, 1943, стр. 40.

Клеомад в поисках прекрасной Кларимонды побывал в Англии, прошел Францию, Тюрингию, Баварию, Богемию, Венгрию, Польшу и достиг Руси²³. В chansons de geste неоднократно упоминаются шелковые ткани (восточно-византийского происхождения) и собольи меха — предметы русской торговли²⁴. Упомянута «кольчуга, сделанная в России»²⁵.

Как свидетельствуют письменные источники, с Русью торговали лотарингские и рейнские города. Рабби Исаак бен Эшер, который жил в Шпейере в XI в., сообщает, что участники торговли с Русью при покупке товаров объединялись в компанию. Рабби Йойль в Лутире (Лотарингия) слушал рассказ своего отца, как тот со своими компаньонами вернулись из Руси и разделили свой товар по жребию. В 1181 г. богатый еврейский купец Вениамин из Владимира пришел в Кельн по коммерческим делам²⁶. В постановлении 1259 г. кельнского архиепископа Конрада говорится, что в Кельн, кроме западных товаров, привозят различные меха, в том числе собольи. В документе упоминаются купцы из различных областей Германии, Венгрии, Чехии и «других расположенных на Востоке стран»²⁷. Кельнский купец — герой произведения Рудольфа «Добрый Герхард» — совершает торговую поездку в Новгород²⁸. При раскопках в нижнем горизонте культурного слоя Зарядья в Москве была найдена свиноварная товарная пломба XII в. с епископским гербом — посохом и перчаткой. Такие гербы имели города по Рейну и верхнему Дунаю: Кельн, Майнц, Хур и Эйхштедт²⁹. Аналогичная пломба найдена в Новгороде³⁰.

Активное участие в немецко-русских сношениях принимали города Вестфалии и Нижней Саксонии. В Гильдесгейме — средоточии бронзолитейного искусства — бывали новгородцы. В Повести о канонизации и чудесах св. Годегарда Гильдесгеймского (написана после 1132 г.) включен рассказ о пилигримах, возвращавшихся из Руси мимо Гильдесгейма³¹. В договоре Смоленска с Ригю и Готским берегом (1229 г.) упоминаются представители Дормунда и Мюнстера. Из грамоты 1165 г. кельнского архиепископа Райнальда известно, что торговлю на Руси вели граждане Мербаха (Медебаха) в Вестфалии³². Община саксонских купцов к началу 60-х годов XII в. прочно обосновалась в Висби на

²³ G. Lozinskij, 1929, стр. 74—75.

²⁴ По мнению В. Г. Васильевского, русские меха попадали во Францию через посредство немецких купцов (В. Г. Васильевский, 1888, стр. 141).

²⁵ G. Lozinskij, 1929, стр. 264.

²⁶ J. Brutzkus, 1943, стр. 37—38.

²⁷ В. М. Потин, 1963, стр. 66. Связи Руси с Рейном прослеживаются уже в X—XI вв. (мечи с клеймом «Ульфберт»). Монеты кельнского чекана обильно представлены в древнерусских кладах первой половины XI в. (В. Л. Янин, 1956, стр. 156; В. М. Потин, 1961а, стр. 90).

²⁸ В. М. Потин, 1961а, стр. 97.

²⁹ М. Г. Григорьев, 1953, стр. 354.

³⁰ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXXI, I.

³¹ С этим рассказом Б. А. Рыбаков связывает появление в ризнице собора Годегарда в Гильдесгейме новгородского креста-«мошевики» XII в. (Б. А. Рыбаков, 1951а, стр. 346).

³² М. Н. Бережков, 1879, стр. 67.

острове Готланде, куда ездили ливы, эсты и жители Новгорода³³. Купцы, рыцари и духовенство Саксонии и Вестфалии составляли оплот колонизации Восточной Прибалтики.

Картографирование предметов импорта XII—XIII вв.³⁴ позволяет установить направление главных путей сообщения, пересекавших средневековую Европу с запада на восток (табл. 29, II; 30, I, II; 31, I, II; 32, I). По этим сухопутным и водным трассам двигались торговые караваны и дипломатические посольства, военные отряды и паломники к святым местам. Ремесленные центры Лотарингии, Рейна и Саксонии были связаны со странами Средней и Восточной Европы тремя магистралями (табл. 29, I). Их имеет в виду средневековый поэт, определяя положение Маастрихта: «Открытая для всех дорога из Англии в Венгрию через Кельн и через Тонгр и одновременно из Саксонии во Францию, а для кораблей, перевозящих товары, — в Данию и в Норвегию. Здесь скрещиваются все пути»³⁵.

Дунайский путь связывал Западную Европу с Причерноморьем. От городов на Маасе и Рейне он вел вверх по Майну или Неккару в Южную Германию — к верховьям Дуная (табл. 29, I). Крупнейшую роль в политических и торговых сношениях Запада и Востока в XI—XII вв. играл Регенсбург — исходный пункт дорог в Чехию, Польшу, Венгрию и Русь. Разноязычные купцы и ирландские монахи Регенсбурга, где в XII в. существовала особая корпорация «рузариев» — купцов, торговавших с Русью, — могли быть посредниками при передаче на восток произведений романского искусства: лотарингских, вестфальских и саксонских водолеев и подсвечников (табл. 29, II; 30, I), бронзовых чаш (табл. 30, II; 31, I), эмалей Лиможа (табл. 32, II). Непосредственно из Баварии на Русь попадали некоторые изделия резной кости (пластинка ларца из Плиснеска, стержень, украшенный головой льва-антропофага, из Остерского музея; табл. 24, I—3; 25, 5). В грамоте 1192 г., полученной Регенсбургом от герцога Леопольда Добродетельного, упоминаются ткани, ввозимые в Австрию из Кельна³⁶. На ярмарку Энса в Штирии (ниже по Дунаю) съезжались купцы из Регенсбурга, Ульма, Аахена, Кельна и Маастрихта. Из Энса в конце XII в. ходили на Русь торговые караваны³⁷. Имеются сведения о пребывании в Киеве купцов из Вены³⁸.

Из Регенсбурга путь на восток направлялся вниз по течению до Раффельштеттена, где разветвлялся надвое. Одна дорога шла вдоль Дуная, другая поворачивала на север (к Праге) и вела на восток через Чехию и Южную Польшу (табл. 29, I). Дунайский путь через Вену приводил в Венгрию, где оседала значительная часть предметов романского импорта (табл. 29, II; 30, I; 32, II). Многие из них, вероятно, попадали вместе с потоком пере-

селенцев бельгийского и нижненемецкого происхождения (Фландрия, средний и нижний Рейн, Саксония), которые стремились заселить запустевшие местности. Переселения немцев в Венгрию происходили во второй половине XII—XIII в.³⁹ В ставке хана Мункэ в Каракоруме Рубрук встретил пленников из Венгрии: парижского ювелира Вильгельма, его жену — дочь уроженца Лотарингии — и женщину из Метца (Лотарингия). В Кошшо (Венгрия) попал гильдесгеймский акваманил XIII в. в виде кентавра. Из 34 бронзовых ажурных дисков с тератологической орнаментацией (подвешены к конской сбруе), которые в XII—XIII вв. изготавливались в Средней Германии, 13 экземпляров обнаружено в Венгрии⁴⁰, один — в Киеве (табл. 11, 4). С середины XIII в. в Венгрию в большом количестве ввозится лиможская литургическая утварь. Здесь найдено около 50 пластинок и рельефных фигурок от «торговых» крестов Лиможа второй половины XIII в., тогда как в Богемии — только три (табл. 32, II)⁴¹.

По-видимому, многие произведения романского искусства, в частности продукция Лиможа, предметы конского снаряжения, доставлялись в Южную Русь транзитом из Венгрии. Это подтверждает находка на нижнем Днепре бронзовой фигурки Христа — венгерского подражания второй половины XIII в. лиможскому распятию (табл. 11, 5). Как известно, из Венгрии Даниил Галицкий доставил в Холм «чашю... мрамора багряна, изваяну мудростью чудну, и змееви главы беша округ ея»⁴² — видимо, крестильную купель, изваянную в романском стиле. В XII—XIII вв. в Эстергом (Остригом), столицу Венгрии, и Пешт приходили купцы из Руси (Остригомский таможенный устав 1288 г.)⁴³. Из Эстергома путь шел на Мукачево и через «Русские ворота» в северных Карпатах достигал Галича (табл. 29, I)⁴⁴. Около 1231—1232 гг. венгерские доминиканцы отправляли миссионеров на восток — искать язычников-венгров. В 1235 г. по их следам двинулся из Венгрии доминиканский миссионер брат Юлиан, возвратившийся на родину через русские княжества (1236 г.)⁴⁵.

Большая группа предметов французско-немецкого экспорта (водолей и подсвечники, бронзовые чаши типа III, эмалы Лиможа) локализуется вдоль важнейшего международного пути из Регенсбурга на Прагу, затем через Бреславль, Ополе, Бытом на Краков и далее через Завихост, Владимир Волынский и Луцк на Киев (табл. 29, I, II; 30, I; 31, I; 32, II)⁴⁶. Находки довольно равномерно распределяются по всей трассе от Кельна до Киева, концентрируясь в крупных торгово-ремесленных цент-

³³ К. Грот, 1889, стр. 47 и сл.

³⁴ E. Nickel, 1963.

³⁵ E. Kovács, 1961, стр. 163.

³⁶ ПСРЛ, т. II, 1908, ст. 845—846.

³⁷ В. Г. Васильевский, 1888, стр. 148—149.

³⁸ Н. Л. Рубинштейн, 1925, стр. 127. Вальгар, герой французской поэмы середины XII в., из Дании прибывает на Русь, быстро пересекает ее и достигает Венгрии. В одной из версий поэмы «Boeve de Hamtone» героя покупают в Венгрии купцы из России (G. Lozinskij, 1929, стр. 74, 77).

³⁹ С. А. Аннинский, 1940.

⁴⁰ О маршруте этого пути см.: St. Weymann, 1938.

³³ П. А. Стафодубец, 1948, стр. 93.

³⁴ При составлении карт учитывались только те группы вещей, которые представлены значительным числом экземпляров.

³⁵ А. Пиренн, 1937, прим. 2 на стр. 177.

³⁶ В. Г. Васильевский, 1888, стр. 144.

³⁷ Там же, стр. 142—143.

³⁸ М. В. Довнар-Запольский, 1911, стр. 109.

рах и монастырях (Регенсбург, Прага, Вроцлав, Краков и др.). Вероятно, часть романской художественной утвари попала на Русь транзитным путем, в результате связей южнорусских княжеств с Чехией и Польшей.

Дорога из Баварии в Прагу и через Южную Польшу на Русь, хорошо известная источникам XII—XIII вв., действовала уже в X—XI вв. (сообщения Ибрагима ибн Якуба и польского хрониста Мартина Галла). В. Н. Татищев упоминает об ограблении ляхами русских купцов, ехавших из Моравии (1129 г.)⁴⁷. Трансконтинентальная дорога Регенсбург—Киев лежала в системе коммуникаций, которые в XII в. связывали промышленные города Запада (Кельн, Майнц, Аугсбург, Регенсбург и др.) с мировыми центрами Востока: Самаркандом, Багдадом и городами Китая⁴⁸. По этому пути шли великие путешественники средневековья, направлявшиеся в восточные страны. Плано Карпини проехал Германию, Богемию, Силезию и через Краков и Владимир Волинский прибыл в Киев (1246 г.). До Киева, как уже упоминалось, его сопровождали бреславльские купцы: несколько позже туда добрались торговцы из Австрии и Польши⁴⁹. Около 1175 г. маршрут на Ближний Восток (в Багдад) был описан богатым еврейским купцом рабби Петтахией Регенсбургским. Он отправился из Праги (Богемия) в Польшу, из Польши — в Киев, откуда шесть дней плыл по Днепру через половецкие земли⁵⁰.

«Магдебургский» путь связывал Кельн с Магдебургом и продолжался мимо подножия горных массивов Центральной Европы на восток — в Польшу (Познань, Гнезно, Плоцк) и Повисленье (табл. 29, I; 30, I; 31, I; 32, II). Конечным пунктом дороги на западе был Брюгге⁵¹. Вдоль этого пути локализуется другая, не столь многочисленная группа предметов ввоза (лиможские эмали, произведения саксонского литья, литургические чаши Рейна — Вестфалии). Эта коммуникация соединялась с системой Дуная бассейнами рек Везера, Эльбы (из Магдебурга по Эльбе шла дорога в Богемию), Одера и Вислы. Вдоль этих рек и их притоков часто находят предметы ввоза с запада (табл. 29, II; 30, I, II; 31, I). Через Магдебург распространялась на восток продукция нижнесаксонских литейщиков (табл. 30, I), тогда как Лотарингия была теснее связана с рейнско-дунайским направлением (табл. 29, II).

Прибалтийский путь шел вдоль южного и восточного побережья Балтики. Произведения нижнесаксонских мастеров по металлу и бронзовые чаши среднего Рейна — Вестфалии проникали этим путем в Данию, Южную Норвегию, Швецию, на Готланд, в польское Поморье, Самбию, на земли ливов и эстов вплоть до Новгорода на востоке

⁴⁷ В. Г. Васильевский, 1888, стр. 137.

⁴⁸ Марко Поло упоминает об особых постоянных дворах в Пекине для немцев, французов и ломбардцев (Р. Хенниг, 1962, стр. 48). Вильгельм Рубрук был знаком с рыцарем Балдуином из Эно (Фландрия), который еще до него побывал в Каракоруме.

⁴⁹ Иоанн де Плано Карпини, стр. 62.

⁵⁰ J. Brutzkus, 1943.

⁵¹ N. L. Vaker, 1938, стр. 12.

(табл. 30, I, II; 31, I, II). Доминирующую роль в прибалтийской морской торговле XII—XIII вв. играли центры Вестфалии и Саксонии и северо-германские портовые города Любек (основан в 1158 г.), Бремен, Гамбург. В XIII в. эти города, связывавшие богатую Фландрию и Рейнскую область с балтийскими землями, объединяются в Ганзейский союз. Посредником в торговле Германии с Восточной Прибалтикой и Северо-Западной Русью выступают старые западнославянские города Поморья (Щетин, Волин, Колобжег, Гданьск)⁵² и г. Висби на Готланде, где вестфальцы составляли большинство купечества⁵³. Концентрация находок предметов импорта вблизи этих городов (табл. 29, II; 30, I, II; 31, I, II; 32, I) подтверждает их важное значение в торговом обороте. Через Готланд и древние западнославянские города Поморья произведения прикладного искусства Германии попадали в Ригу и Эстонию, а по бассейнам Эльбы, Одера и Вислы проникали в глубь материка. Судя по записям долговой книги, которая велась в Риге с конца XIII в., туда приезжали купцы с Готланда, из Германии, Фландрии, Англии и Швеции⁵⁴. Рига была опорным пунктом немецкой торговли. Здесь найдено много привозных бронзовых чаш (табл. 35, I), отсюда художественная утварь Германии попадала в Новгород, Полоцк и Смоленск. В Смоленском договоре 1229 г. перечисляются купцы Готланда, Любека, Сеста, Дортмунда, Мюнстера, Гронингена и Бремена⁵⁵. С середины XII в. в Новгороде обосновалась колония готландских купцов, а в конце столетия появился немецкий двор с церковью св. Петра.

Топография находок привозных изделий на Руси и в Восточной Прибалтике (см. стр. 62, III) соответствует рассмотренным выше магистралям Центральной Европы: дунайской, «магдебургской» и прибалтийской. Импортные вещи сосредоточены вдоль дорог, которые продолжают эти коммуникации на восток (табл. 33).

Путь из Регенсбурга (через Венгрию на Галицию или через Богемию на Владимир) приводил в Киев⁵⁶. Дорога из Киева на Владимир Волинский, по которой в 1240—1241 гг. прошли войски Батые, отмечена непрерывной цепью находок импортных вещей: в Галиче, Владимире, Плиснеске, Изяславле, Городеске, Белгороде (табл. 34). В большом количестве они концентрируются в Киеве, куда «от всех дальних многих царств стипахуся всяко челоуецы и купцы», и южнее — в Поросы «Греческим» путем — из Киева вниз по Днепру — произведения романского искусства проникали в крымские города — Херсонес и Сурож⁵⁷. Друга

⁵² Крупная роль этих западнославянских городов в средневековой торговле Прибалтики X—XI вв. аргументирована в статье В. М. Потина (1961).

⁵³ М. Н. Бережков, 1878, стр. 68.

⁵⁴ М. Н. Бережков, 1877, стр. 331.

⁵⁵ М. Н. Бережков, 1878, стр. 68.

⁵⁶ Может быть, именно этот путь русские былины называют «большой дорогой латинской».

⁵⁷ По известию первой половины XIII в., в Херсонесе и Суроже были целые колонии русских купцов (М. Грушевский, 1891, стр. 390). Западные евреи, посещавшие Киев, заезжали и в Крым. По днепровскому пути евреи Киева поддерживали связи с Багдадом (J. Brutzkus, 1943).

дорога в Причерноморье непосредственно из Галицкого княжества шла вниз по Днестру⁵⁸. На Днестре, ниже Галича, найден саксонский водолей XIII в. в виде бюста мужчины (табл. 7, 7, 8).

Значительные скопления предметов западноевропейского импорта находим в городах, лежащих на пути из Киева вверх по Десне на Угру и верхнюю Оку — в Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества: Остерский Городец, Чернигов, Вщиж, Рязань, Владимир, Ростов Ярославский (табл. 33). Из Ростово-Суздальской земли по волжскому пути плыли в Волжскую Болгарию и спускались в низовья Волги (лотарингский водолей второй половины XII в. из-под Пензы, костяная статуэтка льва из Увека (табл. 7, 1; 24, 8)). Судя по топографии кладов куфических монет, окско-деснинская система активно функционировала уже с IX в.⁵⁹ В 1236 г. из Нижнего Новгорода через Владимир, Рязань, Чернигов, Киев и Галич проследовал в Венгрию доминиканский монах Юлиан⁶⁰.

Распространению привозных вещей с юго-запада на северо-восток в направлении Галич — Владимир — Волынский — Чернигов — Рязань — Владимир-на-Клязьме соответствует внедрение со второй половины XII в. романских элементов в архитектуру и прикладное искусство этих городов (табл. 36, II).

Между Киевом и Новгородом — т. е. на значительном отрезке водного пути «из Варяг в Греки» — находки романских вещей пока не известны. Возможно, киевско-новгородская часть пути в этот период использовалась главным образом для внутренней торговли и внутренних связей⁶¹. Из Киева или Владимира-на-Клязьме могли попасть в Новгород лиможские оклады Евангелий XIII в. (табл. 23), так как произведения Лиможа достигали Руси по Дунаю. В Восточной Прибалтике они пока не найдены (табл. 32, II).

Немногочисленная группа предметов романского импорта и произведений Ближнего Востока, привезенных, по видимому, из Германии⁶², локализуется в бассейне Немана: Гродно, Волковыск, Новгородок (табл. 33, 34). Понеманье было связано с системой Вислы ее притоком Наревом и р. Бобром. Следовательно, эта серия находок располагается на восточном отрезке маршрута из Гильдесгейма и Магдебурга через земли Средней Польши в города Черной Руси. Из Среднего Приднепровья по Припяти привозные вещи, по-видимому, со второй половины XII в. на Неман не попадали. С кон-

стр. 39—40). Маршрут миссионера Бруно Кверфуртского к печенегам в 1008 г. проходил через Киев (В. Д. Корольков, 1964, стр. 213 и сл.).

⁵⁸ В числе множества владимирцев, оплакивавших смерть князя Владимира Васильковича, летопись называет «сурошцев» (ПСРЛ, т. II, 1908, ст. 920).

⁵⁹ В. Л. Янин, 1956, стр. 103—105.

⁶⁰ С. А. Аннинский, 1940.

⁶¹ С. В. Бернштейн-Коган, 1950, стр. 267. Отсутствие находок романских вещей отчасти объясняется и плохой археологической изученностью древнерусских городов на этом участке магистрали.

⁶² Средиземноморские (Сирия и Египет) стеклянные бокалы XI—XII вв. с расписным или резным орнаментом из раскопок в Новогрудке. Аналогичные сосуды хранятся в музеях Польши, Англии и др. (Ф. Д. Гуревич, 1963, стр. 52; Р. М. Джанполадян, 1961, стр. 166—171).

ца XI в. путь по Припяти на запад постепенно терял свое значение⁶³. Основная масса дрогичинских пломб датируется концом XI — первой половиной XII в. В середине XIV в. дорога ганзейских купцов с запада на восток, минуя Припять, шла из Торуня вверх по Висле (через Бобровники, Плоцк, Вышеград, Казимиж), а затем поворачивала на восток через Люблин и Холм к Владимиру (табл. 34)⁶⁴. Действительно, на Припяти и ее притоках предметы западноевропейского импорта не обнаружены. Затруднено было их проникновение и вверх по Неману, который контролировали воинственные литовские племена.

Третья локальная группа импортных изделий связана с морскими дорогами Балтики. Находки концентрируются в Риге, на северном побережье Эстонии и в Новгороде (табл. 35, I). Романские литургические чаши занесены на берега Финского залива, возможно, северогерманскими купцами, которые проводили зиму в устье одной из рек или где-нибудь на морском побережье Эстонии. Походные священники обычно сопровождали купеческие караваны⁶⁵. В Новгород романскую утварь могли доставлять по Финскому заливу — Неве — Ладожскому озеру — Волхову или через земли Ливонского ордена на Псков. Северную Эстонию с востока на запад пересекала непрерывная водная дорога, начинавшаяся от Чудского озера⁶⁶. Вдоль этого пути, на котором находились три эстонских города — Тарту, Вильянди и Пярну (Пернов), — найдено несколько романских чаш (табл. 35, I).

Произведения художественного ремесла Нижней Лотарингии, Лиможа, Баварии проникали в Восточную Европу главным образом регенбургским путем, саксонско-вестфальские вещи — прибалтийским (табл. 29, II; 30, I; 32, II). Концентрация предметов импорта вблизи путей сообщения и отсутствие их в промежуточных районах (например, между Киевом и Новгородом и вдоль Припяти) объясняется тем, что привозная утварь быстро оседала в крупных городских центрах, после чего превращалась в «недвижимое имущество». Этот вывод подтверждает топография находок бронзовых чаш типа VI, изготовлявшихся в районе польского Поморья и Самбии (табл. 32, I). Многие из них проникали в Латвию и Эстонию, достигая Приладожья, Новгорода и Белоозера (табл. 12, 5; 13, 5, 6). Но южнее Новогрудка чаши этого типа не найдены. Сфера распространения западноевропейского денария X — начала XII в. охватывает преимущественно земли Прибалтики и Северо-Западной Руси (табл. 33)⁶⁷, потому что монетное серебро, несмотря на существование пути Регенбург — Прага — Киев, экспортировалось через Балтику

⁶³ Н. Л. Рубинштейн, 1925, стр. 122.

⁶⁴ A. Szelągowski, 1909.

⁶⁵ П. А. Стародубец, 1948, стр. 94—95.

⁶⁶ С. З. Мандель, 1946, стр. 56—57.

⁶⁷ В пределах Руси наибольшее количество кладов с западноевропейскими монетами обнаружено на территории Новгородской земли (40 кладов). В Полоцкой земле найдено 5 кладов, в Смоленской — 5, в Ростово-Суздальской — 6, в Рязанской — 3, в Галицкой — 1, в Волынской — 6, в Киевской и Переяславской — 5, в Черниговской — 2 (В. М. Потин, 1961б, стр. 60—61).

(главные серебряные рудники находились в Северной Германии)⁶⁸. Таким образом, направление международных путей определяло размещение находок внутри страны-потребителя. Все же по случайным обстоятельствам предметы ввоза могли менять первоначального владельца, попадая в глубь края («вторичный импорт»).

Статистический подсчет (см. стр. 62, III) показывает, что во второй половине XII — первой половине XIII в. особенно интенсивно действовал путь Регенсбург — Киев — Чернигов — Рязань — Владимир-на-Клязьме, связывающий феодальную Русь со странами Западной Европы — Францией, Северной и Южной Германией, Италией и др. Этот вывод подкрепляет отрывочные указания письменных источников. Крупным центром торговли с Северной Германией (через Прибалтику) был также Новгород.

Особняком стоят зауральские находки: серебряные с чернью чаши из Аквитании (рубеж XII—XIII вв.) и фигурные водолеи Гильдесгейма (первая половина XIII в.) (табл. 19; 26, 1, 2). Их могли оставить в Приобье скандинавские мореходы в обмен на меха. Начиная с IX в. они неоднократно совершали плаванья в Биармию — область в бассейне Северной Двины и Печоры⁶⁹. Правда, с XIII в. норманские промышленники, вытесненные конкуренцией новгородцев, лишь изредка огибали Нордкап. Последние экспедиции норвежцев в Биармию относятся к 1217 и 1222 гг.⁷⁰ Более вероятна гипотеза, что западноевропейская утварь была занесена в этот богатый пушнинной район новгородскими землепроходцами. Не исключено, что уже в конце XI в. русские ходили за Северный Урал. По сообщению Ипатьевской летописи под 1114 г., ладожский посадник Павел и ладожане поведали о том, что «еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь» — в полунощные страны⁷¹. Древний путь в Приобье шел из Устюга по Вычегде в бассейн Печоры, а из Печоры, по ее притоку Усе, через Уральский хребет в Собь — приток Оби. Другой вариант пути из Печоры на Обь (через Щугорь — приток Печоры) выводил южнее — к Березову⁷².

* * *

Способы проникновения романского импорта на территорию Восточной Европы были очень разнообразны. В каждом случае вопрос о способах ввоза «латинской» утвари, происхождение которой установлено, следует рассматривать на фоне конкретно-исторической обстановки. Такой метод позволит, хотя бы в редких случаях, связать этот ввоз с определенными событиями, известными по письменным источникам.

Произведения художественного ремесла могли быть объектом торговли, т. е. товаром, и поставаться «латинскими» гостями или монахами, кото-

рые часто оказывались в роли купцов⁷³. Характер работы на экспорт с XIII в. носило производство лиможских эмалей, металлической утвари Лотарингии и Нижней Саксонии. Тогда же общеевропейскую известность снискал ганзейский город Динан, откуда вывозили изделия из бронзы. Ввоз немецких серебряных сосудов в числе других товаров засвидетельствован договором Смоленска с Ригою и Готским берегом (1229 г.): «Аже Латинский купить суды серебряные, дати ему весцю от гривны серебра по ногате Смоленской. Аже продасть, не дати (ему) ничего же»⁷⁴. В XIV в. ганзейские купцы Северной Германии начинают экспортировать в Новгород цветные металлы в виде старой посуды: котлов, оловянных кружек, кубков и т. д.⁷⁵ При недостатке монеты драгоценную утварь использовали как средство платежа⁷⁶. Изредка ее могли приобретать (например, в обмен на меха) русские гости, ездившие в Германию, Венгрию, Польшу, Данию, Швецию, на остров Готланд. Как воспоминание о далеких странах, где они побывали, русские люди увозили заморские диковинки.

Приток произведений романского прикладного искусства не стал массовым ввиду сильной конкуренции древнерусского ремесла.

С X в. «латинские» сосуды входили в состав посольских и свадебных даров. В условиях раннефеодального общества обмен подарками по существу не отличался от меновой торговли: даритель обычно получал компенсацию⁷⁷. С XI в. Киевская Русь установила тесные политические отношения с феодальными дворами Германии, Франции, папской курией, откуда с богатыми подарками прибывали дипломатические посольства⁷⁸. Обильно снабжались литургической утварью католические миссии. Папский посол к монгольскому хану Вильгельм де Рубрук вез с собой богослужебные книги — Библию, псалтырь, драгоценные церковные облачения, крест с изображением Христа, серебряные сосуды, в том числе курильницу и корбочку со святым миром⁷⁹. Привозили произведения романского искусства и «латиняне», жившие на Руси, в частности священники, служившие в католических храмах.

Романскую утварь переносили из страны в страну странствующие артели мастеров-строителей, скульпторов и ювелиров. Вместе с «мастерами всякими»

⁷³ Специальные мастерские при монастырях, в том числе при обители св. Эммерама в Регенсбурге, фабриковали мелкую церковную утварь.

⁷⁴ Памятники русского права, вып. 2, стр. 66.

⁷⁵ А. Л. Хорошкевич, 1963, стр. 312—313.

⁷⁶ Прелат Иоанн, избранный в 1190 г. трирским архиепископом, взял под залог золотые вещи из соборной церкви, чтобы заплатить за паллиум. (A. Dorsch, 1930, стр. 16. Цит. по: В. М. Потин, 1961б, стр. 263).

⁷⁷ J. Zak, 1962.

⁷⁸ «Златом и сребром», «паволоками и сосудами разными» одарил княгиню Ольгу византийский император (ПСРЛ, т. 4, вып. 1, 1926, ст. 61). Как сообщает немецкий летописец Ламберт Герсфельдский, в январе 1075 г. «прибыл в Майнц и явился к нему (императору.— В. Д.) король русских по имени Дмитрий (Изяслав Ярославич.— В. Д.), принося ему неценные богатства в золотых и серебряных сосудах и чрезвычайно дорогих одеждах» (Б. Я. Рамм, 1957, стр. 63).

⁷⁹ Вильгельм де Рубрук, 1911, стр. 89 и сл.

⁶⁸ В. М. Потин, 1961б, стр. 67 и сл.

⁶⁹ Р. Хейниг, 1961, стр. 221—222.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПСРЛ, т. II, вып. 1, 1923, ст. 274.

⁷² Л. С. Берг, 1946, стр. 68—69.

вероятно, попали во Владимир кельнский башенный реликварий 60-х годов XII в. (табл. 15; 16) и крест или реликварий (табл. 21) работы знаменитого валлонского ювелира Годфруа де Клера (между 1150 и 1160 гг.).

Пластинка лотарингской эмали с изображением жнеца (середина XII в.) найдена под Рязанью (табл. 21, 2).

Датировка этих уникальных произведений соответствует тому времени, когда Андрей Боголюбский призвал для застройки Владимира мастеров «изо всех земель» (1160 г.)⁸⁰. Боголюбский замок начали строить в 1158 г., Успенский собор во Владимире был возведен в 1158—1160 гг., церковь Покрова на Нерли — в 1165 г.

По свидетельству В. Н. Татищева, зодчие были присланы от германского императора Фридриха I Барбароссы⁸¹. Близость планировки ансамбля боголюбовского дворца и феодальных замков времени Барбароссы, расположенных между Рейном и Эльбой, сходство архитектурных деталей в памятниках по Рейну и во владимирских постройках 1158—1165 гг.⁸² приводят к заключению, что пришедшие мастера были выходцами из прилегающих к Рейну областей (Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия). С берегов Рейна и Мааса они принесли в Северо-Восточную Русь (возможно, по заказу князя Андрея) произведения прославленных ювелиров своей страны, которые украсили интерьеры владимирских храмов⁸³. Кроме Владимира и Рязани, где, вероятно, также работали романские камнерезы⁸⁴, лотарингские эмали на Руси не найдены.

Произведения западноевропейского ремесла попадали на восток в качестве военной добычи, дани или выкупа. Из разграбленной новгородцами и карелами в 1187 г. шведской столицы Сигтуны, очевидно, были увезены магдебургские врата Софийского собора. Военным трофеем можно считать и «немецкие» ворота Галича. В 1203 г. язычники-восты с острова Эзеля, приплыв в Листрию — область Датского королевства, — сожгли там церковь, похитили колокола и церковное имущество⁸⁵. Захваченные немцами территории в Восточной Прибалтике в первой половине XIII в. постоянно подвергались нападениям литовских отрядов, сжигавших приходские церкви и расхищавших литургическую утварь⁸⁶. Так мог очутиться на языческом капище в Кернове (Литва) гильдесгеймский подсвечник первой половины XIII в., поддерживаемый бронзовыми фигурками, олицетворяющими райские реки (табл. 9, 1, 2).

В Восточную Прибалтику произведения романского искусства попадали в процессе колонизации

⁸⁰ ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, ст. 351.

⁸¹ Н. Н. Воронин, 1961, стр. 330—331.

⁸² Там же, стр. 332—334.

⁸³ Кельнский реликварий мог попасть во Владимир между 1158—1160 (постройка Успенского собора) и 1175 г. (летописное упоминание об иерусалимах), т. е. примерно в 60-е годы XII в., сразу же после изготовления.

⁸⁴ Из Старой Рязани происходит скульптурный фрагмент в виде мужской головы романского стиля (А. Л. Монгайт, 1955, стр. 95—96, рис. 65).

⁸⁵ Генрих Латвийский, стр. 83.

⁸⁶ Е. В. Чешихин, 1884, стр. 305—306.

этого края, вместе с потоком немецких рыцарей, священников и купцов. На землях христианизирующихся ливов, летов и эстов немецкое духовенство усиленно возводило церкви. Утварь для их убранства на первых порах ввозили на кораблях из Германии. Целям наглядной пропаганды новой религии могли служить бронзовые чаши с аллегорическими изображениями христианских добродетелей и грехов, которые доставляли в Ливонию в начале XIII в. Возможно, они предназначались для святой воды.

Дата предметов западного импорта в Прибалтике (литургические чаши, водолеи, ларцы-реликварии с резными фигурками святых и т. д.) — рубеж XII—XIII — первая треть XIII в. — совпадает с усилением экспансии крестоносцев в Восточной Прибалтике, с начальным этапом колонизации края (Рига основана в 1201 г.). Привозные вещи вышли из мастерских среднего Рейна, Вестфалии и Нижней Саксонии, т. е. из тех областей Германии, откуда направлялся колонизационный поток. Большинство членов Ордена меченосцев составляли нижнесаксонцы и вестфальцы. Немецкая церковь Ливонии находилась в зависимости от магдебургского архиепископа⁸⁷. Показательно, что на территорию враждебной Ордену Литвы, сохранившей свою независимость, западноевропейские вещи попадали значительно реже.

По-разному, иногда причудливо, складывалась судьба «латинских» вещей, занесенных на восток (см. стр. 62, IV). Часть привозной утвари оседала в сокровищницах князей и бояр, употреблялась в придворном быту. Некоторые предметы импорта проникали в торгово-ремесленную среду замкнутых горожан. На территории загородной княжеской усадьбы в Чернигове была найдена лотарингская золотая крышка с изображением подвигов Геракла (табл. 18). Из жилища знатного лица в Киеве происходит накладка лиможского ларца первой половины XIII в. (табл. 22, 3). Серебряная чаша — кельнская даровосица первой трети XIII в. (табл. 17, 4) — сопровождала в «иной мир» военного вождя, похороненного вместе с конем в кургане возле Таганчи в Поросье. Обитатели средневекового дома в Херсонесе пользовались бронзовой чашей рейнской работы рубежа XII—XIII вв. (табл. 13, 1). На усадьбе новгородских посадников найдена костяная накладка рукояти кинжала (?) с изображением конных рыцарей (табл. 25, 4). Это произведение парижских косторезов первой четверти XIV в. могло принадлежать посаднику Варфоломею Юрьевичу, который с 1316 по 1342 г. представлял в посадничестве Неревский конец⁸⁸.

Другая часть предметов литургического обихода поступала в православные церкви и монастыри, где использовалась по назначению (например, колокола). Французский (?) канделябр входил в убранство интерьера храма XI в. в Переяславле Южном (табл. 10, 4—8). Два алтарных подсвечника XII—XIII вв. — лиможский и вестфальский (табл. 8, 1—3; 22, 4, 5) — обнаружены в алтарной части церкви

⁸⁷ Генрих Латвийский.

⁸⁸ В. Л. Янин, 1962, стр. 179 и сл.

во Вщиже. Многие произведения западноевропейского искусства XII—XIII вв. продолжали храниться в монастырских и церковных ризницах вплоть до Октябрьской революции. Позднее они поступили в местные музеи (сион московского Успенского собора, эмалевые накладки работы Годфруа де Клера из Успенского собора во Владимире, дарохранительница в форме голубя из суздальского собора, водолей в виде всадника из Коложской церкви в Гродно, ларец-реликварий из ризницы Софийского собора в Новгороде, колокол, лиможские оклады Евангелий и итальянская серебряная ложечка из новгородского Антониева монастыря). Часть «латинских» предметов роскоши поступала в монастыри в виде вклада или вотивного дара. Литургическая утварь для католических церквей, которые в XII—XIII вв. существовали в Киеве (доминиканский монастырь девы Марии первой половины XIII в.)⁸⁹, Переяславле («лядская божница», 1154 г.)⁹⁰, Новгороде (церковь св. Петра при немецком купеческом дворе, с 1184 г.; готландская церковь св. Олафа, с конца XII в.)⁹¹, очевидно, ввозилась с Запада.

В Польше, Чехии, Венгрии произведения прикладного искусства Франции и Германии также концентрируются в крупных городах — Эстергоме, Пеште, Праге, Кракове, Гнезно, Вроцлаве — или вблизи них.

Каких-либо ограничений в употреблении «латинских» сосудов, которые русские православные проповедники второй половины XI — первой четверти XII в. считали «нечистыми»⁹², во второй половине XII — первой половине XIII в., по-видимому, не существовало. Свидетельствует об этом их широкое распространение.

На Руси очень бережно сохраняли произведения средневековых художников Запада, не всегда верно поняты, но неизменно привлекающие внимание. При поломке их чинили (бронзовые чаши, костяное навершие из Волковыска — табл. 24, 4—7), иногда дополнительно орнаментировали (рисунок птицы в плетенке на кельнской статуэтке льва из Киева — табл. 26, 3) или снабжали русскими граффити (южноитальянская серебряная чаша XII в. из киевского клада). На новом месте вещи зачастую меняли назначение. Продырявленная костяная шашка превращалась в подвеску (табл. 25, 1), серебряные дароносицы становились пиршественными чашами, костяные ларцы для хранения реликвий и мощей святых — шкатулками для драгоценностей знатных женщин.

Во время татаро-монгольского нашествия многие предметы импорта как большая материальная

ценность были зарыты в землю вместе с древнерусскими золотыми и серебряными украшениями. В составе киевских кладов найдены нижнесаксонский бронзовый водолей в виде барана (Большая Житомирская ул., 1880 г.), южноитальянская чаша и серебряная дарохранительница, изготовленная в Аахене или Кельне (усадебная Ю. Чайковского, 1876 г.). Вероятно, незадолго до гибели княжеской усадьбы при разгроме татарами Чернигова вместе с другими драгоценностями была спрятана золотая крышка лотарингской дарохранительницы (табл. 6, 1; 17, 1—3; 18).

Вещи далеких стран становились поживой степняков, разорявших города и грабивших купеческие караваны. Рубрук подробно рассказывает, как у него в ставке сына Батгя, Сартаха, были изъяты церковные книги, одежда и сосуды. У с. Кочетка на Донце, в зоне половецких кочевий, найден гильдесгеймский акваманил первой половины XIII в. в виде конного рыцаря (табл. 6, 7, 8).

После разрушения Киева татарами связи Южной Руси с Западом, столь интенсивные накануне нашествия, оказались подорванными. Окончательно изменилось и направление связей Западной Европы с государствами Азии. Во главе средиземноморской торговли с Ближним Востоком стали Генуя и Венеция. Ганза контролировала торговлю Прибалтики. Движение по трансконтинентальной дороге из Южной Германии через Польшу на Русь замерло. В XIV в. установлению непосредственных связей Западной Европы с Северо-Восточной Русью препятствовало Литовское государство, включившее в свой состав земли Белоруссии и Украины.

Количество предметов импорта резко сокращается (см. стр. 61, I) и продолжает оставаться незначительным вплоть до середины XV в. При Иване III активизируются дипломатические сношения Московского княжества, вступающего на широкую международную арену, с Северной Германией и Италией. Основную часть готической утвари (XIV — первая половина XV в.) притягивают Новгород, который держал в своих руках товарный транзит из Руси на Запад, и Москва, торговавшая с генуэзскими и венецианскими колониями в Крыму (табл. 35, II). В этот период на Русь попадают итальянские, германские и фламандские серебряные потиры (табл. 27), северогерманские акваманилы и подсвечники (табл. 9, 5, 6), изделия парижских резчиков по слоновой кости (табл. 25, 4) и итальянские шкатулки. Гагатовый образок с изображением св. Иакова Компостельского — покровителя пилигримов (см. рис. 5) из далекой Галисии был занесен в Новгород. Костяной ларец первой половины XV в. работы венецианской мастерской Эмбриаки (табл. 25, 3), возможно, доставили в Москву итальянские зодчие.

⁸⁹ А. В. Стороженко, 1906.

⁹⁰ ПСРЛ, т. II, 1908, ст. 476.

⁹¹ М. Н. Бережков, 1879, стр. 61.

⁹² А. Попов, 1875, гл. I.

ЛИТЕРАТУРА

- Аделунг Ф., 1834. Корсунские врата, находящиеся в новгородском Софийском соборе. М.
- Альмгрен О., 1912. К легенде о Сигтунских вратах в новгородском Софийском соборе.— Сборник Новгородского общества любителей древностей, вып. VI.
- Анисиимов А. И., 1928. Автопортрет русского скульптора Авраама.— Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, № 3.
- Аннинский С. А., 1940. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе.— Исторический архив, т. 3.
- Белов Г. Д., 1958. Средневековая бронзовая чаша из Херсонеса.— СА, № 2.
- Берг Л. С., 1946. Очерки по истории русских географических открытий. М.— Л.
- Бережков М. Н., 1877. О торговле русских с Ригию в XIII и XIV веках.— ЖМНП, CLXXXIX, февраль.
- Бережков М. Н., 1879. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб.
- Бернштейн-Коган С. В., 1950. Путь из варяг в греки.— Вопросы географии, сб. 20. М.
- Бобринский А. А., 1914. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 г.— ИАК, вып. 54.
- Богусевич В. А., 1939. Магдебургские врата XII века.— Новгородский исторический сборник, вып. 6.
- Вагнер Г. К., 1960. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском.— СА, № 1.
- Вагнер Г. К., 1963. Бронзовый водолей из древнего Галича.— СА, № 2.
- Васильевский В. Г., 1888. Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— ЖМНП, CCLVII, июль.
- Верман К., 1896. История искусства всех времен и народов, т. II. СПб.
- Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно.— МИА, № 41.
- Воронин Н. Н., 1956. Археологические заметки.— КСМИМК, вып. 62.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М.
- Выезжев Р. И., 1960. Колокола древнего Городеска.— КСИА АН УССР, вып. 9. Киев.
- Гезе В. Е., 1901. Заметки о некоторых киевских древностях.— ЗРАО, н. с., т. XII, вып. 1—2.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.— Л., 1938.
- Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю., 1963. Раскопки ливских курганов в Кримульде.— СА, № 1.
- Григорьев М. Г., 1953. Древняя Москва.— В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь». М.
- Грот К., 1889. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава.
- Грушевский М., 1891. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев.
- Гуревич Ф. Д., 1962. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв.— СА, № 1.
- Гуревич Ф. Д., 1963. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.)— КСИА АН СССР, вып. 96.
- Даркевич В. П., 1962. Остерская находка.— КСИА АН СССР, вып. 87.
- Даркевич В. П., 1963. Костяное навершие из Волковыска.— КСИА АН СССР, вып. 96.
- Даркевич В. П., 1963а. О так называемом идоле Перкуна из Кернова.— СА, № 4.
- Даркевич В. П., Едомаха И. И., 1964. Памятник западноевропейской торевтики XII века.— СА, № 3.
- Декс П., 1962. Семь веков романа. М.
- Дербек Ф. А., 1905. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб.
- Джанполадян Р. М., 1961. Два стеклянных сосуда из Новогрудка.— ВВ, т. XIX.
- Довнар-Запольский М. В., 1911. История русского народного хозяйства, т. I. Киев.
- Дробинский А. И., 1948. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе.— Исторические записки, т. 26.
- Евсеев И. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения р. Оки и ее притоков Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши [б. г. и м.].
- Загорулский Э. М., 1963. Древний Минск. Минск. Известия XV АС в Новгороде. М., 1941.
- Императорский Российский исторический музей. Краткий путеводитель. М., 1914.
- Каргер М. К., 1954. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг.— СА, т. XX.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев, т. I. М.— Л.
- Карпини Иоанн де ПIANO. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
- Кирхор А. К., 1858. Перечневый каталог предметов в Виленском музее древностей. Вильно.
- Колчин Б. А., 1962. Дендрохронология Новгорода.— СА, № 1.
- Колчин Б. А., 1964. К итогам Новгородской археологической экспедиции (1961—1962 гг.)— КСИА АН СССР, вып. 99.
- Кондаков Н. П., 1891. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб.
- Кондаков Н. П., 1896. Русские клады, т. I. СПб.
- Корзухина Г. Ф., 1951. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в.— СА, т. XV.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX—XIII вв.
- Корзухина Г. Ф., 1956. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве.— СА, т. XXV.
- Королюк В. Д., 1964. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.
- Кубе А. Н., 1924. Резная кость. Л.
- Кубе А. Н., 1927. Лиможские расписные эмали. Л.
- Лапковская Э. А., 1958. Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений.— В кн. «История и археология средневекового Крыма». М.
- Лапковская Э. А., 1964. Серебряная с чернью чаша XII века.— Труды ГЭ, т. VIII.
- Лимонов Ю. А., 1961. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества.— Сб. «Международные связи России до XVII века». М.

- Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом.— Архив ЛОИА.
- Макаренко М., 1931. Скульптура й різьбярство Київської Русі.— Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, зб. I. Київ.
- Мандель С. З., 1946. Прибалтика и Русь в XII—XIII вв. (Канд. дисс., рукопись ГПБ, ДК $\frac{49}{1026}$).
- Мансветов И. Д., 1874. Об изображении распятия на лжице, находящейся в Антониевом монастыре в Новгороде.— «Древности». Труды МАО, т. 4, вып. 2.
- Маренков Б. Я., 1936. Драгоценные, технические и поделочные камни. М.— Л.
- Мартынов А. А. и Снегирев И. М., 1850. Памятники древнего искусства в России. М.
- Материалы для археологического словаря.— «Древности». Труды МАО, т. 1, вып. 2, 1867.
- Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань.— МИА, № 49.
- Некрасов А. И., 1937. Древнерусское изобразительное искусство. М.
- Орбели И. А. и Тревер К. В., 1935. Сасанидский металл. Л.
- Отчет Императорского Российского исторического музея в Москве за XXV лет (1883—1908). М., 1916.
- Памятники русского права, вып. 2. М., 1953.
- Пиренн А., 1937. Средневековые города Бельгии. М.
- Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях.— МИА, № 62.
- Покровский Н. В., 1911. Иерусалимы или сионы Софийской ризницы в Новгороде.— Вестник археологии и истории, вып. XXI. СПб.
- Покровский Н. В., 1914. Древняя ризница Софийского новгородского собора.— Труды XV АС в Новгороде, т. I. М., 1911.
- Покровский Ф., 1892. Виленский музей древностей. Вильно.
- Полянский Ф. Я., 1954. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М.
- Попов А., 1875. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М.
- Постникова-Лосева М. М., 1960. Новгородская серебряная чаша.— В кн. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М.
- Потин В. М., 1961. Некоторые вопросы торговли древней Руси по нумизматическим данным.— ВИМК, № 4.
- Потин В. М., 1961а. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.— Сб. «Международные связи России до XVII века». М.
- Потин В. М., 1961б. Экономические связи древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет (Канд. дисс., рукопись ГПБ, ДК $\frac{61-7}{348}$).
- Потин В. М., 1963. Французские и итальянские монеты из кладов X—XI вв. на территории СССР.— СА, № 1.
- Прохоров В. А., 1881. Материалы по истории русских одежд. СПб.
- ПСРЛ, т. II, вып. 3, 1843; т. I, 1846; т. II, 1908; т. II, вып. 1, 1923; т. I, вып. 1, 1926; т. I, вып. 2, 1927.
- Радде Г. И., 1887. Краткий путеводитель по Кавказскому музею. Тифлис.
- Рамм Б. Я., 1959. Папство и Русь в X—XV веках.
- Ратич О. О., 1957. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ.
- Ратич О. О., 1959. Древньоруські вироби з кості і рогу знайдені на території Галицької і Волинської земель.— Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волини. Київ.
- Рубинштейн Н. Л., 1925. Западные пути торговли Украины—Руси.— Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук, ч. 2—3. Одесса.
- Рубрук Вильгельм де — см. Карпини Иоанн де Плано.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А., 1949. Древности Чернигова.— МИА, № 11.
- Рыбаков Б. А., 1951. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг.— ИСВИМК, вып. XXXVIII.
- Рыбаков Б. А., 1951а. Торговля и торговые пути.— В кн. «История культуры древней Руси», т. I. М.— Л.
- Рыбаков Б. А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.— В кн. «По следам древних культур. Древняя Русь». М.
- Рыбаков Б. А., 1963. Русская эпиграфика X—XIV вв.— Сб. «История, фольклор, искусство славянских народов». Селиванов А. В., 1891. Древности с. Старой Рязани.— Труды VII АС в Ярославле, 1887, т. II. М.
- Смирнов Я. И., 1902. О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губернии, и о других подобных находках в пределах России. Харьков. Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911.
- Спицын А. А., 1911. Торговые пути Киевской Руси.— Сборник статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб.
- Спицын А. А., 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея.— ИАК, вып. 53.
- Спицын А. А., 1914а. Несколько статуэток.— ИАК, вып. 53.
- Стародубец П. А., 1948. Кулечество Северной Германии и немецкая агрессия в Восточной Прибалтике в XIII в.— Ученые записки Тульского гос. пед. ин-та, вып. 1.
- Стороженко А. В., 1906. О существовавших в г. Киеве римско-католических храмах.— «Египос». Сборник статей по литературе и истории в честь Н. П. Дашкевича. Киев.
- Такайшвили Е., 1904. Грузинские надписи на археологических предметах, хранящихся в Кавказском музее в Тифлисе.— Известия Кавказского отделения МАО, вып. 1. Тифлис.
- Тараканова С. А., Саадре О. В., 1955. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине.— Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline Kogumik, I. Tallin.
- Тарасенко В. Р., 1957. Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г.— Материалы по археологии БССР, т. I. Минск.
- Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полетных исследований 1961 г., М., 1962.
- Тихомиров И., 1876. Торговые и мирные сношения русских княжеств с Ливонией в XIII веке.— ЖМНП, CLXXXV, май.
- Толстой И. И. и Кондаков Н. П., 1897. Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб.
- Толстой И. И. и Кондаков Н. П., 1899. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб.
- Тревер К. В., 1925. Бронзовый водoley киевского клада.— Известия ГАИМК, т. IV. Л.
- Труды VIII АС в Москве, т. IV. М., 1897.
- Уваров А. С., 1910. Сборник мелких трудов, т. I. М.
- Филимонов Г. Д., 1873. Каталог Отделения доисторических древностей Московского публичного музея.
- Филимонов Г. Д., 1874. Древнейшие западные эмали в России, приписываемые св. Антонию Римлянину и Андрию Боголюбскому.— Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее.
- Ханенко Б. Н. и В. И., 1902. Древности Приднепровья, вып. V. Киев.
- Ханенко Б. Н. и В. И., 1907. Древности Приднепровья, вып. VI. Киев.
- Хенниг Р., 1961. Неведомые земли, т. I. М.
- Хенниг Р., 1962. Неведомые земли, т. II. М.
- Хойновский И. А., 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Киев.
- Хойновский И. А., 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и руси, вып. I. Киев.
- Хорошкевич А. Л., 1963. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках. М.
- Чешихин Е. В., 1884. История Ливонии с древнейших времен, т. I. Рига.
- Шайтан М. Э., 1925. Ирландские эмигранты в средние века.— Сб. «Средневековой быт». Л.
- Шайтан М. Э., 1927. Германия и Киев в XI в.— Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 г., вып. 1 (34). Л.
- Шаскольский И. П., 1949. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность.— Ученые записки ЛГУ, № 112. Серия исторических наук, вып. 14.
- Энциклопедия элементарной математики, кн. 1. М.— Л., 1951.
- Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.

- Янин В. Л., 1962. Новгородские посадники. М.
- Ahrenberg J., 1907. Några meddelanden om «Sigtuna-portarna» i Novgorod.—Fornvännen.
- Akademia Umiejętności w Krakowie. Sprawozdania Komisji do badania Historii Sztuki w Polsce, t. IV, z. IV. Kraków, 1891.
- Antoniewicz J., 1951. Zabytki wczesnośredniowieczne odkryte we wsi Pieńki — Grodzisko, pow. Łomża.—Sprawozdania Państwowe museum archeologiczne, t. 4, z. 1—2. Warszawa.
- Antoniewicz W., 1926. Aquamanile du Moyen Age trouvée à Grodno.—Revue archéologique. Cinquième série, t. XXIV. Paris.
- Antoniewicz W., 1930. Czasy przedhistoryczne i wczesnośredniowieczne Ziemi Wileńskiej, t. I. Wilno.
- Arne T. J., 1916. Aلسengemmen aus Russland.—Wiener Prähistorische Zeitschrift, Bd III.
- L'art roman à Saint-Martial de Limoges. Limoges, 1950.
- Aspelin J. R., 1878. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, livr. 3. Helsinki.
- Aubert E., 1872. Trésor de l'abbaye de Saint-Maurice, t. 1—2. Paris.
- Aubert M., 1947. La sculpture française au Moyen Age. Paris.
- Aubert M., 1957. La cathédrale de Chartres (Album). Grenoble — Paris.
- Baker N. L., 1938. Medieval trades routes. London.
- Baltrušaitis J., 1931. La stilistique ornamentale dans la sculpture romane. Paris.
- Baltrušaitis J., 1955. Le Moyen Age fantastique. Paris.
- Bauer N., 1929. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts.—Zeitschrift für Numismatik, Bd 39, N 1—3. Berlin.
- Bauer N., 1930. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts.—Zeitschrift für Numismatik, Bd 40, N 3—4. Berlin.
- Bauer N., 1935. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts.—Zeitschrift für Numismatik, Bd 42, N 3—4. Berlin.
- Baye de, 1903. Emaux de la cathédrale de Vladimir et du couvent de Saint-Antoine-le-Romain (Russie). Paris.
- Bayer T. S., 1741. De duobus diadematus in museo imperatorio.—Commentarii Academiae Scient. Imperialis Petropolitanae, t. VIII. Ph.
- Beenken H., 1924. Romanische Skulptur in Deutschland. Leipzig.
- Bibliothèque Nationale. Les manuscrits à peintures en France du VIIe au XIIe siècle. Paris, 1954.
- Biehn H., 1957. Die Kronen Europas und ihre Schicksale. Weisbaden.
- Bock F., 1867. Karl's des Grossen Pfalzkapelle und ihre Kunstschätze, T. 2. Köln — Neuss.
- Boubrig J., 1846. Erläuternde Bemerkungen, ein zu Pöddes in Esthland ausgegrabenes antikes Metallbecken betreffend.—Verhandlungen der Gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd I.
- Brutzkus J., 1943. Trade with eastern Europe, 800—1200.—The economic history review, v. XIII, N 1/2. London.
- Catalogue des ivoires par Emile Molinier. Paris, 1896.
- Catalogue raisonné de la collection Martin Le Roy, I. Paris, 1906.
- Collon-Gevaert S., 1951. Histoire des arts du metal en Belgique. Bruxelles.
- Cross S., 1935. Medieval Russian contacts with the West.—Speculum, X, 2. Cambridge.
- Curman S. och Roosval J., 1956. Sveriges Kyrkor, Bd V, H. 3. Stockholm.
- Dalton O. M., 1909. Catalogue of the ivory carvings of the Christian Era. London.
- Dalton O. M., 1912. British museum. Franks bequest. Catalogue of the finger rings early christian, Byzantine, Teutonic, medieval and later. London.
- Darcel A., 1958. Album de Villard de Honnécourt Architecte du XIIIe siècle. Paris.
- Darcel A., Basilewsky A., 1874. Collection Basilewsky. Paris.
- Decker H., 1958. Romanesque Art in Italy.
- Deonna W., 1950. «Salve me de ore leonis».—Revue belge du philologie et d'histoire, t. XVIII, N 2. Bruxelles.
- Devigne M., 1932. La sculpture Mosane du XIIe au XVIe siècle. Paris et Bruxelles.
- Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. V, p. 1. Paris, 1922.
- Didron A., 1859. Manuel des oeuvres de bronze et d'orfèverie du Moyen Age. Paris.
- Dopsch A., 1930. Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte. Wien.
- Döring J., 1888. Die Kaiser-Otto-Schale in Riga und die Bildnisse der Ottonen.—Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst in Mitau. Mitawa.
- Dreyfus C., 1935—1936. Une plaque d'émail Mosane au musée du Louvre.—Monuments et mémoires, publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, v. 35. Paris.
- Ediger Th., 1911. Russland älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie. Halle.
- Engel C., 1933. Führer durch die vorgeschichtliche Sammlung des Dommuseums. Ryga.
- Enlart C., 1916. Manuel d'archéologie française depuis les temps mérovingiens jusqu'à la Renaissance, t. III. Paris.
- Evans J., 1950. Cluniac Art of the Romanesque Period. Cambridge.
- Falke O., 1911. Der Dreikönigenschrein des Nicolaus v. Verdun im Kölner Domschatz.
- Falke O. und Frauberger H., 1904. Deutsche Schmelzarbeiten des Mittelalters. Frankfurt am Main.
- Falke O. und Meyer E., 1935. Bronzegeräte des Mittelalters, Bd I—II. Berlin.
- Führer durch die vor und frühgeschichtliche Sammlung (Dommuseum Rigas), Bd I. Riga, 1914.
- Gandert O. F., 1954. Die Magiergemme von Lieveren (Prov. Drente) als Schlüssel zur Frage der Aلسengemmen.—Palaeohistoria, v. III. Groningen.
- Gardner A., 1951. English medieval sculpture. Cambridge.
- Gauthier M. M. S., 1950. Emaux limousins champlevés des XIIe, XIIIe, XIVe siècles. Paris.
- Gay V., 1887. Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaissance, v. 1. Paris.
- Gerevich T., 1938. Maggiaroszag Romankory Emlekei. Budapest.
- Glück H., 1923. Die Christliche Kunst des Ostens. Berlin.
- Gly avory dei Musei profano e sacro della Biblioteca Vaticana. Roma, 1903.
- Goetz L. K., 1916. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg.
- Goldschmidt A., 1923. Die Elfenbeinskulpturen aus der Romanischen Zeit XI—XIII Jahrhundert, Bd 3. Berlin.
- Goldschmidt A., 1926. Die Elfenbeinskulpturen aus der Romanischen Zeit XI—XIII Jahrhundert, Bd 4. Berlin.
- Goldschmidt A., 1932. Die Bronzetüren von Novgorod und Gnesen. Marburg.
- Grempler W., 1894. Mittelalterliche Bronzeschalen.—In: «Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift», Bd 5. Wrocław.
- Grempler W., 1899. Mittelalterliche Bronzeschalen.—Труды X AC в Pure, 1896, t. II. Para.
- Grempler W., 1901. Mittelalterliche Bronzeschalen.—Niederlausitzer Mitteilungen, Bd 6. Gubin.
- Grimme E. G., 1957. Aachener Goldschmiedekunst im Mittelalter. Köln.
- Grohne E., 1956. Alte Kostbarkeiten aus dem bremischen Kulturbereich. Bremen.
- Hammann R., 1949. Tierplastik im Wandel der Zeiten. Berlin.
- Hausmann R., 1914. Der Silberfund von Mehntack in Estland.—Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte Arbeiten des Baltischen Vorbereitenden Komitees für den XVI Archäologischen Kongress in Pleskau. Berlin.
- Hefner-Alteneck J. H., 1881. Trachten, Kunstwerke und Gerätschaften von frühen Mittelalter, Bd II. Frankfurt am Main.
- Helbig J., 1906. L'art Mosan, v. I. Bruxelles.
- Hickel E., 1963. Romanische Durchbrochene Schmuckscheiben aus Ungarn.—In: «Alt-Thüringen», sechster Bd. Weimar.
- Hill G. F., 1915. The development of Arabic numerals in Europa. Oxford.
- Histoire de l'Art d'André Michel, t. II, p. 1. Paris, 1906.
- Hübner K., 1957. Bronzeglocke.—«Urania», Jhg. 20, H. 6. Jena.

- Jurgenson P. B., 1928—1929. Romanische Einflüsse in der altrussischen Goldschmiedeplastik.— Zeitschrift für bildende Kunst, N 10.
- Kalinowski L., 1959. Treści ideowe i estetyczne Drzwi Gnieźnieńskich.— В кн. «Drzwi Gnieźnieńskie», t. II. Wrocław.
- Керпиński Z., 1959. Symbolika Drzwi Gnieźnieńskich.— В кн. «Drzwi Gnieźnieńskie», t. II. Wrocław.
- Kingsley Porter A., 1928. Romanische Plastik in Spanien, Bd I. Leipzig.
- Kisa A., 1905. Die gravierten Metallschüsseln des XI bis XIII Jahrhunderts.— Zeitschrift für christliche Kunst, Jhg. 18. Düsseldorf.
- Koehler R., 1924. Les ivoires gothiques français, t. I—II. Paris.
- Kohlhaussen H., 1928. Minnekästchen im Mittelalter. Berlin.
- Kohlhaussen H., 1955. Geschichte des deutschen Kunsthandwerks. München.
- Kovács E., 1961. Croix limousines en Hongrie.— Acta Historiae Artium, t. VII, f. 3—4. Budapest.
- Lauer Ph., 1927. Les enluminures romanes des manuscrits de la Bibliothèque Nationale. Paris.
- Le siège en France du Moyen Age à nos jours. Paris, 1948.
- Loomis R. Sh., 1938. Arthurian Legends in medieval art, p. 2. London.
- Lozinskij G., 1929. La Russie dans la littérature française du Moyen Age.— Revue des études slaves, t. IX, f. 1—2. Paris.
- Mâle E., 1924. L'art religieux du XIIe siècle en France. Paris.
- Marquet de Vasselot J. J., 1906. L'orfèvrerie et l'émaillerie au XIIIe et XIVe s.— In: «Histoire de l'Art d'André Michel», t. II, p. 2. Paris.
- Mitteilungen aus dem Domuseum der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands, N 1. Riga, 1914.
- Molinier E., 1891. L'émaillerie. Paris.
- Moora H., 1926. Eestlaste kultuur muistsel iseseisvus-ajal. Tartus.
- Morelowski M., 1956. Drzwi Gnieźnieńskie, ich związki ze sztuką obcą a problem rodzimości.— В кн. «Drzwi Gnieźnieńskie», t. I. Wrocław.
- Oman Ch., 1959. Two Sicilo-Norman Silver Cups.— The Burlington Magazine, 678/9, September-October.
- Pāvele T., 1964. Latvijas 11—13. gs. bronzas blodas.— Archeologija un etnogrāfija, VI. Rīgā.
- Poklewski T., 1961. Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Łódź.
- Proum., 1886. Bassin de bronze du XIe au XIIe siècle représentant la jeunesse d'Achille.— Gazette archéologique, A. 11. Paris.
- Réau L., 1955. Iconographie de l'art chrétien, t. 1. Paris.
- Réau L., 1956. Iconographie de l'art chrétien, t. 2, p. 1. Paris.
- Réau L., 1957. Iconographie de l'art chrétien, t. 2, p. 2. Paris.
- Réau L., 1958. Iconographie de l'art chrétien, t. 3, p. 2. Paris.
- Réau L., 1959. Iconographie de l'art chrétien, t. 3, p. 3. Paris.
- Redslob E., 1922. Deutsche Goldschmiedeplastik. München.
- Rosenberg M., 1925. Geschichte der Goldschmiedekunst, T. 2. Frankfurt am Main.
- Rostworowski M., 1953. Katalog średniowiecznych emalii na miedzi z wieków XII—XIV. Kraków.
- Rupin E., 1890. L'oeuvre de Limoges, t. 2. Paris.
- Salonen H., 1929. Gräberfunde aus dem Ladogagebiete.— ESA, t. IV, Helsinki.
- Sarnowska W., 1948—1949. Wczesnohistoryczny kurhan z Korolewina pod Tagańczą w pow. Kaniowskim.— Światowit, t. XX. Warszawa.
- Schnurrer F., 1823. Chronik der Seuchen, Bd I. Tübingen.
- Schramm P. E., 1955. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik, Bd II. Stuttgart.
- Silvy L., 1905. L'origine de la «Vierge de Miséricorde».— Gazette des beaux-arts, t. 34. Paris.
- Sokolowski M., 1900. Misa brązowa z epoki rromańskiej znaleziona w Dabrowie koło Wielunia.— Sprawozdania Komisji do badania Historii Sztuki w Polsce, t. VI. Kraków.
- Szelągowski A., 1909. Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie bizantynsko-arabskim. Kraków.
- Taube M., 1947. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars, v. 1. Paris.
- Thoby P., 1953. Les croix limousines de la fin du XIIe siècle au début du XIVe siècle. Paris.
- Tracht, Wehr und Waffen des späten Mittelalters (1350—1450). Album. Prag, 1957.
- Verveke H. van, 1932. Monnaies, lingots ou marchandises?— Annales d'histoire économique et sociale, N 17, Septembre. Paris.
- Viollet-le-Duc M., 1874. Dictionnaire raisonné du mobilier français, t. V. Paris.
- Watts W. W., 1922. Catalogue of chalices. Victoria and Albert museum. Department of metalwork. London.
- Weitzmann-Fiedler J., 1956—1957. Romanische Bronzeschalen mit mythologischen Darstellungen.— Zeitschrift für Kunstwissenschaft, Bd 10, H. 3—4; Bd 11, H. 1—2.
- Wesenberg R., 1955. Bernwardinische Plastik zur Ottonischen Kunst unter Bischof Bernward und Hildesheim. Berlin.
- Weymann St., 1938. Cła i drogi handlowe w Polsce Piastowskiej.— Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Prace Komisji Historycznej, t. XIII, z. 1. Poznań.
- Widera B., 1954. Die wirtschaftliche Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiewer Rus in der ersten Hälfte des XI Jahrhunderts.— In: «Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und der Völkern der Sowjetunion». Berlin.
- Witte F., 1913. Die liturgischen Geräte und andere Werke. Berlin.
- Zak J., 1962. Z teorii «importu» wczesnofeudalnego.— Archeologia polski.— t. VII, z. 1. Wrocław — Warszawa — Kraków.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
 ВВ — Византийский временник
 ВИМК — Вестник истории мировой культуры
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
 МАО — Московское археологическое общество
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

ТАБЛИЦЫ

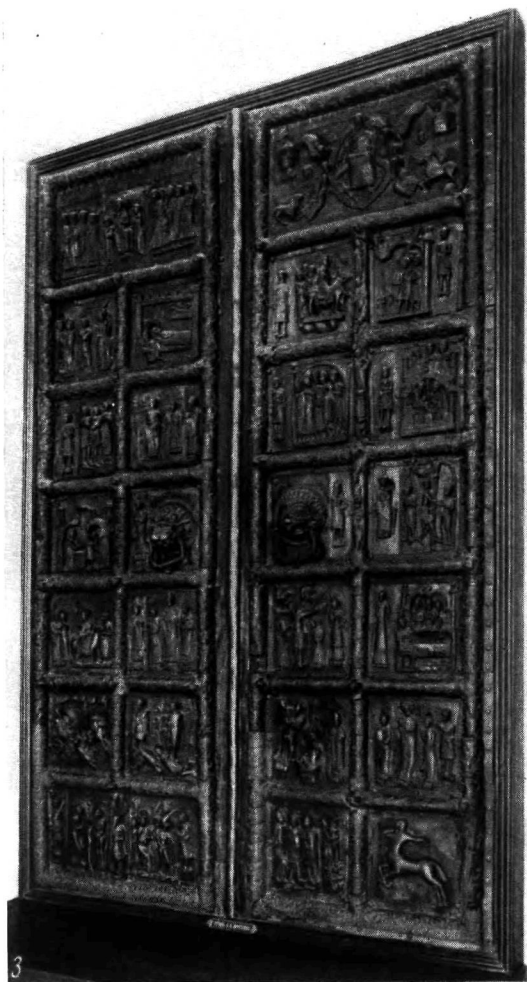
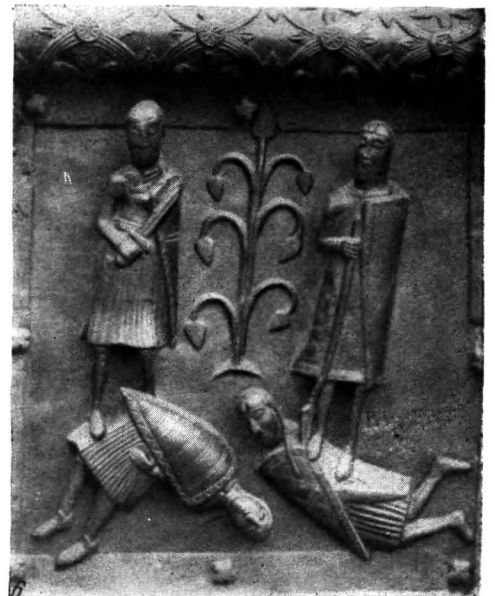

ТАБЛИЦА 1. Магдебургские врата новгородского Софийского собора (№ 49) (здесь и далее в скобках дана общая порядковая нумерация вещей)

1 — мастер Авраам; 2 — рукоятка врат; 3 — общий вид врат; 4 — епископ Александр Плочкий; 5 — вход в Иерусалим

Т А Б Л И Ц А 2. Магдебургские врата новгородского Софийского собора (№ 49)

1 — Сретение; 2 — Мироносицы у гроба; 3 — Мария и Елизавета, Бегство в Египет; 4 — Ирод на троне, Бичевание Христа; 5 — Распятие; 6 — «Крепость» и «Убожество»

1

3

2

4

0 5cm

ТАБЛИЦА 3. Колокола

1 — Киев (№ 8); 2 — Новгород (№ 50); 3, 4 — с. Городск (№ 20)

ТАБЛИЦА 4. Водолеи в виде драконов

1-3 — с. Сапогов (№ 1); 4 — место находки неизвестно (№ 57); 5-7 — Вщиж (№ 35); 8 — с. Грицаццы (№ 22)

ТАБЛИЦА 5. Водолеи в виде львов и кентавров

1—3 — Чернигов (№ 32); 4 — Лайс (№ 79); 5, 6 — Бортушки (№ 74); 7 — Хевсурия (№ 95); 8—10 — Чернигов (№ 33)

ТАБЛИЦА 6. Водолеи в виде животных и всадников

1 — Киев (№ 9); 2 — Киев (№ 10); 3 — 6 — Гродно (№ 45); 7, 8 — с. Кочетка (№ 61); 9 — Южный Урал (?) (№ 94)

ТАБЛИЦА 7. Водолеи в виде человеческих голов и бюстов

1 — под Пензой (№ 64); 2, 3 — Прибалтика (№ 85); 4, 5 — Новгород (№ 91); 6 — район Судака (№ 62); 7, 8 — с. Михалково (№ 2)

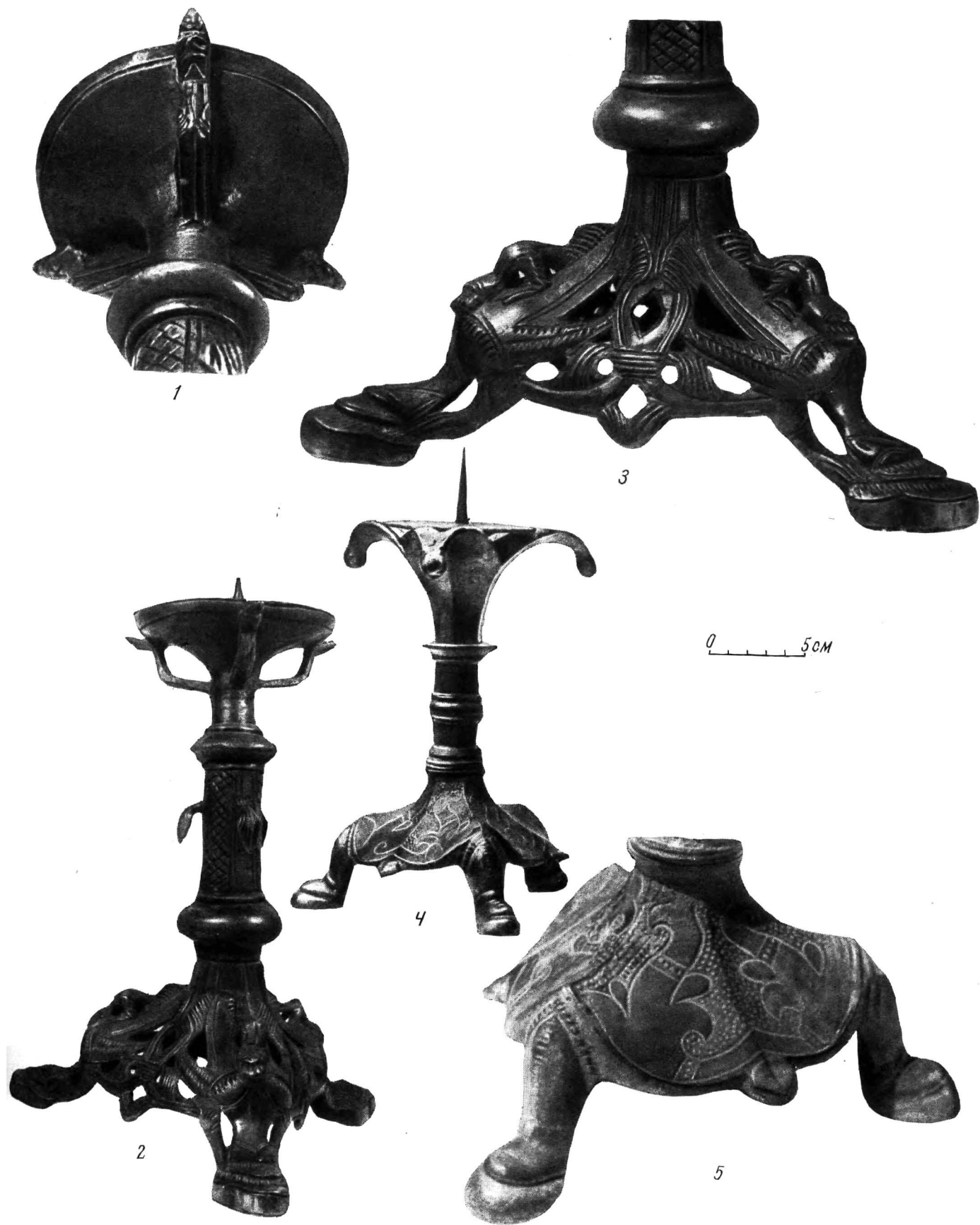

ТАБЛИЦА 8. Подсвечники
 1-3 — Вщиж (№ 37); 4, 5 — Княжья Гора (№ 18)

0 3 CM

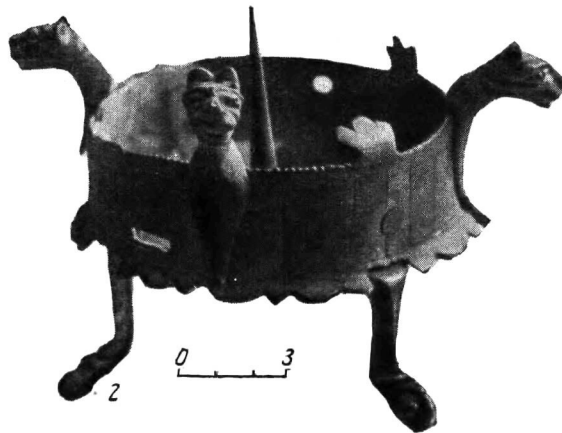

0 3 CM

ТАБЛИЦА 9. Детали подсвечников

1, 2 — с. Керново (№ 72); 3 — Старая Рязань (№ 39А); 4 — Хорол (№ 30); 5, 6 — Суздаль (№ 89)

0 3

0 5 см

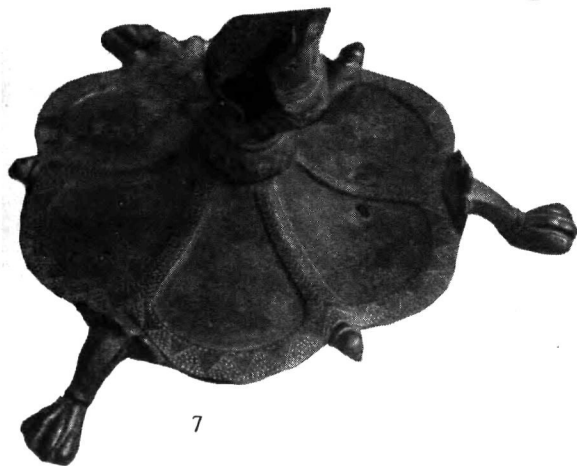

ТАБЛИЦА 10. Подсвечники
1—3 — Князья Гора (№ 17); 4—8 — Переяслав-Хмельницкий (№ 29)

ТАБЛИЦА 11. Изделия из бронзы

1 — Среднее Приднепровье (№ 25); 2 — Княжья Гора (№ 19); 3 — место находки неизвестно (№ 58); 4 — Киев (№ 15);
 — с. Днепровское (№ 60); 6 — с. Городск (№ 21); 7 — с. Сахновка № 24); 8 — Новгород (№ 56)

1

2

3

4

5

0 5CM

ТАБЛИЦА 12. Бронзовые чаши

1 — Рига (№ 74); 2 — Рига (№ 75); 3 — Рига (№ 73); 4 — дер. Кууда (№ 84); 5 — Мэнтак (№ 84А)

ТАБЛИЦА 13. Бронзовые чаши

1 — Херсонес (№ 63); 2 — дер. Кальви (№ 81); 3 — Киев (№ 11); 4 — Рига (№ 76); 5 — Новогрудок (№ 45А); 6 — Кримули (№ 77А)

ТАБЛИЦА 14. Бронзовые чаши

1 — с. Яровщина (№ 56А); 2 — дер. Зеленец (№ 3); 3 — Вщиж (№ 38); 4 — Старая Рязань (№ 39)

1

2

3

0 5 см

4

ТАБЛИЦА 15 «Большой» сион московского Успенского собора (№ 41)
1—4 — общий вид сиона

ТАБЛИЦА 16. «Большой» сион московского Успенского собора (№ 41)
1, 2 — фигуры пророков в трехлопастных арках; 3, 5—7 — фигуры апостолов нижнего яруса сиона; 4 — изображения драконов
в окнах барабана

1

3

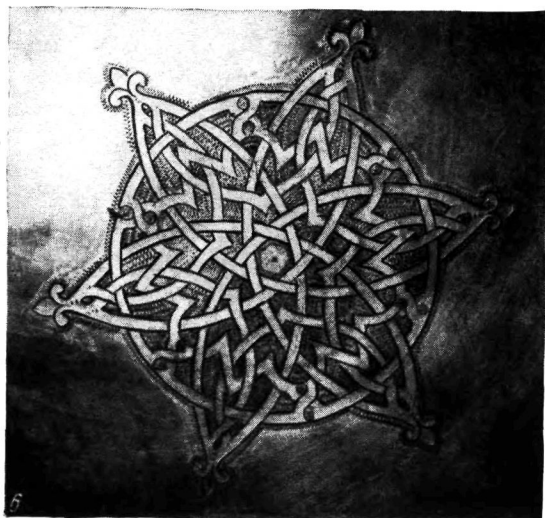
2

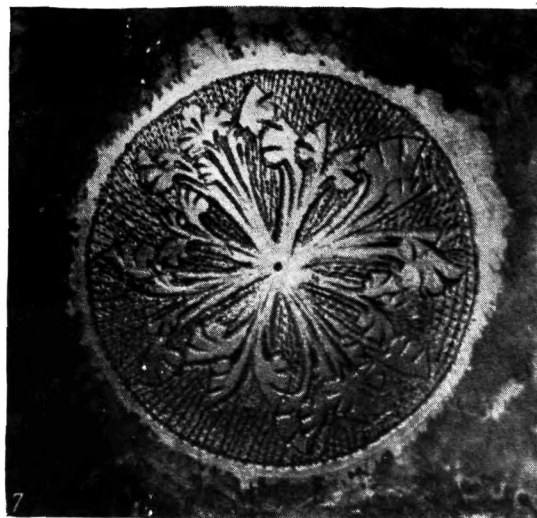
4

5

6

7

ТАБЛИЦА 17. Серебряные чаши

1, 2, 6 — Киев (№ 12); 3, 5, 7 — Киев (№ 13); 4 — Таганча (№ 26)

3

6

7

ТАБЛИЦА 18. Золотая крышка из Чернигова (№ 34)
1, 2, 4-7 — детали орнамента; 3 — общий вид

1

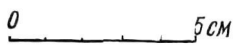
2

3

4

6

5

ТАБЛИЦА 19. Серебряные с чернью сосуды
1—3 — Зауралье(?) (№ 69); 4 — Зауралье (№ 70); 5, 6 — Зауралье (№ 68)

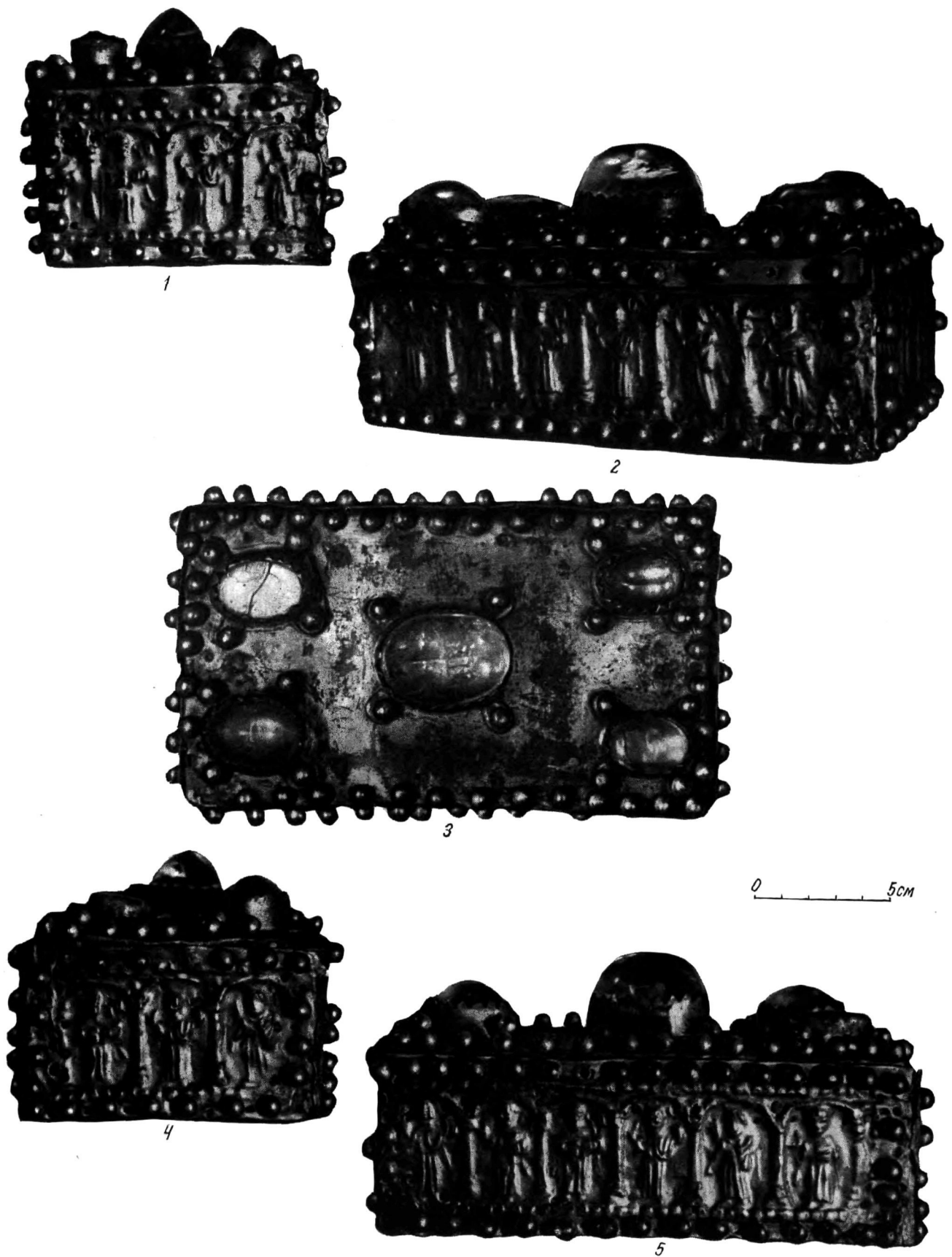

ТАБЛИЦА 20. Ларец-реликварий из Новгорода (№ 51)

1, 2, 4, 5 — боковые стенки; 3 — верхняя крышка

ТАБЛИЦА 21. Лотарингские выемчатые эмали
 1, 3-8 — Владимир (№ 42); 2 — с. Ильичино (№ 40)

ТАБЛИЦА 22. Лиможские эмали

1 — Суздаль (№ 43); 2 — с. Днепровское (№ 59); 3 — Киев (№ 14); 4, 5 — Вщиж (№ 36)

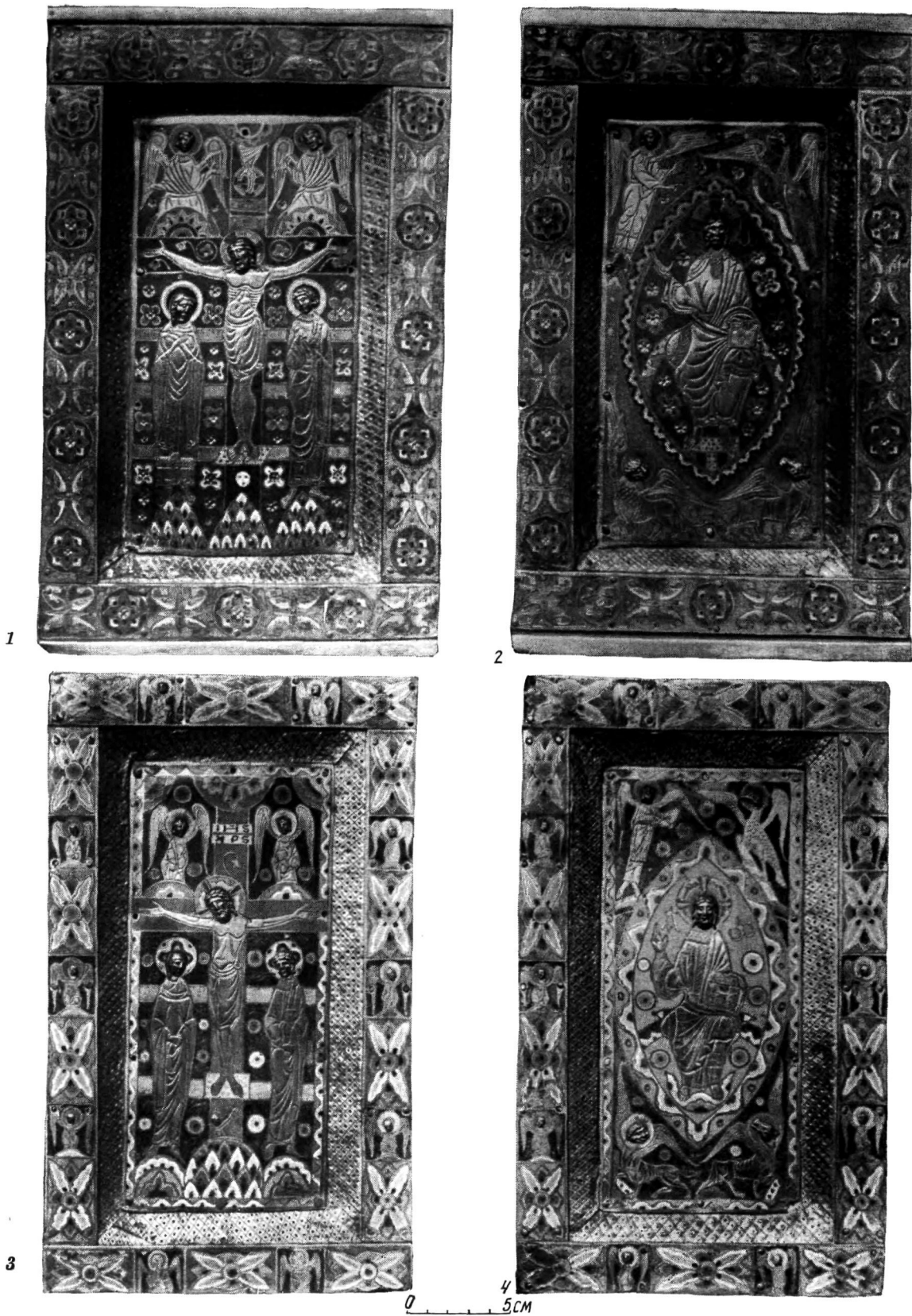

ТАБЛИЦА 23. Лиможские книжные оклады из Новгорода (№ 52—53)

ТАБЛИЦА 24. Резная кость

1—3 — с. Кошаны (№ 31); 4—7 — Волковыск (№ 46); 8 — Увек (№ 65); 9, 10 — Киев (№ 16)

ТАБЛИЦА 25. Резная кость

1 — б. Киевская губ. (№ 28); 2 — б. Киевская губ. (№ 27); 3 — Москва (№ 86); 4 — Новгород (№ 92); 5 — Плиснеск (№ 4); 6 — 8 — Рига (№ 77); 9, 10 — Минск (№ 47); 11 — Ростов Ярославский (№ 44)

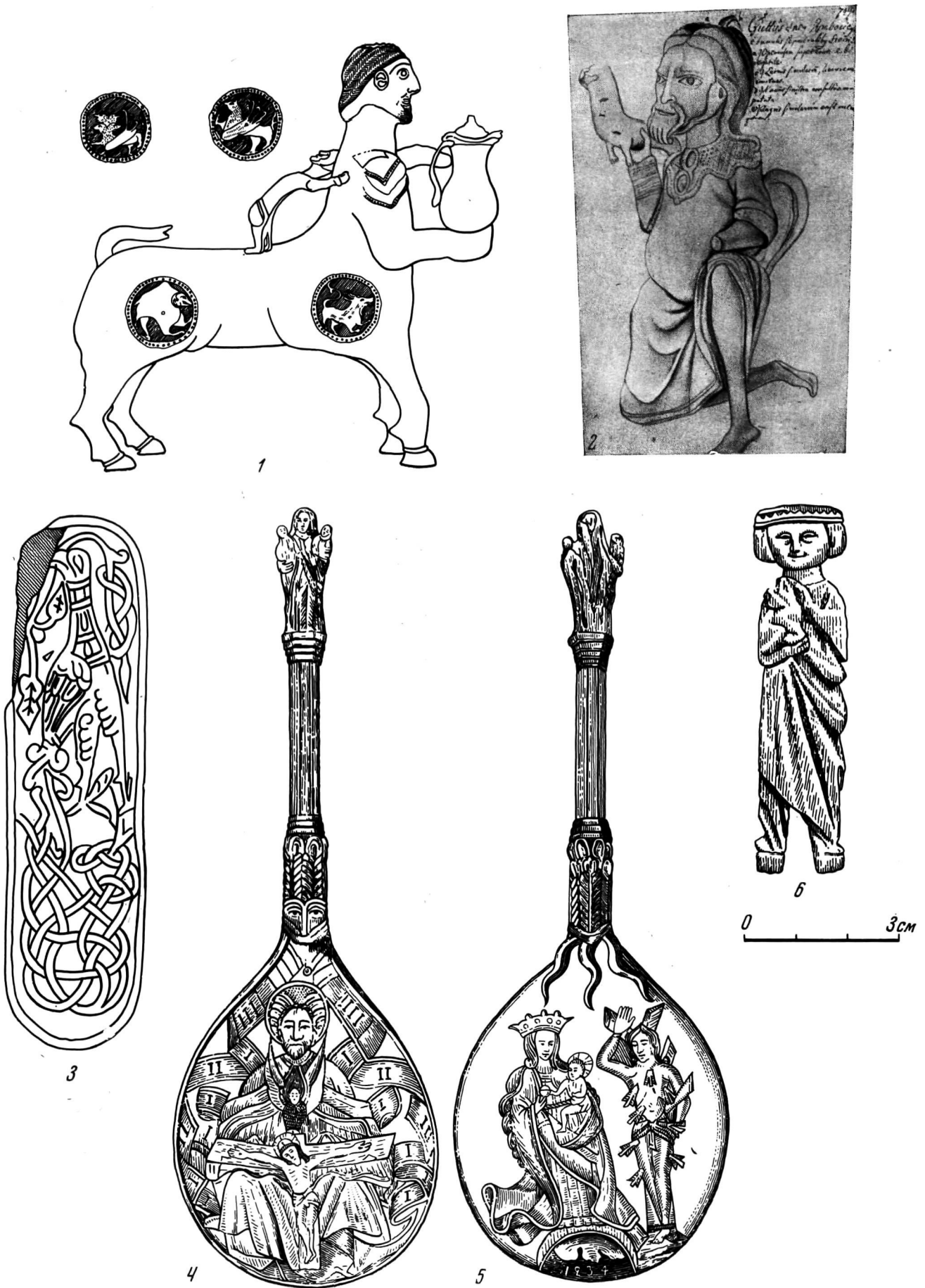

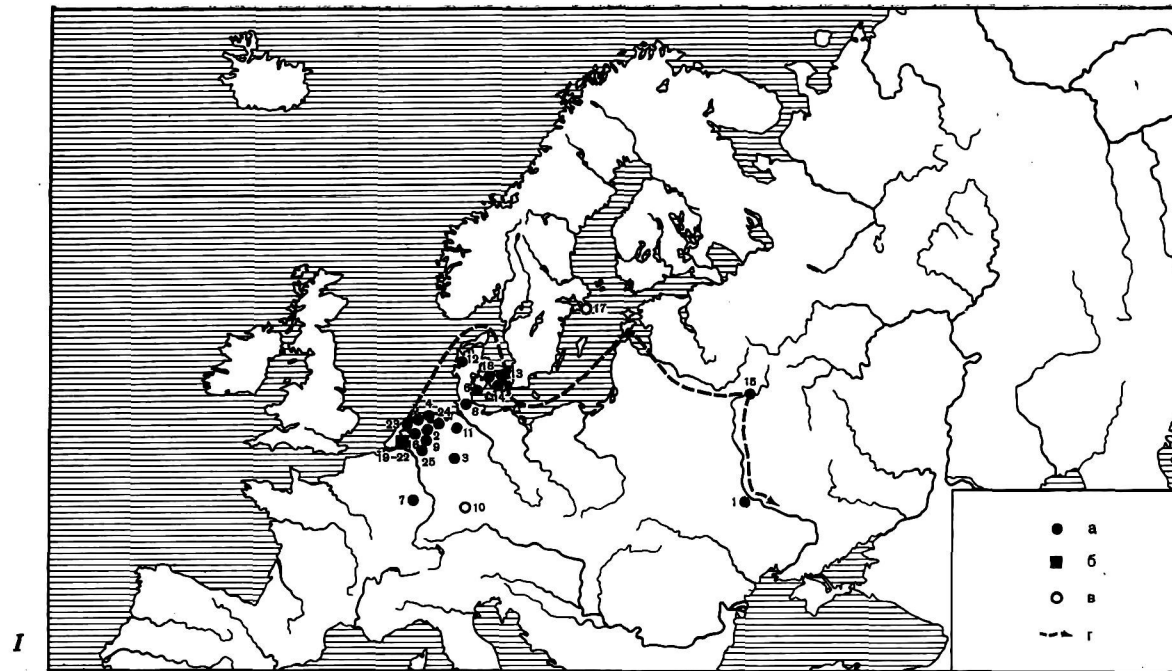
ТАБЛИЦА 26. Произведения западноевропейского прикладного искусства

1, 2 — водолеи из Сибири (№ 66—67); 3 — орнамент на статуэтке льва из Киева (№ 16); 4, 5 — серебряная ложечка из Новгорода (№ 55); 6 — статуэтка дарца из Таллина (№ 78)

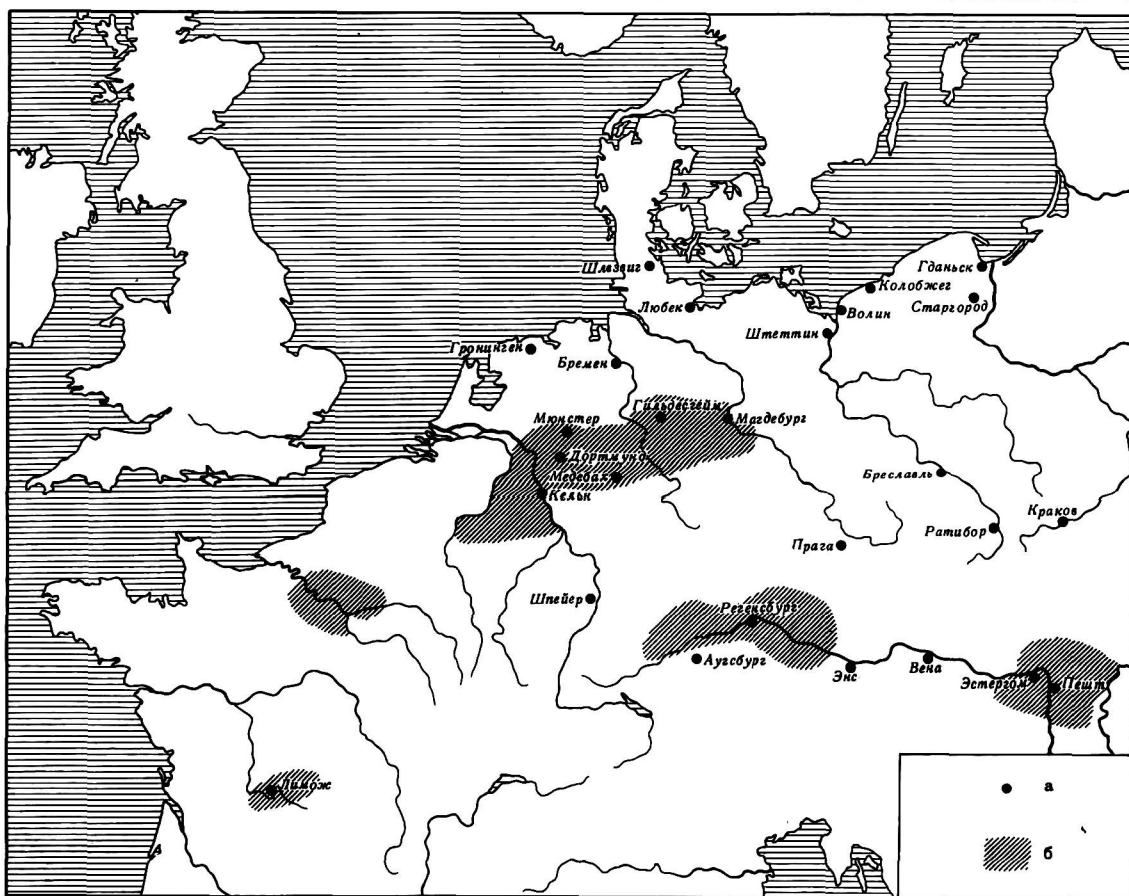

ТАБЛИЦА 27. Серебряные потиры

1 — Загорск (№ 87); 2 — Загорск (№ 88); 3 — Новгород (№ 90); 4—10 — детали основания новгородского потира

I

II

ТАБЛИЦА 28. I. Распространение Alsengemmen (IX — X вв.)

a — места находок Alsengemmen; б — Alsengemmen на предметах церковной утвари; в — локализация неточная; г — пути сообщения
 1 — Белгород; 2 — Бирдар; 3 — Бокель около Беверна; 4 — Варффюм, пров. Кронинген; 5 — Гольверд, пров. Фрисландия; 6 — Зондербург, о-в Альзен; 7 — Идар; 8 — Клейн-Гладебрюгге; 9 — Ливерен, пров. Дреенте; 10 — Нюрнберг; 11 — Ольденбург; 12 — Рингкбинг; 13, 14 — Роскильде, о-в Зеландия; 15 — Смоленск; 16 — Снеек, пров. Фрисландия; 17 — Стокгольм; 18 — Тис-Се, около Калундборга, о-в Зеландия; 19—22 — Утрехт; 23 — Франекер, пров. Фрисландия; 24 — между Аурихом и Эмденом; 25 — Энсхеде, пров. Оферайссель

II. Области, откуда вывозились в Восточную Европу произведения художественного ремесла XII — XIII вв.

a — города, имевшие прямые связи с Русью (по письменным источникам); б — области, откуда вывозились произведения художественного ремесла

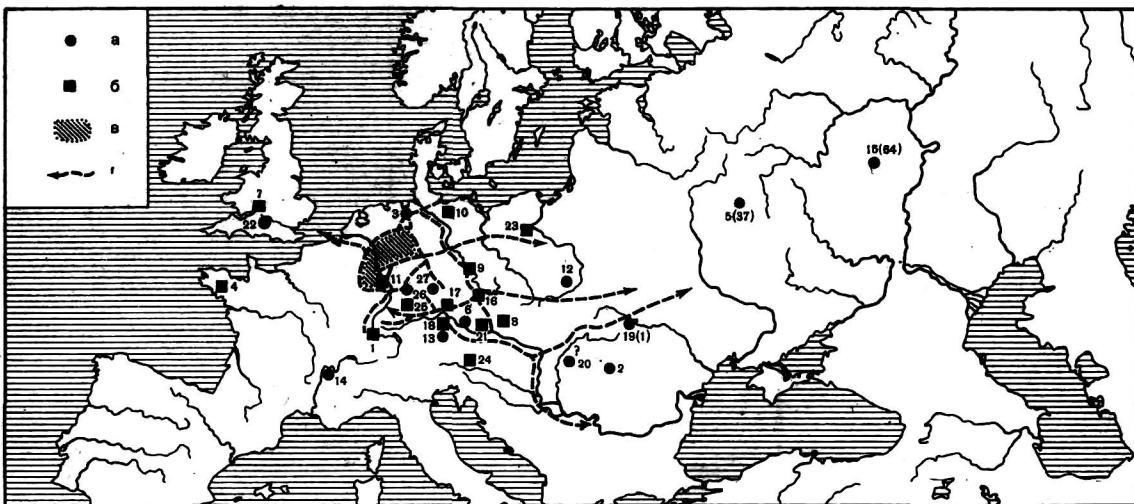
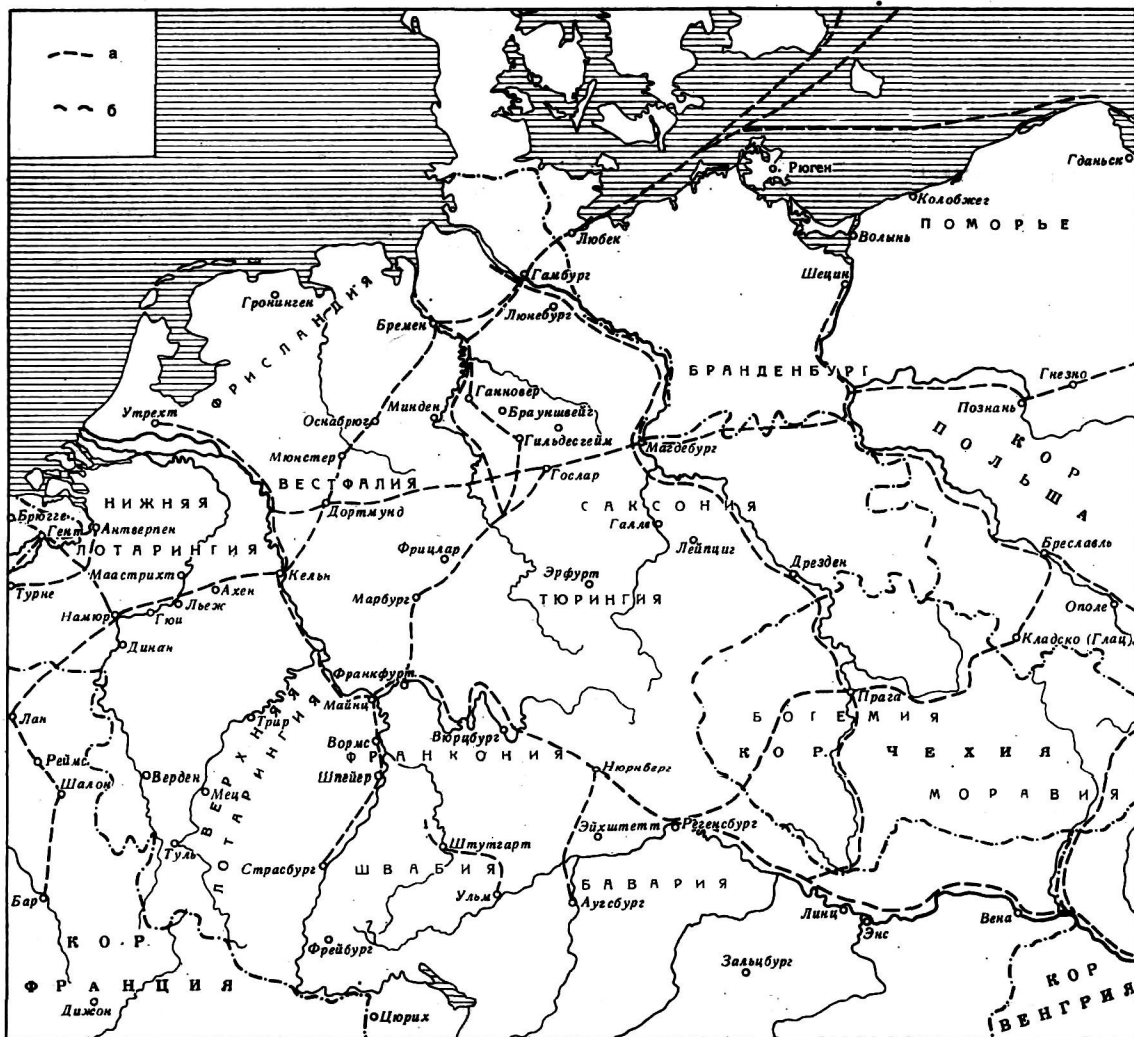

ТАБЛИЦА 29. I. Основные пути сообщения в Средней Европе в XII — XIII вв.

а — пути сообщения; б — государственные границы к началу XII в.

II — Распространение бронзовых водопроводов, подсвечников и оснований крестов XII — XIII вв. из Лотарингии и Вестфалии

а — находки; б — в утвари церквей; в — Лотарингия и Вестфалия; г — пути сообщения
 1 — Базель; 2 — Безеп, Трансильвания; 3 — Бремен; 4 — Бретань; 5 — Вшиж; 6 — Гальс; 7 — Глоучестер; 8 — Готтвейг (аббатство);
 9 — Дрезден; 10 — Клейнен; 11 — Кобленц; 12 — Конюши, уезд Мехув; 13 — Ландсгут; 14 — Лион; 15 — Пенза; 16 — Прага; 17, 18 —
 Регенсбург; 19 — Сапогов, Галицкий р-н; 20 — Сент-Миклоуш; 21 — Сен-Флориан, Верхняя Австрия; 22 — Суинден, Уилтшир; 23 — Туч-
 но, около Иновроцлава; 24 — Цоллфельд, Каринтия; 25 — Штутгарт (из одной церкви в Вюртемберге); 26 — Эбербах; 27 — Эльзенфельд,
 Нижняя Франкония

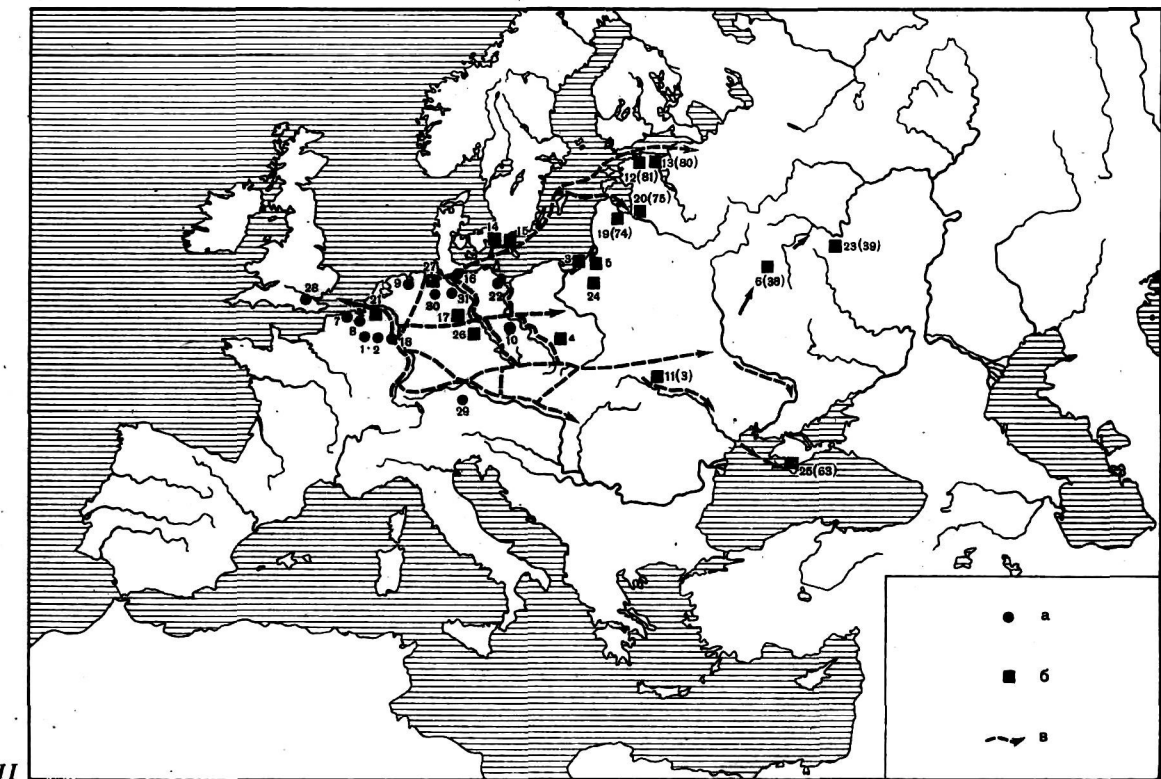
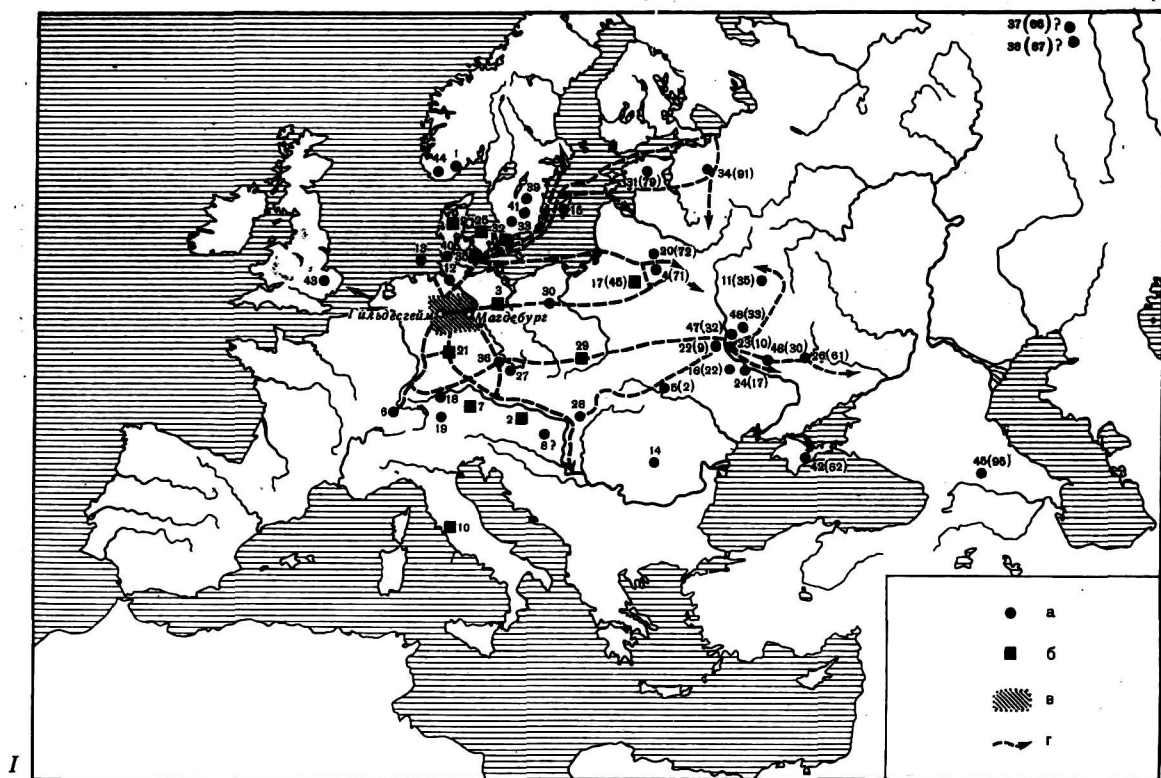
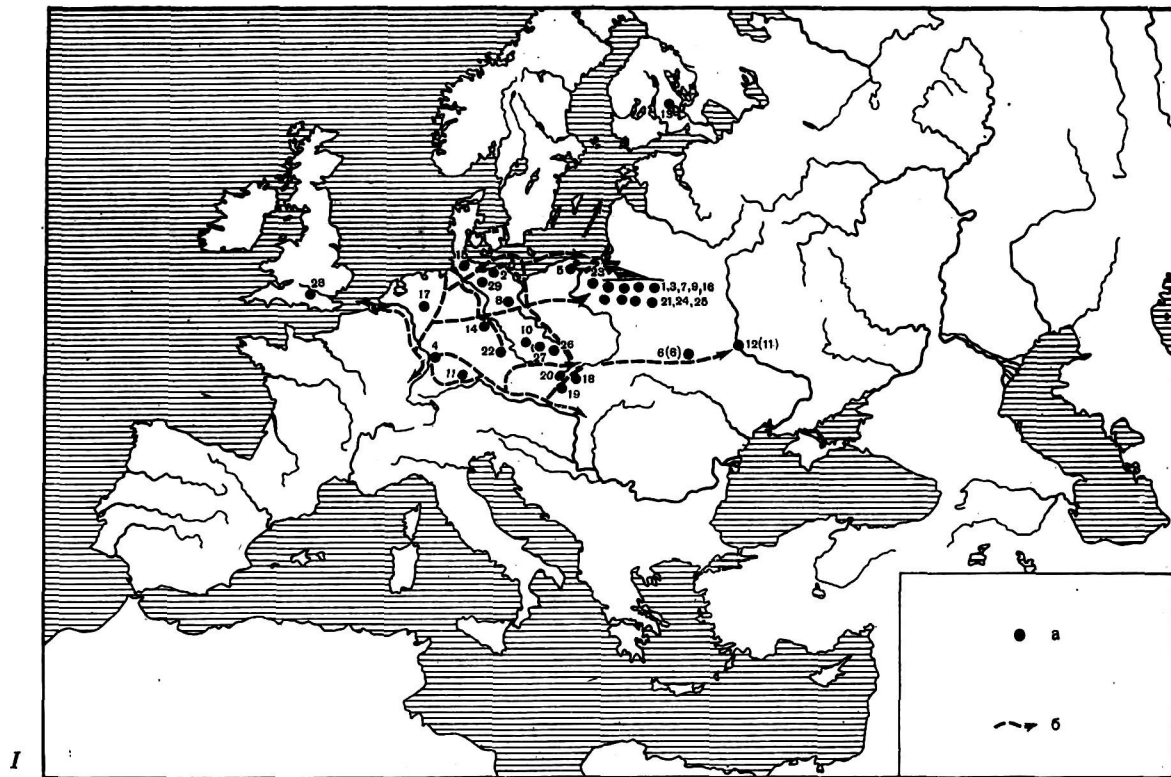

ТАБЛИЦА 30. I. Распространение бронзовых нижнесаксонских водопроводов и подсвечников XII — первой половины XIV в.

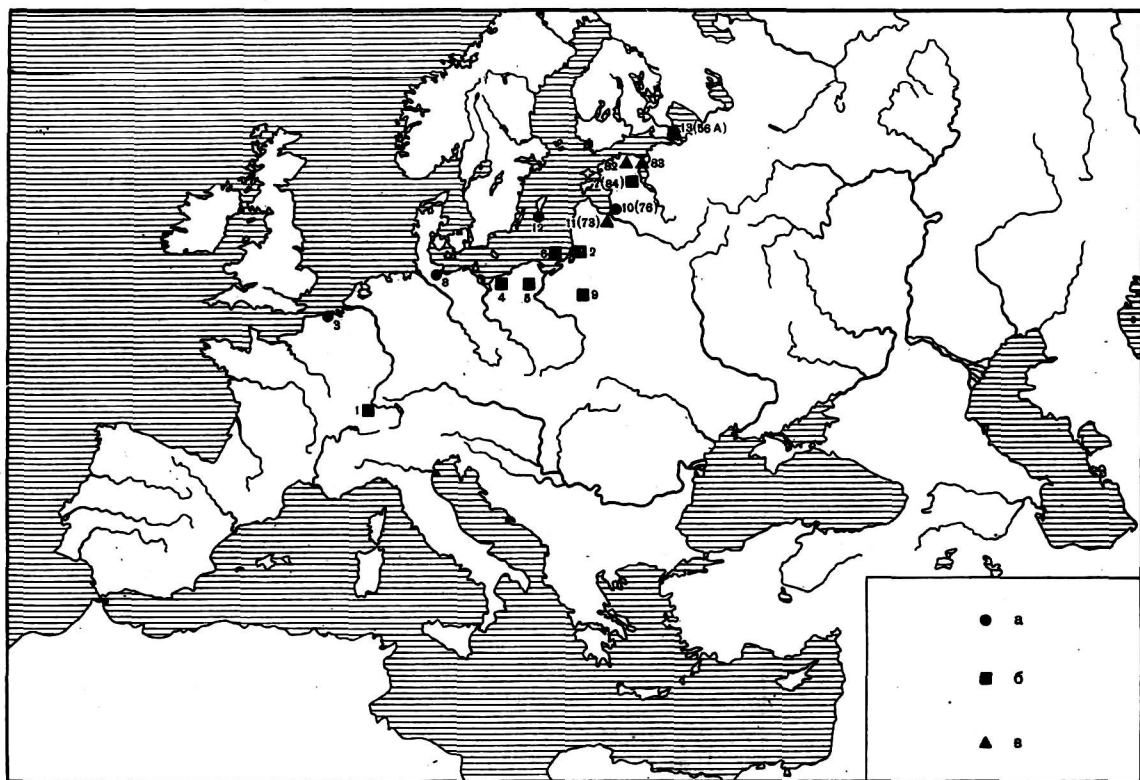
а — находки; б — в утвари церквей; в — Нижняя Саксония; г — пути сообщения
 1 — Арендаль, Телемаркен; 2 — Баден; 3 — Берлин; 4 — Борткушки; 5 — Боршев; 6 — Вальденбург; 7 — Вассербург; 8 — Венгрия; 9 — Виборг; 10 — Витербо; 11 — Вшиж; 12 — Гамбург; 13 — Гельголанд; 14 — Германштадт, Трансильвания; 15 — Готланд; 16 — Гришанцы; 17 — Гродно; 18, 19 — Кемптен, Альгейские Альпы; 20 — Керново; 21 — Кенигсгофен, Нижняя Франкония; 22, 23 — Киев; 24 — Княжья Гора; 25 — Копенгаген (из церкви в Вальдби); 26 — Кочетка; 27 — Кошиж, около Праги; 28 — Кошшо; 29 — Краков; 30 — Крхов, около Тшемешно; 31 — Лайс; 32 — Лунд; 33 — Маркарюд; 34 — Новгород; 35 — Ньюкебинг, на о-ве Фальстер; 36 — Прага (найден в Кошире); 37, 38 — Прибье; 39 — Северный Смоланд; 40 — Северный Шлезвиг; 41 — Смоланд; 42 — Судак; 43 — Соффолк (графство); 44 — Телемаркен; 45 — Хевсурия; 46 — Хорол; 47, 48 — Чернигов

II. Распространение бронзовых чаш типа II (по Т. Поклевскому с дополнениями автора)

а — подтип II-а; б — подтип II-б; в — пути сообщения
 1, 2 — Аахен; 3 — Ветрово, около Приморска; 4 — Вешхлас, уезд Велонь; 5 — Вольное, около Приморска; 6 — Вшиж; 7, 8 — Гент; 9 — Гронинген; 10 — Губен; 11 — Зеленче; 12, 13 — Кальви; 14, 15 — Лунд; 16 — Любек; 17 — Магдебург; 18 — Рейн, около Кельна; 19, 20 — Рига; 21 — Роттердам; 22 — Рюген; 23 — Старая Рязань; 24 — Филиповна, уезд Кентинг; 25 — Херсонес; 26 — Шладтц, около Делча; 27 — Штаде; 28—31 — происхождение точно не установлено; 28 — Британский музей; 29 — Баварский национальный музей в Мюнхене; 30, 31 — Кестнер-Музей в Ганновере

I

II

ТАБЛИЦА 31. I. Распространение бронзовых чаш типа III (по Т. Поклевскому с дополнениями автора)

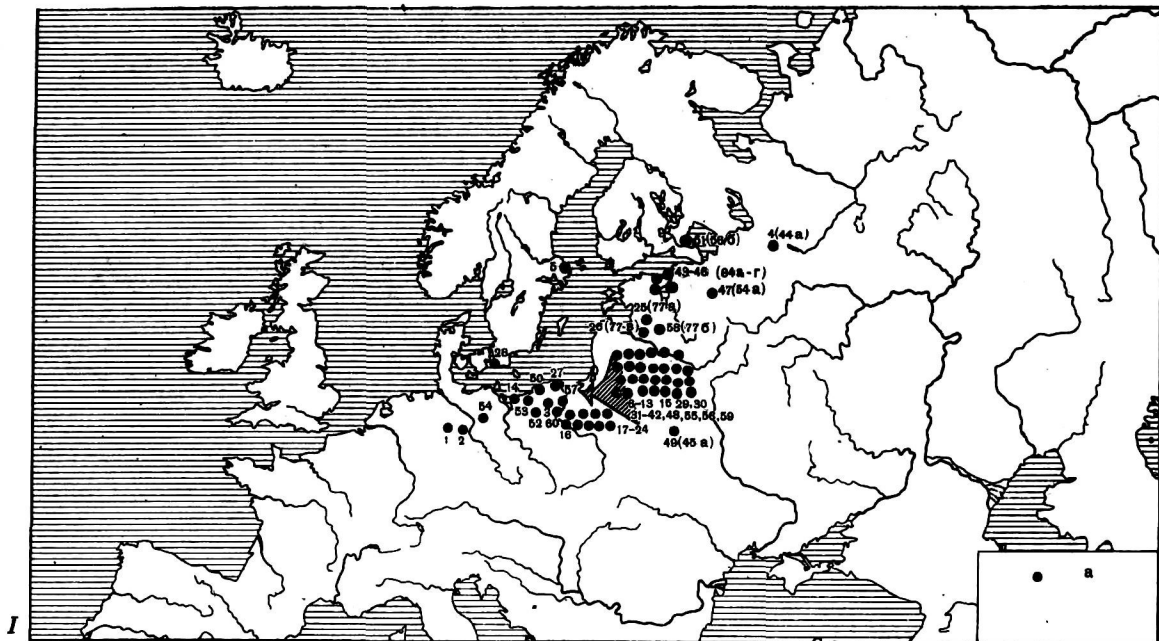
a — чаши типа III; б — пути сообщения

1 — Березовка, около Приморска; 2 — Висмар; 3 — Вольное, около Приморска; 4 — Вормс; 5 — Гланск; 6 — Городище, Шпетовский р-н; 7 — Гребетен, Самбия; 8 — Грос-Фреденвальде, около Темплина; 9 — Доллкейм, Самбия; 10 — Злоторья; 11 — Кешинг, под Ингольштадтом; 12 — Киев; 13 — Кухмойнен; 14 — Лейпциг; 15 — Любек; 16 — Моховое, около Приморска; 17 — Мюнстер; 18—20 — Оломоуц, Моравия; 21 — Поваровка, около Приморска; 22 — Подмоклы, около Дечина; 23 — Половите, уезд Маронг; 24 — Раудтен, Самбия; 25 — Сержкино, около Приморска; 26, 27 — Сobotка, уезд Вроцлав; 28 — Темза под Лондоном; 29 — Шверин

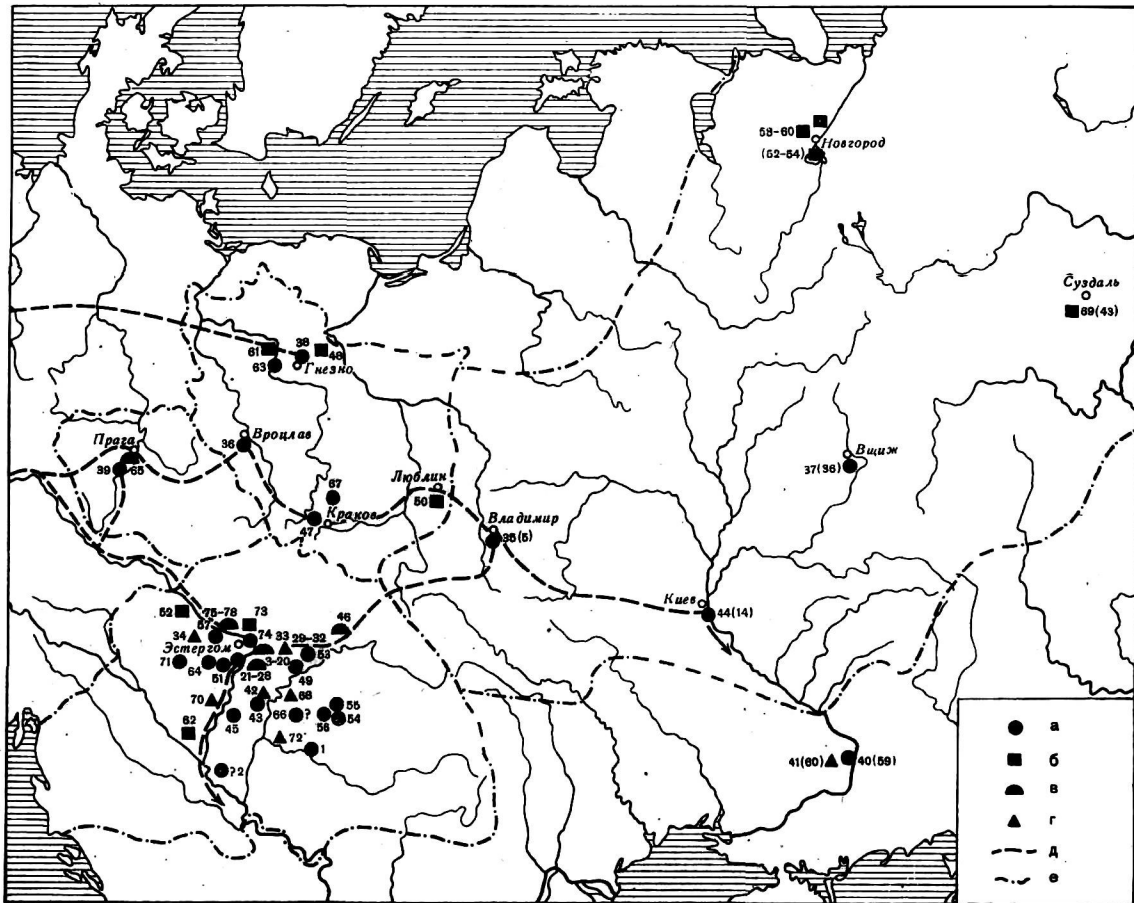
II. Распространение бронзовых чаш типов IV и V (по Т. Поклевскому с дополнениями автора)

a — чаши типа IV; б — чаши типа V; в — чаши неопределенного типа

1 — Бебикон, кантон Ааргау; 2 — Ветрово, около Приморска; 3 — Генг; 4 — Камень Поморски; 5 — Клесник, уезд Члухув; 6 — Кострово, около Приморска; 7 — Кууда; 8 — Любек; 9 — Пеньки-Гродишкё уезд Ломжа; 10, 11 — Рига; 12 — Хавор, Готланд; 13 — Яровщина

I

II

ТАБЛИЦА 32. I. Распространение бронзовых чаш типа VI (по Т. Поклевскому с дополнениями автора)

а — чаши типа VI
 1, 2 — Алум, около Зальцвельда; 3 — Барвино, уезд Място; 4 — Белоозеро; 5 — Вальсгерде, около Упсалы; 6—13 — Вегрово, около Приморска; 14 — Волин; 15 — Вольное, около Приморска; 16 — Гребстин, уезд Торунь; 17—24 — Калдус, уезд Хельмно; 25, 26 — Кримулда; 27 — Летовица, уезд Вейхерово; 28 — Лунд; 29, 30 — Моховое, около Приморска; 31—42 — Муромское, около Приморска; 43—46 — Мэнтак; 47 — Новгород; 48 — Ново-Бийское, около Приморска; 49 — Новоград; 50 — Полянв, уезд Славно; 51 — Приозерск; 52 — Пясечно, уезд Щецинск; 53 — Рейло, уезд Бялогар; 54 — Регдин, Вестригнитц; 55 — Рингельс, Самбия; 56 — Серезкино, около Приморска; 7 — Стефаново, уезд Вейхерово; 58 — Турайда; 59 — Тюленно, около Полесска; 60 — Цепле, уезд Тчев

II. Распространение изделий Лиможа XIII в. в Средней и Восточной Европе

а — вещи, найденные при археологических раскопках и случайные находки; б — вещи, хранящиеся в ризницах церквей; в — вещи, хранящиеся в музеях (найлены в пределах данной страны); г — венгерские подражания лиможским крестам; д — пути сообщения; е — государственные границы (в XII — начале XIII в.)
 1 — Арад; 2 — Баач-Водрог; 3—32 — Будапешт; 33 — Вац; 34 — Вертеп, музей г. Тата; 35 — Владимир Волынский; 36 — Вроцлав; 37 — Вщиж; 38 — Гнезно; 39 — Давле; 40, 41 — Днепровское; 42, 43 — Кечкемейт; 44 — Киев; 45 — Киш Кереш; 46 — Кошице; 47 — Краков; 48 — Крушвиц; 49 — Ладаань; 50 — Люблин; 51 — Меньод-Пуста, департамент Фейер; 52 — Мошон; 53 — Надьбаатонь, департамент Гевеш; 54 — 56 — Надь Ваарц; 57 — Надьшаап, департамент Комааром; 58—60 — Новград; 61 — Обьеже, около Оборника; 62 — Печ; 63 — Позань; 64 — Полгарди (в м. Шомлохедь), департамент Фейер; 65 — Прага; 66 — Сарваш; 67 — Сломник под Меховым; 68 — Солнок; 69 — Сузаль; 70 — Тенгелиц, департамент Толна; 71 — Фельсодоргич, департамент Веспрейм; 72 — Ходмезевашархей; 73—78 — Эстергом

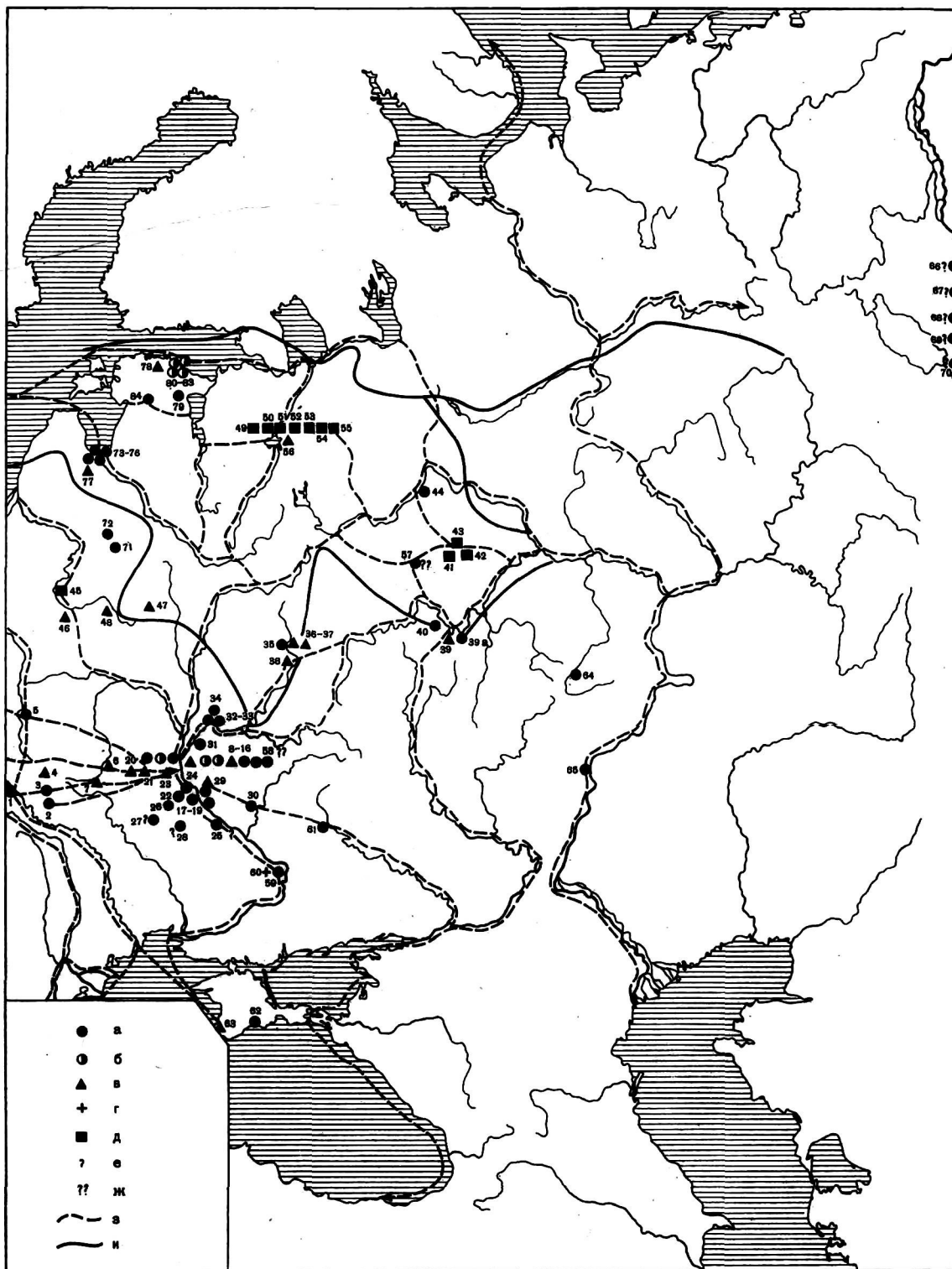

ТАБЛИЦА 33. Произведения западноевропейского художественного ремесла XII—XIII вв. на территории СССР
 а — отдельные находки; б — в составе кладов; в — при археологических раскопках городов; г — в погребениях; д — из состава древней утвари церквей; е — локализация неточная; ж — место находки неизвестно; з — главные пути сообщения; и — границы распространения западноевропейского денария X — XI вв. (по Н. П. Бауеру)

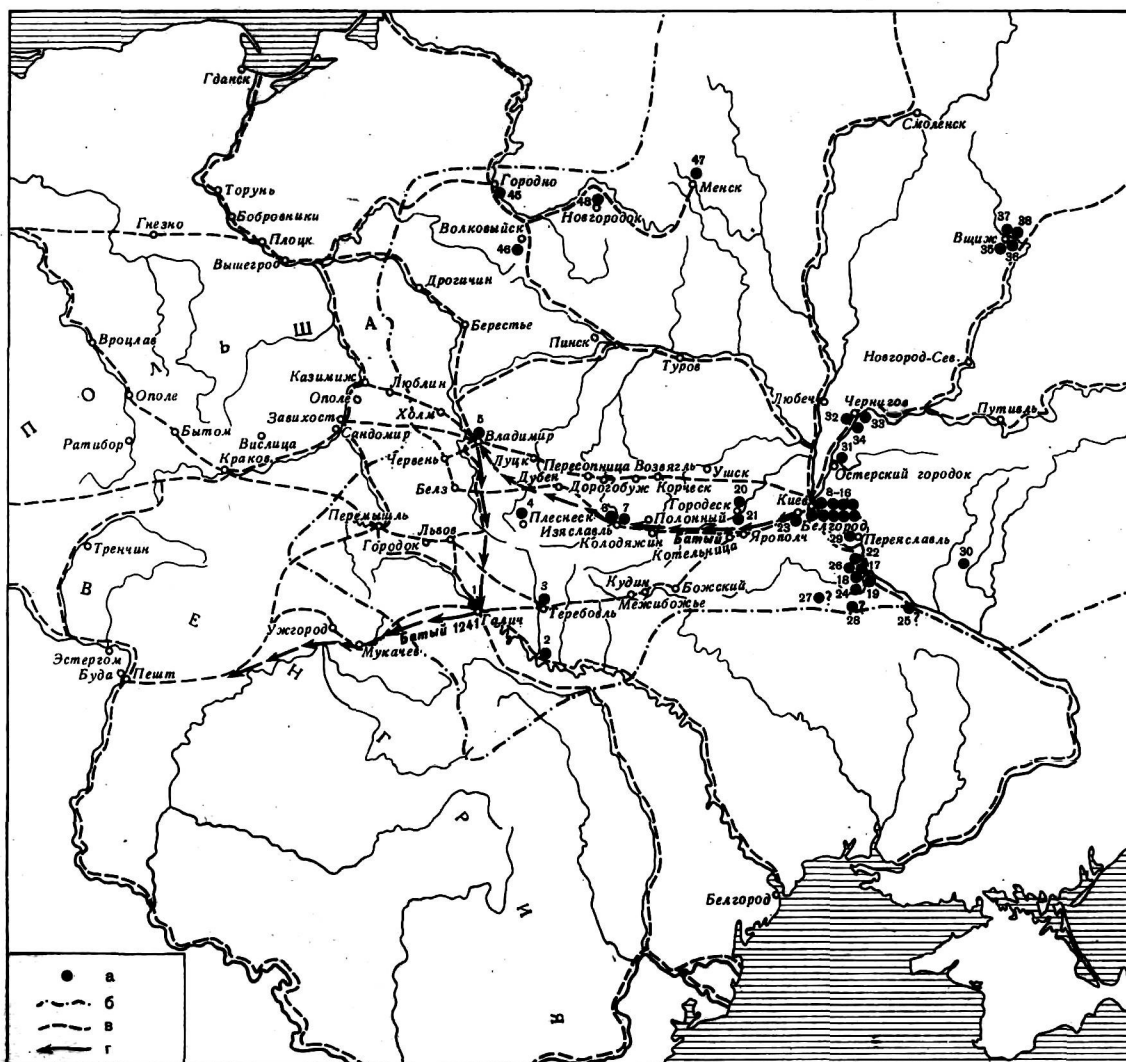
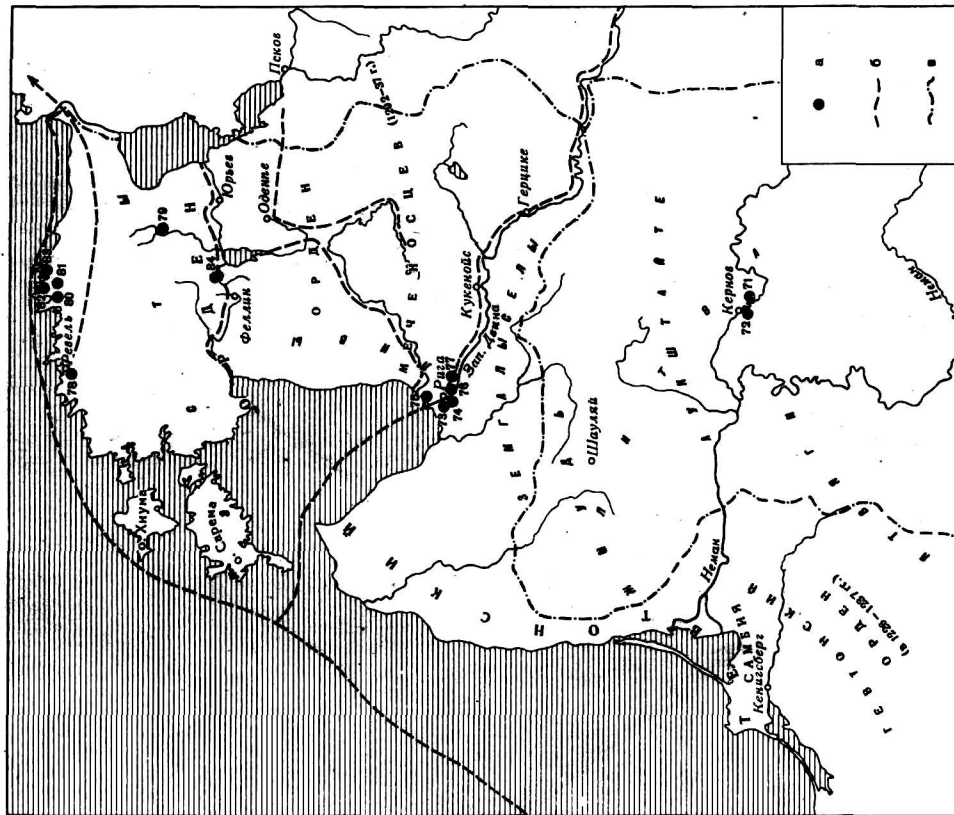
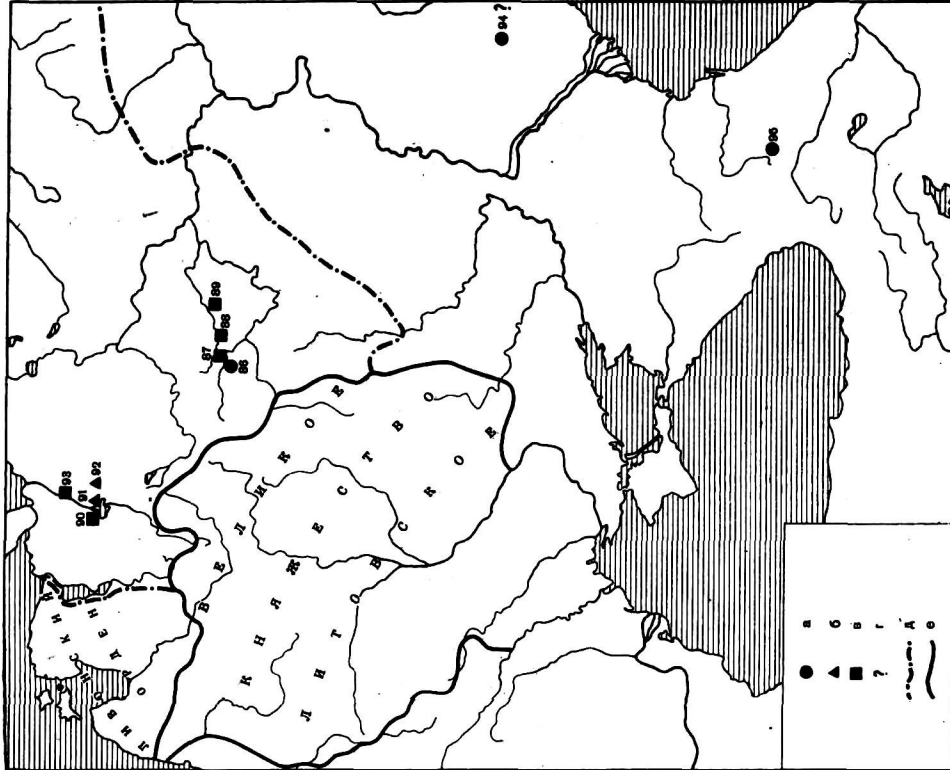

ТАБЛИЦА 34. Произведения западноевропейского художественного ремесла XII—XIII вв. на территории Украины и Белоруссии
 а — находки предметов западноевропейского импорта; б — граница русских княжеств в конце XII — первой половине XIII в.; в — пути сообщения; г — поход хана Батые в 1240—1241 гг. (от Киева)

I

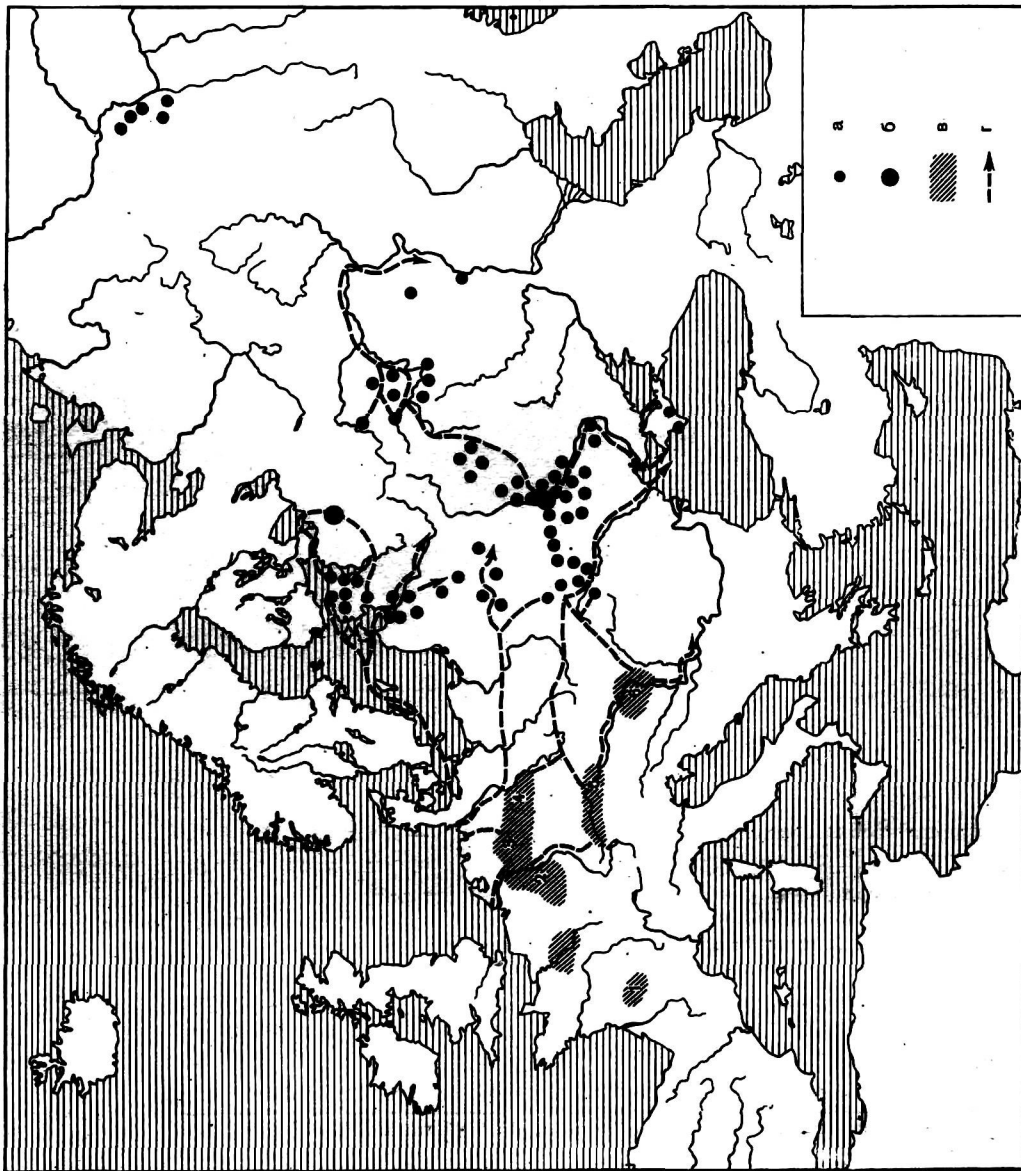
ТАБЛИЦА 35. I. Произведения западноевропейского художественного ремесла XII — XIII вв. в Восточной Прибалтике
 а — находки предметов импорта; б — пути сообщения; в — границы государств в Прибалтике к началу XIV в.

II

II. Произведения западноевропейского художественного ремесла XIV — первой половины XV в. на территории Русского государства

а — случайные находки; б — находки при археологических раскопках; в — из состава льежной утвари церкви; г — локализация неоченья; д — общие границы Русского государства к 1490 г.; е — границы прочих государств

I

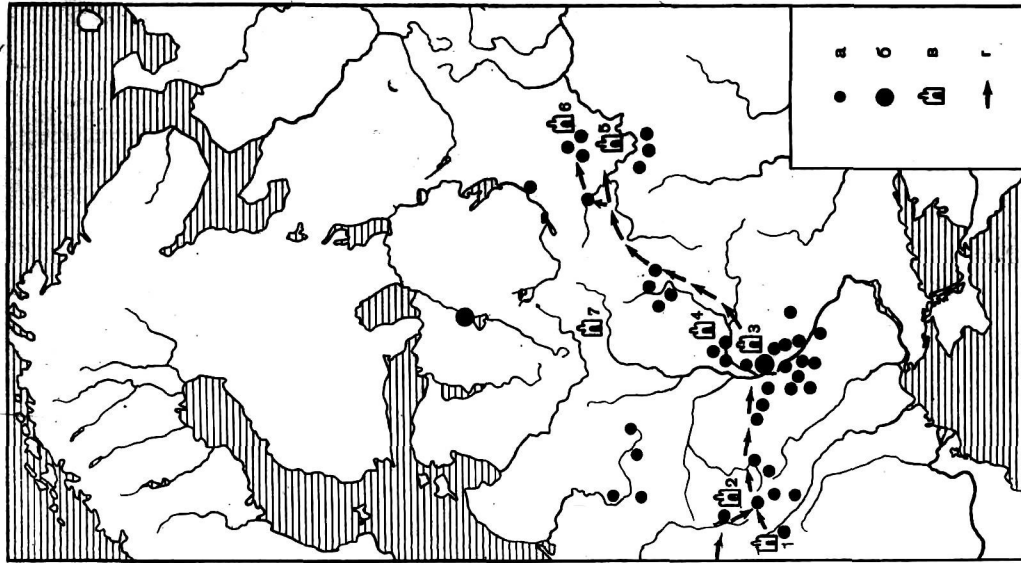
ТАБЛИЦА 36. I. Распространение произведений романского искусства в Восточную Европу

а — произведения западноевропейского искусства XII—XIII вв. в Восточной Европе; б — произведения западноевропейского искусства XII—XIII вв. в Восточной Европе (по десяти княжествам); в — основные районы их изготовления (1 — Лимонь, 2 — Нижняя Лотарингия, 3 — Вост.-Фалли, 4 — Нижняя Саксония; 5 — область верховья Дуная; 6 — Венгрия); г — главные пути сообщения

II. Распространение романских элементов в древнерусской архитектуре XII—XIII вв.

а — находки произведений романского искусства в пределах древнерусских княжеств; б — находки произведений романского искусства в пределах древнерусских княжеств (по десяти княжествам); в — города, в архитектуре которых имеются романские декоративные детали (1 — Галич, 2 — Владимир-Волынский, 3 — Киев, 4 — Чернигов; 5 — Рязань; 6 — Владимир, Суздаль; 7 — Смоленск); г — предполагаемый путь распространения романских элементов

II

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
Глава I. <i>Анализ вещевого материала</i>	7
Глава II. <i>Классификация памятников</i>	52
Глава III. <i>Время, пути и способы проникновения западноевропейского художественного импорта в Восточную Европу</i>	61
Литература	71
Список сокращений	74
Таблицы 1—36	75

Владислав Петрович Даркевич

Произведения западного
художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.)

САИ Е 1—57

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Н. И. Сервисская*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*

Сдано в набор 10/XI-1965 г. Подписано к печати 16/IV 1966 г. Формат бумаги 60×90¹/₄. Печ. л. 9,5+9 л.
на мел. бум. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 1300 экз. Т-03665 Изд. № 360/СБ. Тип. вак. 3566.

Цена 1 р. 24 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10